

ISSN 0137 - 0723

НОВОЕ ВРЕМЯ

Трудная
любовь
с Ясиром
Арафатом

май 1992

19

Индекс 70621

Художники
ищут себя:

Лондонский
туман
или
дым
отечества?

Межрегиональная народная
товарно-фондовая биржа

«НАХОДКА»

Это НАХОДКА ДЛЯ ВАС!
Выгодно вложить свой капитал, уберечь
Вас от инфляции и получить доступ
к биржевым торгам поможет
Вам приобретение акций и брокерских
мест БИРЖИ «НАХОДКА».
Мы ждем Вас, господа!

Телефоны: 931-47-11, 371-27-64, 219-14-92. Факс: 931-43-77.
Адрес: 119048, Москва, ул. Удальцова, д.85, здание НИИ «ВОСХОД».
Проезд: ст. метро «Проспект Вернадского», далее авт. 715, 661.

Читайте в этом номере:

В РОССИИ И РЯДОМ

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНАЛ <i>Л. Алаев</i> НЕСЧАСТНЫЕ. НЕЗРЕЛЫЕ. НЕБЛАГОДАРНЫЕ...	4
ГРУЗИЯ <i>И. Лагунина</i> ПРЕЗИДЕНТ, КОТОРОГО НАРОД ИЗБРАЛ НА СВОЮ ГОЛОВУ	7
НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ	
<i>И. Бунин, А. Ивахник</i> БИЗНЕСМЕН С БОЛЬШОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ	18

МИР

США <i>Е. Русаков</i> «КЛАССОВАЯ ВОЙНА В ГОЛЛИВУДЕ»	20
ГЕРМАНИЯ <i>Д. Погоржельский</i> ГЕНШЕР ОБЪЕДИНИЛ СТРАНУ – И УШЕЛ В ОТСТАВКУ	24
ТОРГОВЛЯ ОРУЖИЕМ <i>Р. Борецкий</i> ОПЕРАЦИЯ «ЖАЛО»	26
ЭКОНОМИКА <i>Е. Русаков</i> МАГИЯ ВАЛЮТНОГО ФОНДА	28
* КИТАЙ <i>А. Чудодеев</i> ЧЕТВЕРТОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАТРИАРХА	30
РОССИЯ–ИНДИЯ <i>С. Иродов</i> АФАНАСИЙ НИКИТИН ЗАВЕЩАЛ ДРУГОЕ	33
ТЕРРОРИЗМ <i>Л. Млечин</i> УЧЕНИКИ СТРЕЛЯЮТ В УЧИТЕЛЕЙ	34
СПЕЦСЛУЖБЫ <i>А. Полюхов</i> С КЕМ ИДТИ В РАЗВЕДКУ	39

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ПОРТРЕТ <i>Рудольф Хачатрян</i> : «Я ПРИЕХАЛ ЗАВОЕВАТЬ ЛОНДОН»	40
АРТ-БИЗНЕС. <i>Е. Пивоварова</i> ГАЛЕРЕИ С ХУДОЖНИКАМИ, НО БЕЗ ПОКУПАТЕЛЕЙ?	42
МЫСЛИ В СЛУХ <i>В. Варжапетян, М. Тартаковский</i> ДИАЛОГ ЕВРЕЯ И АРМЯНИНА (окончание)	44
ПОЛЕМИКА <i>М. Сицрала</i> СОН О КАРЕЛЬСКИХ ОЗЕРАХ	48
ЭКОЛОГИЯ <i>А. Полюхов</i> ОДИН «ПУЗЫРЬ» НА ВСЕХ	57
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>М. Вишняк</i> И ТУТ ПРИШЕЛ ЖЕЛЕЗНЯК...	58
ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ <i>А. Гербен</i> ЛЕГИОН НИЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЕТ	62
ПОЧТА «НВ» <i>В. Вишнепольский</i> ПОЧЕМУ ВОПИТ КОШКА	64

ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)

Обложка *Рудольфа Хачатряна*

Звиад Гамсахурдиа оставил о себе странную память...

Стр.7

Черный бунт захватил Голливуд. Сюжет, который и не снился создателям «Полицейского из Бев-верли Хиллз»

Стр.20

16-летний Дэн Сяопин, будущий «архитектор китайских реформ», начал свою карьеру во Франции. Сейчас ему 87, он затевает новую «революцию»

Стр.30

Номер сдан в печать 5 мая 1992 года

Главный редактор

Александр
ПУМПЯНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,
Лев ЕЛИН,

Никита ЖОЛКВЕР,
Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории,
Нью-Йорке, Риме,
Сеуле, Софии, Стокгольме, Токио

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Печатается в типографии
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д.7.

**Тираж 105000.
Заказ №1605.**

**Цена по подписке – 59 коп.,
в розницу – 2 руб.**

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Не могу согласиться с черно-белой оценкой Т.Ивановой митингов на Манежной площади и у Белого дома. С делением наших сограждан на чистых и нечистых, на прекрасных – собравшихся у Белого дома, и на плохих – на Манежной. Не могу и разделить ее упрек тем журналистам, которые заняли позицию «над» теми и другими. И там, и здесь не забота об Отчизне, а «охота на ведьм».

На мой взгляд, лучше попытаться понять и тех, и других, найти то общее, что может объединить в это трудное время, о котором Т.Иванова предпочитает умалчивать. Ведь трудно и тем, и другим, и Т.Ивановой. А сумели ли руководители страны убедить народ, что их политика правильная?

Зачем все эти пикеты, плакаты? Похоже, Т.Иванова все еще живет августом 1991-го. Пикеты, плакаты могут и быть, но со стороны других слоев, совсем не тех, кого Иванова называет прекрасными людьми. Ведь демократы-то уже у власти! Но дело все-таки в том, что и те, и другие – наши сограждане, и, на мой взгляд, дело журналистов внести свою лепту в дело возрождения наций, а не подыгрывать конфронтации.

Владимир Юсим
Москва

■ Ошибаются президенты, откладывая на потом проблемы семьи, растрачивая силы народа на политическую трескотню. Вот бы утвердить по всей стране такой порядок: молодой семье – швейную, стиральные машины, холодильник, льготную ссуду на постройку дома.

И пусть молодые начнут закладывать свои родовые гнезда, если уж старшим поколениям не судьба была это делать. И пусть упрямцы переболеют большими городами, как дети корью. Большинство же – уверен – переберутся на жительство поближе к природе, вырастив сад и воспитывая детей с красивой душой и открытым сердцем.

Вот чем следует заниматься нашим президентам и немедленно, вспомни совет Талейрана, что даже войну можно отложить на потом. Занявшись этой проблемой, отложив все свои политические амбиции, они с удивлением заметят уже через пару месяцев, что политическая трескотня не стоит ни сил, ни времени, настолько она мелка и несерьезна.

Ю.Петров
Джамбульская область

■ Сейчас в прессе вновь стали появляться письма

«вечно вчерашних» или «коричнево-красных» – это кому как нравится. Вот и я хочу написать о них.

Приезжал к нам в поселок перед выборами президента России второй секретарь окружного комитета партии. Бешено агитировал в пользу обанкротившегося Рыжкова. Из-за этой агитации вышел из партии наш единственный стоящий коммунист. И что же? Бывший второй секретарь сейчас вновь выбран кем-то на какую-то должность (или назначен). Про него знают все в округе. Всю жизнь просиживал штаны на никому не нужных должностях – комсорг, инспектор окружкома...

Назначенный президентом представитель рекомендует нашему Совету избрать главой администрации человека, снятого в свое время с должности председателя колхоза за пьянство. И других заслуг у него немало: ликвидировал в свое время огороды, рыболовство, звероферму. В дни путча заявлял: подождем указаний сверху. И сейчас, видимо, их ждет, но уже на посту главы администрации. Кто же делал и делает перестройку в нашем округе? Кто эти деятели? Им всегда было хорошо: и при старой, и при новой жизни. Они своего не отда-

Останемся при своих снах – и землях!

■ Не могу согласиться со многими положениями статьи финского профессора Пентти Вирранкоски «Карелия снится не только нам» (№ 7/92).

Российско-финляндская граница исторически формировалась после Северной войны, когда Швеция уступила России за денежную компенсацию Карельский перешеек, Ингерманландию, Лифляндию и Эстляндию. Нынешняя российско-финляндская граница, по существу, совпадает с границей, существовавшей в 1809 году, когда Финляндия была присоединена к России. Эта граница не затрагивает историческую территорию Финляндии. Финны никогда, вплоть до второй мировой войны, не составляли этнического большинства населения Карельского перешейка.

Нынешняя линия границы определена Парижским мирным договором 1947 года, подписанным СССР, Финляндией и еще девятью государствами, находившимися в состоянии войны с последней. Добровольно вступив в союз с фашистской Германией и полностью

поддержав ее цели в агрессивной войне – ликвидацию и расчленение Советского Союза, порабощение славянских и угро-финских народов – и присвоив к этим целям собственную: создание «Великой Финляндии», Финляндия обрела себя на участь государства, обязанного подчиниться условиям послевоенного урегулирования, выработанным Объединенными Нациями. Черчилль назвал участие Финляндии в войне на стороне Германии «подлостью».

Паасикиви пришел к выводу, что обе стороны (и Россия, и Финляндия) совершили ошибки. Он призвал подвести черту под всем прошлым. Это было сделано, о чем свидетельствует опыт наших отношений в последние десятилетия. Территориальной проблемы между обеими странами не существует – это неоднократно подчеркивало руководство Финляндии в связи с попытками некоторых кругов (весьма немногочисленных) выдвигать территориальные претензии к нашему государству.

Владимир Петров
Москва

Аромат прибалтийности в прессе

Закладывайте родовые гнезда

«Десять заповедей бессарабского румына»

дут и никаких существенных перемен не допустят. Заболтают все и перевернут с ног на голову.

Я написал только о деятелях, которые у всех на виду. А сколько таких сидит во всех без исключения учреждениях? С радостью ждут они народного бунта, а радетели КПСС стараются обелить их на страницах газет и журналов. Сколько же можно ходить вокруг да около и назначать таких людей на руководящие посты, ссылаясь на их мифический опыт? Мне могут возразить, что все эти «бывшие» избраны народом. Но это означает только, что они вновь надули избирателей. На примере нашего Совета могу сказать: ни одно из обещаний не выполнено, кроме увеличения нормы отпуска водки, — и это для людей Севера, которых спаивали все 70 лет советской власти. Номенклатура знает

слабые стороны народа и пользуется этим по-прежнему.

В. Канев

Архангельская область

■ Я гражданин иностранного государства — независимой Латвийской Республики. Там я преступил закон и был осужден, но нахожусь на территории России (СНГ). Постоянными унижениями, притеснениями и террором администрация может спровоцировать взрыв среди заключенных из Прибалтики. Наша Родина вышла из-под оккупации мирно, неужели же нам надо вырываться из плена с оружием в руках? Мое принудительное задержание на территории бывшего СССР вопреки указу министра внутренних дел о вывозе прибалтов в свои страны — это поприще конституции, международного терроризма. Я заработал здесь гипертонию и опухоль кости. Как мне предъявить иск правительству России?

Ни одна страна мира не наживается на рабском труде незаконно задержанных иностранцев. Помогите мне вернуться на Родину.

Владимир Бычков

Пермская область

■ Я не хочу, чтобы евреи уезжали из России. Все мои знакомые евреи — умные, образованные, культурные, очень работоспособные люди. С ними легко работать и жить. Поэтому их не выгонять надо из России, а угова-

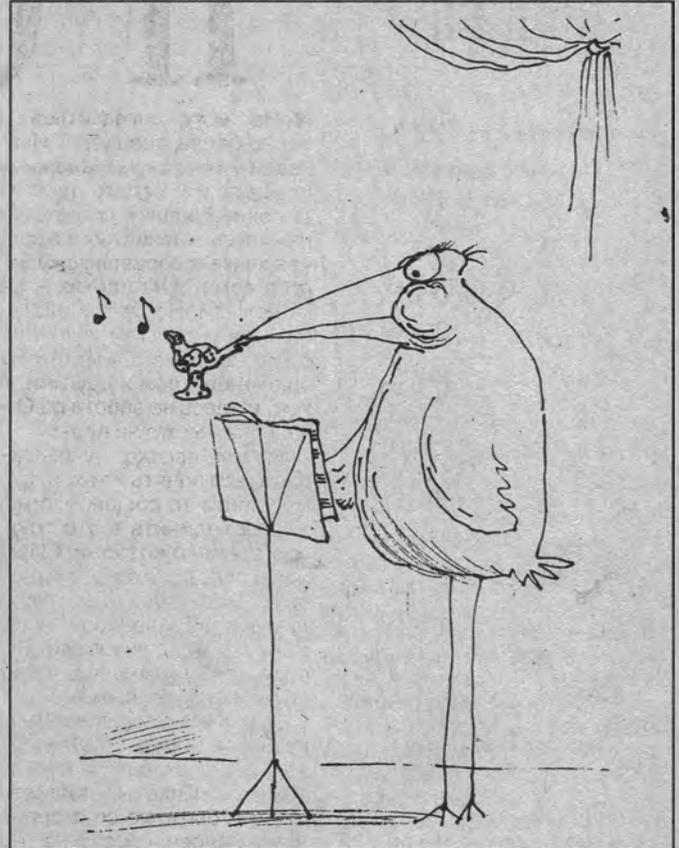

Рисунок Виктора Богорада

ривать остаться. Пусть работают на благо нашей страны, а не Израиля.

Г. Степанова, пенсионерка

Находка

■ Недавно «Радио России» полюбопытствовало: а как

нынче живет русский (русскоязычным) в независимых государствах СНГ. О том, как им живется в Молдове, лучше всего ответит издание Народного фронта Молдовы — газета «Цара», опубликовавшая «Десять заповедей бессарабского румына». Вот что там, в частности, говорится: «Не торопись связывать свою судьбу с человеком другой нации. Скрещивание улучшает лишь породу животных, а людскому роду вред наносит. Если же ты создал семью с представителем другого народа, сделай все, чтобы в твоей семье победил твой дух, румынский».

Почтой это письмо послать не мог, ждал оказии. В нашем независимом государстве взамен коммунистического появился националистический прессинг. А рядом с ним и цензура. Письма, подобные этому, изымаются, а у их авторов начинаются неприятности. В силу возможных преследований адрес свой не указываю.

А. Магеданский
Молдова

Растворенное в воздухе презрение к разуму

■ Полюбуйтесь на то, что вы печатаете за подписью Ганюшкина: «...профанация на чувствах». И это благополучно прошло редактора и корректора. Вместе с «демократической колбасой». И «НВ» — еще один из лучших журналов, в другой я бы писать не считал нужным. Во всех масс-медиа страны господствует этот тон простоватости, тон, задаваемый с самого верха. Задаёт его «полуграмотная, но нахрапистая шушера» — выражение самого Ганюшкина. А ведь эта шушера и при застое была, но ошибок в прессе было гораздо меньше. Стеснялись, соблюдали декорум.

В конце позапрошлого года приезжал 90-летний Карл Поппер, давал интервью «Московским новостям». Он ясно сказал, что главным в нашей действительности считает отсутствие интереса к истине. Но «МН» вынесли в заголовке другое: «В семнадцать лет я тоже был марксистом». «МН» истина тоже не интересует. Это растворенное в воздухе презрение к разуму (а на самом деле — страх перед ним) роднит нас с тем, от чего мы сегодня старательно открепиваемся, — с нашим героическим прошлым.

Я тоже ходил на эту «коммунистическую» демонстрацию, о которой пишет Ганюшкин. Только для того, чтобы увидеть все своими глазами, на масс-медиа надеяться нельзя. Впечатление от демонстрации удручающее. Жалко людей и зло на них берет. Не получится правового государства, даже если мы начнем уважать Закон. Важен **способ** этого уважения. Когда наш человек (совок) уважает закон, он уважает стоящую за ним силу, в то время как цивилизованный человек уважает стоящий за Законом Разум. Разум этого человека кормит, греет и одевает. По пальцам можно у нас пересчитать тех, для кого апелляция к разуму больше, чем реверанс. Безраздельно господствует претенциозная полунинтеллигентия, часто эрудированная, но аромат прибалтийности не перебивается ничем. Особенно это заметно в «Московском комсомольце», «Коммерсанте». Я эти издания читаю, благодарен им, и все же...

М. Грязнов
Москва

Подборку подготовила Т. Чернова

Несчастливые. Незрелые. Неблагодарные...

Леонид Алаев,
главный редактор журнала «Восток»

Стон стоит над страной, над демократическим и красной-коричневым военными лагерями, на собраниях, съездах, конференциях, симпозиумах и дискуссиях. Этот стон у нас зовется политологическим

анализом...

— У нас нет демократических традиций...

— У нас не сложилось гражданское общество...

— Нельзя перейти от тоталитаризма непосредственно к демократии. Это еще никому не удавалось...

— Нужна харизматическая личность, нужна сильная власть; чтобы она силой ввела товарные отношения и демократию!

— Необходима идеология, народ не может жить без идеалов, он должен знать, куда стремиться...

И как рефрен:

— Мы не готовы к демократии.

Как бы выпить и закусить?..

Подразумевается, что оратор, провозглашающий эти истины с трибуны, сам-то лично вполне готов. Не готов народ. Это у него нет традиций, нет политической культуры, у него нет гражданского общества, это ему нужна харизматическая личность, чтобы было кому поклоняться и чтобы было кому вести этот самый народ за ручку в светлое будущее капитализма.

И этот неготовый народ очень страшен. Реформу не начинали шесть лет, потому что боялись «социального взрыва», «гражданской войны», «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». А самым страшным буквой служили «непредсказуемые последствия». Кто нас только не пугал «непредсказуемыми последствиями» — и Горбачев, и Рыжков, и Алкснис, и Собчак, и Абалкин, и Петраков... Да что говорить, каждый депутат, все равно союзный или российский, выходя к микрофону, чтобы предложить редакционную поправку к закону, обязательно страдал, что, если эту поправку не принять, настанут «непредсказуемые последствия».

Сначала мы очень пугались при слове

Рисунок
Аркадия
Гурского

Я понимаю, у коммунистов и патриотов к народу могут быть претензии. Но демократам-то на что жаловаться?

«непредсказуемые». Но потом нам постепенно на практике доказали, что предсказуемые последствия куда страшнее непредсказуемых.

Но вернемся к народу. Итак, наши славные политики вкупе с экономистами уже давно установили бы у нас славную демократию и сравнительное благоденствие, если бы народ был другой, поразительнее что ли, поактивнее, культурнее политически, записывался бы сразу в травкинцы или в астафьевцы, а не думал бы только о том, как бы выпить и закусить, да в ящик посмотреть.

А мне хочется спросить, а какие, собственно, претензии у господ демократов к народу? Где, когда, в чем он вас подвел? Я понимаю, у товарищей коммунистов и сударей патриотов к народу могут быть претензии. Неблагодарный народ, осчастливленный партией, и правда, забыл славные коммунистические идеалы. Тут обиды понятны, но демократам-то что жаловаться?

Вот были первые выборы 1989 года. Нет еще у демократов ни партии, ни программы, ни денег. Ничего нет, что необходимо для победы на выборах. И тем не менее они нередко побеждают, а партноменклатура терпит поражения. Мне скажут: народ голосовал не за демократию, а против партии. Правильно. Ну а как еще голосуют люди в самых раскрепощенных западных гражданских обществах? Перед ними ставится альтернатива, и они выбирают то, что им кажется лучшим или менее противным.

Наступили вторые выборы, 1990 год. Тут уже оформились два четких блока — Демроссия и патриоты. Коммунистов было просто не слышно. И что же народ — сказал свое веское слово? Да уж сказанул: победа демократов и сокрушительное поражение «патриотов».

А проследите за карьерой Ельцина с точки зрения роли народа. Народ положил свой глаз на Ельцина после октябрьского пленума ЦК. Народ интуитивно почувствовал: «Этот может». Что может? Народ не обязан давать четкие словесные выражения своим чувствам. Одни думали: «Может свернуть шею новым комбуржуям», другие: «Может дать свободу», третьи: «Может вытащить страну», а четвертые сами не знали, что именно Ельцин может, но «может».

Именно тогда он (народ) решил привести Ельцина к власти. И привел, мудро по дороге отметая все попытки его (Ельцина) опорочить. В каких случаях народ не верил напраслине, а в каких — закрывал глаза на явные просчеты своего героя, в этом мы уже не разберемся. Но факт тот, что и не верил, и закрывал глаза, и вел свою линию — Ельцин к власти.

То, что народ не просто доверился Ельцину, а сознательно выдал кредит доверия, как выдают кредит в банке, на определенную «сумму» мер и на определенный срок, видно из того, что его явные ошибки (указ о Чечне, указ об объединении ГБ и МВД и несколько более мелких) ничуть не повлияли на его рейтинг.

Где же здесь бунт?

Разве народ поверил слезам Рыжкова? Разве народ поверил в профессионализм Павлова? Или возьмем противоположный случай — почему держится правительство Гайдара? Его, это правительство, и популярный вице-президент обзывает «мальчиками в розовых штанишках», и виднейшие экономисты коллективно и высокомерно от него отмежевываются, и академик Арбатов индивидуально брюзжит, и дучка Святослав Федоров ругается, и спикер парламента, не утруждая себя аргументами, а лишь ссылаясь на служебные обязанности и на свои знания (экономиста-рыночника, к тому же и член-корра!), разносит их как школьников на педсовете, а им все равно верят. Почему? Ведь не каждому доступно разобраться в хитро-

умных экономических выкладках — «плавающий курс», «кредитная ставка», «макрэкономическая модель», «бегство капитала»... Не каждый убедится, что возражения реформе крикливы и демагогичны, а предлагаемые иные пути — либо призыв назад, в тупик, либо несбыточные розовые мечты. Народ не должен, не может, да и не хочет разбираться в этих специальных проблемах. Но он почувствовал: результаты работы этой команды могут быть непредсказуемыми, в то время как результаты иных других мер, увы, вполне предсказуемы.

Стоит напомнить еще и о внутренней сдержанности и дисциплинированности, проявленных во время шахтерских забастовок. Об этом писали, но вдумайтесь еще раз: где же здесь бунт? Или посмотрите непредвзятым взглядом на огромные московские и петербургские демонстрации, каждую из которых «определенные силы» хотели превратить в провокацию. За исключением 23 февраля этого года, когда организаторы сознательно шли на скандал, — ни одной разбитой витрины, ни одного перевернутого или сожженного автомобиля. Такое впечатление, как будто на время демонстраций из Москвы уезжают все хулиганы или объявляют мораторий на бесчинства, которых в обычные дни в Москве хоть отбавляй.

Мне как востоковеду известно, например, что такое демонстрация в Индии. Любая. За левых, за правых, за единство Индии, против единства, да просто студенты выйдут на улицу протестовать против плохих отметок. Это разбитые витрины, фонари, сожженные машины. Индия, положим, страна неразвитая и южная. Но вот недавно в Париже студенты де-

монстрировали против правых, против Ле Пена. И что же? Разбитые витрины, сожженные автобусы и автомашины.

Итак, кто же не готов к демократии на Руси? Мне кажется, что свою неготовность продемонстрировали интеллектуалы.

Интеллектуалы «из служащих»

Интеллигенцией в России звали социальный слой, который отличался двумя признаками — образованностью и нечиновностью и находился вне системы государственной службы. Маргинальность («обочинность») ее положения питала постоянно вошедшие в поговорки критичность, но также мягкость и нерешительность. Неслужильный мог себе позволить долго обдумывать что-то и колебаться в принятии решений.

В середине XVIII века дворяне получили право не служить, но воспользовались они этим правом не сразу. «Лишние люди» русской литературы — это предтечи интеллигенции. Они уже не служат трону, но еще не служат народу и идеалам. А потом две ветви интеллектуалов разошлись. Одни продолжали служить (и прислуживаться), а другие отказались от службы не по лености, а по принципиальным соображениям и тем самым противопоставили себя всему самодержавно-чиновничьему строю.

Российская интеллигенция сыграла свою роль в идейном подъеме России в конце XIX — начале XX века, она совершила все революции. Она была в их результате уничтожена.

«Советская интеллигенция» получила свое имя незаконно. В Советском Союзе по определению не мо-

Некоторые москвичи еще встречают Первомая. Но окон не бьют

Фото Юрия Гринаса

гло быть неслужилых интеллектуалов. Писатели, художники, журналисты, ученые — все служили государству в двух смыслах: во-первых, фактически жили на зарплату, получаемую из госбюджета, а во-вторых, интересы государства определяли или должны были определять идеи и темы деятельности. Служение народу (типичное для интеллигенции) превращалось при помощи ряда софизмов («народ и партия едины») в служение режиму (что для интеллигенции смертельно). Забавно вдуматься, что власти, сохраняя у своих слуг атрибуты интеллигенции (дискуссион, гонорары), не очень уж скрывали, что на самом деле никакой интеллигенции нет. Вспомним, что и сейчас по «социальному происхождению» все мы делимся на «из рабочих», «из крестьян» и «из служащих».

Были, конечно, диссиденты (полностью соответствующие определению интеллигентов, особенно после того, как теряли работу) или люди, ушедшие во внутреннюю эмиграцию (их можно назвать «интеллигентами-в-себе»). Но подавляющая часть образованного класса Союза не отделяла себя от правительства, гордилась тем, что могла быть полезна режиму, горевала, если их мозги не востребовались (феномен шестидесятничества). Жизненный успех «советского интеллигента» измерялся должностью («чином») или званием, которое тоже было разновидностью чина, так как давалось, по существу, начальством и означало повышение жалованья.

В поисках утраченного кондоминиума

Социально-экономическое положение совковой образованщины было похоже на положение рабочих (получение зарплаты на госпредприятии), но нравственное ее состояние подвергалось гораздо более сильным испытаниям, а потому и эрозии. Если рабочие после прекращения массовых репрессий могли ничего не бояться и выработать в своей среде независимое, фрондерское или по крайней мере наплевательское отношение к власти («дальше фронта не пошлю»), то образованщина, хоть и нищая по западным меркам, в случае малейшего фрондирования могла тут же что-то потерять. Очередное продвижение по службе, заграникомандировка, персональная выставка, защита диссертации, публикация книги — все это было в руках начальства. В среде служилой образованщины «само собой» возникали сервильность, угодничество, доносительство, склонность, подсижки. Именно такова атмосфера в академических институтах. Наверное, то же творится и в других местах скопления этого особого духовно пауперизированного слоя.

Неудивительно, что именно этим кругам стало очень неуютно с исчезновением «сильной власти», с нару-

шением привычной иерархии. Поставлен кардинальнейший для образованщины вопрос: «Кому служить?» Отсюда попытки «демократов» воссоздать иерархическую лестницу, заполучить начальство, от которого можно было бы ждать подачек. Развращенная своей формой выживания при коммунистическом режиме, образованщина не может никак сориентироваться в новых условиях. Она лишается своих мизерных, но столь дорогих для нее привилегий.

Очень любопытно психологически стремление образованщины самоутвердиться, убедить себя и других, что ничего не изменилось:

— Как ходили на Старую площадь, так и ходим. Имеем дело с теми же чиновниками. Все так же решения не принимаются, а откладываются. Так же поддерживается пресса, связанная с режимом, и душится остальная. Как! были сервильны выборы в Академию наук, так и остались. Стало только хуже: раньше хотя бы знали, к кому обращаться, чтобы решить вопрос, а теперь все запуталось. Да и взятки стали брать открыто...

Да, светлого будущего опять не наступило. Да, пороки прежней системы отчасти перешли в новую. Одно то, что мы можем недостатки этой системы изучать и обнародовать, — уже свидетельство того, что ее нельзя свести к прежней. Но сейчас о другом — о позиции нашей «интеллигенции», особенно нашей политической и политологической элиты. Может, она во взаимодействии с нашим чудным политизированным, терпеливым, знающим, чего он хочет, народом созрела она для этого или нет? Или она продолжит прикрывать свою растерянность ссылками на политическую невежественность народа?

Продолжаются поиски алхимических рецептов: вот если бы установить автократический режим, вот если бы «навести порядок», вот если бы не давать России распасться. Серьезно спорят о том, как лучше: утвердить современные границы республик или ввести губернии? Миграция предлагает установить кондоминиум над Крымом. Петраков предлагает ввозить иностранный капитал. Интеллектуалы продолжают жить в мире своих эмоций и иллюзий.

Работайте над собой, господа!

Прочел в «Независимой газете» статью Виктора Топорова «Встречный бой». Как нужно было бы поступать Ельцину в августе 1991 года? Провозгласить себя временным диктатором СССР и ввести на всей его территории чрезвычайное положение. Горбачев отправляется на пенсию, приостанавливается деятельность партий, вводится военная цен-

зура. Особенно мне понравилось: «Руководители госучреждений всех рангов объявляются призванными на воинскую службу». Союзным министрам, вместо того чтобы их выгонять, присвоят генеральские звания и зачислят на довольствие!

Откуда у тех, кто сейчас в тиши академических кабинетов разрабатывает концепцию «просвещенного авторитаризма», вера в благотворность абсолютной власти? Они хотят лишить Ельцина его единственного капитала — доверия масс. Они хотят лишить Ельцина возможности исправлять свои ошибки (через решения Верховного Совета или Конституционного суда, отменяющие указы президента). Наша образованщина чувствует себя неуютно, когда она не встроена в четкую иерархическую структуру, которая передает команды сверху вниз и отчеты снизу вверх. Кроме того, новая система доходов в стране делает государственную зарплату все менее престижным, приличным и устойчивым доходом. Отсюда особенно апокалиптическое восприятие нынешней действительности тем слоем, который назывался «советской интеллигенцией».

Скоро будут новые выборы. Если демократические силы придут к ним расколотыми на две дюжины партий, отличия между которыми иногда незначительны, а иногда принципиальны, но тщательно затушеваны с обеих сторон, если они не выдвинут общих кандидатов, если народу не будет предоставлена четкая альтернатива: «за возврат к старому» или «за построение капитализма», то, конечно, этот самый народ может и растеряться. Он может не понять, что популярные Руцкой и Травкин играют на руку «патриотам» (раз они сами этого не понимают!), что Аксочиц уже растратил в борьбе с КПСС свой запас демократизма и перешел на позиции охранительства (не правительства, так государства). Спасибо еще красным и коричневым — они были настолько активны, что хотя бы отлично показали, кто они на самом деле, куда зовут.

Особенно важно определиться сейчас по «державному вопросу». Крикливые организации оказывают медвежью услугу русскому народу, пытаются поднять его на бессмысленную борьбу за «единство России». Поднять они никого не поднимут, но оттолкнуть все другие народы и тем самым окончательно разрушить Россию — на это они способны. Демократические силы отчасти проявили недостаточную зрелость, отчасти трусость в отстаивании принципов, но в той или иной мере пошли на поводу у «патриотов». Повторю свою основную мысль: долг интеллигенции (если она есть) заключается в том, чтобы предоставить народу как можно более ясную альтернативу. А выбирать ему. И все, что я знаю пока, говорит за то, что он выберет правильно.

Президент, которого народ избрал на свою голову

Ирина Лагунина,
специальный корреспондент «НВ»

Когда спрашиваешь у грузин, как они смогли допустить полугодовое диктаторское правление в своей стране, на их лицах появляется чувство досады и растерянность. Они и сами пока не могут объяснить, как это случилось. Но вопрос этот многих мучает. Меня интересовало, насколько закономерен «звиадизм». Вернее, насколько неизбежно появление звиадов в молодых постсоветских государствах?

Есть вопросы, которые кому-то могут показаться незначительными. Но только не грузинам. Для них они представляют серьезную проблему. Например, почему грузинские женщины, которые в Грузии традиционно и всегда были символом дома, семьи и благочестия, вдруг превратились в истерично скандирующих поклонниц? Насколько раз слышала такое объяснение: нет, Звиад не настолько привлекателен и красив, но в нем есть что-то, что заставляет забыть обо всем. Как в Кашпировском. Массовый гипноз. Но, конечно, это не объяснение. Тем более что полтора года назад я слышала от грузин, что Звиад очень даже привлекателен.

Буш в подлодке в Черном море

Есть в отношении к бывшему президенту нечто, что и сейчас вызывает опасения. В основном ему в вину ставятся не нарушения

прав человека, не цензура печати, не массовый психоз в обществе и даже не развал страны, а международная изоляция Грузии. Вероятно, это больше всего ущемляет национальную гордость.

Председатель Консервативной монархической партии Грузии Теймураз Жоржлиани объясняет эти настроения тем, что Грузия в течение 200 лет не имела независимости и идея восстановления ее была настолько сильна, что полтора года назад стерла абсолютно все — здравый смысл, демократические устремления, цивилизованные формы общения. Гамсахурдиа говорил: сначала независимость, а потом демократия.

Звиад пришел к власти на волне национализма.

— В народе было определенное недовольство, изгнанные и изгоняемые чувства национальной гордости, — продолжает эту мысль лидер Либерально-демократической национальной партии Грузии Михаил Нанешвили (ничего общего с партией Жириновского не имеет). — Существовали комплексы, которые сознанием не контролировались. Агрессивность накапливалась. И в этот момент кто-то вышел и сказал, что есть конкретное зло, против которого надо бороться, — коммунисты, КГБ, империя. И агрессия находит выход, и люди довольны, что нашли дело жизни.

Михаил Нанешвили, который всегда был очень критически настроен и к националистическим лозунгам, и к националистическим партиям, тем не менее утверждает: у тех, кто приезжает в Грузию исследовать политическую ситуацию, часто складывается неверное представление о грузинском национализме. Так получилось, говорит он, что примитивизм в понимании национальной независимости отбросил в сторону все культурные силы. Они остались в стороне и не включились в национально-освободительное движение. В результате создается впечатление, что национальное движение в Грузии недемократично. На самом деле оно некультурно. В нем не присутствовали идея, интеллект. И вся фразеология, которую развивал бывший президент, происходила из-за отсутствия какой бы то ни было идеологии. Его нередко называют фашистом. Но, по словам Нанешвили, для него это — комплимент. Фашизм — это идеология, это система мышления. А он не мыслит — он бросал лозунги.

...И все-таки трудно представить себе, как развивались бы события в Грузии, если бы народ не почувствовал себя с приходом Гамсахурдиа вдвойне ущемленным: выбрали президента, добились независимости, а признания так и не получили.

Лидер политической организации «Хартии-91», в прошлом парламентской фракции, Тедо Пааташвили, впрочем, утверждает, что такое признание могло состояться. Пааташвили одно время возглавлял парламентскую комиссию по внешним сноше-

Единственная заслуга Звиада Гамсахурдиа состоит в том, что он пришел к власти путем свободных выборов. Теперь народ думает: как это могло случиться?

В декабре в Тбилиси шли бои. Но противостояние президенту не стало массовым
Фото из журнала «Тайм» (США)

У сухумского кафедрального собора голодают и требуют вернуть Гамсахурдиа к власти

Фото ИТАР-ТАСС

ниям. Он говорит, что после выборов в Верховный Совет в октябре 1990 года и особенно после референдума о независимости Грузии в марте 1991-го американцы, немцы и даже французы начали довольно активно идти на контакты с официальной Грузией. Но у них оставался барьер, искусственно создаваемый Союзом, — пока есть центр, пока есть Горбачев, не стоит ослаблять его позиции признанием вышедших из состава СССР государств. Но потом, по словам Пааташвили, признание стало невозможным уже по другой причине: Запад заметил явные перегибы в звиадовской политике.

Интересно, что и сам Гамсахурдиа понимал этот «пробел» в своей деятельности и пытался любыми способами его устранить, хотя официально пропагандировал албанскую модель замкнутости.

— После августовских событий в Москве мы собрали подписи депутатов, чтобы созвать внеочередную сессию парламента и осудить деятельность президиума Верховного Совета Грузии в дни путча, — рассказывает Пааташвили. — 25 августа мы собрались все вместе, в том числе и Гамсахурдиа. Он сказал нам, что звонил Ельцин и предложил признать независимую Грузию и установить дипломатические отношения. Для меня это было полной неожиданностью, потому что я знал, в каких отношениях находился два президента после скандала с Южной Осетией. Гамсахурдиа как-то направил российскому президенту письмо с требованием изменить название Северной Осетии, потому что Южной уже не существует. Ельцин ответил весьма острым письмом. Тем не менее Гамсахурдиа на сессии бравировал звонком из Москвы. Потом выступил я и

рассказал, что было в Москве и как отреагировал наш президент на путч. Но мое выступление не прозвучало — фраза Гамсахурдиа о том, что если Россия готова нас признать, то, значит, наша политика правильная, перечеркнула все. Так я и не знаю, звонил Ельцин или нет...

Кто-то пустил слух, что президент Буш все-таки признал грузинского президента и даже встречался с ним... на подводной лодке то ли в Черном, то ли в Каспийском море. Одни говорят, что встреча состоялась до свержения Гамсахурдиа, но не афишировалась, потому что Буш боялся гнева Москвы. Другие утверждают, что это было после декабрьских событий и что Буш обещал экс-президенту поддержку.

Тбилисцы полагают, что слух пустили те, кто до сих пор ходит на митинги с портретом Звиада, и передают эту байку со смехом. К грузинам вернулось чувство юмора.

Беда в том, что есть один и его надо выбрать

Известный педагог, основатель собственной школы Шалва Амонашвили допускает, что некоторые из его учеников могли быть в числе демонстрантов в защиту Гамсахурдиа. Но он уверен, что они менее остро и болезненно переживают уход президента и образование Госсовета. Почему? Потому что Амонашвили строил свой педагогический процесс на свободе выбора. Ученик сам мог выбрать, учить ему стих или не учить, решать задачу или нет. У детей закладывалось понятие альтернативы.

Лидер Социал-демократической партии Гурам Мачаидзе тоже склонен объяснять феномен Звиада при-

вычкой к тоталитарному мышлению.

— Сказалось то, что в течение 70 лет люди воспитывались в духе преклонения перед руководством и руководящими личностями. Это осталось в психологии масс, — считает Мачаидзе. — Мы и сейчас далеки от того, чтобы полностью преодолеть этот синдром. К полным изменениям в общественном сознании можно прийти только постепенно, через демократизацию и рыночные отношения.

В таком случае всем посткоммунистическим государствам неизбежно придется столкнуться с похожим явлением, пусть даже выраженным в иной форме и при иных обстоятельствах.

В Грузии, правда, были «особые обстоятельства». Все, у кого был я ни спрашивала, как мог стать Звиад во главе страны, начинали объяснять, что он — сын классика грузинской литературы. Вышел из уважаемой семьи (пожар в его доме — музей Константина Гамсахурдиа — был трагедией для всех грузин), получил хорошее образование, знает несколько иностранных языков, всю жизнь слыл борцом за независимую Грузию, издавал подпольный политический журнал, известный диссидент, ярый антикоммунист. Да и компартия после событий 9 апреля 1989 года развалилась сама собой.

Все это, конечно, правда, но отнюдь не объясняет появление в обществе «звиадизма».

— Звиад хотел народ, который то и дело превращался в толпу, — говорит Шалва Амонашвили. — Человек, который слепло верит только в одну линию, только в одного лидера, — это Окончание часть толпы. К со- на 17-й стр.

Президент, которого народ избрал на свою голову

(Окончание. Нач. на 7–8-й стр.)

жалению, именно толпа вышла на поверхность национального движения. В условиях когда все старое вокруг рушится, толпе нужен вождь. Вообще, вождизм — это один из признаков того, что народ превратился в толпу.

— Народ, который собирался на правительственных митингах, приветствовал Гамсахурдиа, но большая часть людей наблюдала за происходящим молча, — полагает лидер ЛДП Михаил Нанешвили. — Но та же домохозяйка, которая вернулась с митинга домой, думала, что сделала историческое дело, покричав там и излив свои чувства.

Создается впечатление, что Гамсахурдиа уловил, на что может «клюнуть» толпа.

— Обратите внимание, — замечает председатель Христианско-демократического союза Ираклий Шенгелая, — Гамсахурдиа на первый взгляд цытался все вопросы решить на митингах. Почему? На самом деле он, конечно, никаких вопросов там не решал, но у людей создавалось впечатление, что проблемы решаются и что они сами участвуют в этом решении. А для людей, которые привыкли, что от них ничего не зависит, это — вершина блаженства и символ демократии. Все, что отработывалось системой в течение десятилетий, проявилось в тот момент, когда система разрушилась. Можно лишь сожалеть, что такая доля выпала Грузии. Во всех странах есть партии, которые проповедуют расизм, шовинизм, нацизм, но когда они становятся государственной политикой, это страшно.

Большинство же сейчас склонны считать, что Грузией правил не шовинист и нацист, а человек с деформированной психикой.

В Тбилиси рассказывают такую байку о Звиаде.

Говорят (за достоверность не ручаюсь), что Гамсахурдиа во время сессии парламента крикнул в пылу гнева лидеру Народного фронта Нодару Натадзе:

— Обратитесь к врачу-психиатру, если вы не можете понять, что происходит!

Натадзе спокойно ответил:

— Хорошо, но только не к вашему. А то я не вижу результатов.

Не вешайте ярлык на интеллигента

Полгода противостояния у Дома правительства на проспекте Руставели окончились вооруженным восстанием и свержением избранной боль-

шинством голосов власти. Но митинги недовольных правлением Гамсахурдиа так и не приняли массовый характер. Многие тбилисцы в декабрьские дни не вышли на баррикады и судили о происходившем по всполохам на небе. Рассказывают, что через проспект Руставели в дни перестрелок и обстрелов была натянута проволочка — чтобы зеваки не заходили туда, где их могут пристрелить. И политизированные грузинские мужчины стояли за проволочкой, покуривали и обсуждали, откуда лучше стрелять и что делается «не так». Быть может, это объяснимо. Гамсахурдиа столько раз обращался по телевидению к населению с просьбой прийти и защитить его — в сентябре от митингующих, в октябре от голодающих, в ноябре от протестующих, — что люди устали. Они выбирали президента для того, чтобы он их защитил, а не наоборот. Родилась апатия к любым политическим действиям, тем более вооруженным. Теперь люди удивляются, как дошли до такой жизни, что «грузины начали стрелять в своих братьев — грузин».

Лидер «Хартии-91» Тедо Пааташвили считает, что люди не присоединились к звиадовской оппозиции еще и потому, что формы борьбы со Звиадом были вполне адекватны политике Звиада. Баррикады на Руставели, голодовки и в конечном итоге вооруженная борьба. Ведь не каждый пойдет сооружать заграждения или переселится в палатку голодать, а полемика зачастую шла по принципу «сам такой».

Приходится лишь удивляться, как у Гамсахурдиа получалось бить всегда туда, где больнее. И еще, как, оказывается, легко запугать кого угодно.

Когда во время выборов в парламент и президентского марафона кто-то пытался сказать слово против Гамсахурдиа, лидер «Круглого стола», а затем и президент, раздавал убийственные формулировки: «враг грузинского народа», «агент Кремля», «рука Москвы». И ярлыки действовали. Особенно на интеллигенцию. Одно дело числиться антисоветчиком, а другое — предателем своей нации.

Лидер ЛДП Михаил Нанешвили привел мне в пример выдающегося грузинского мыслителя, философа Мераба Мамардашвили. Все удивлялись, как внешне спокойно он реагировал на творящееся в Грузии — а он скончался от инфаркта...

Нетипичный грузин?

Но все-таки некоторая ностальгия по звиадовским временам уже дает о себе знать. Особенно в среде тех, кто всю жизнь боролся за независимость Грузии. Не по самому президенту, а по тем светлым дням, когда, к примеру, выбирали — впервые на многопартийной основе — Верховный Совет. Для многих вместе с Гамсахурдиа ушла романтика борьбы: сейчас

бороться уже не с кем, надо работать и выводить страну из кризиса. Вообще, вероятно, это черта советской оппозиции, которую нагляднее всего продемонстрировал сам Звиад: антисоветские и антикоммунистические группы в этой стране настолько привыкли жить лишь для того, чтобы разрушить систему, что, когда пришли наконец к власти, не заметили перемены и продолжили разрушать — теперь уже собственное государство.

На волне антизвизмизма и апатии действительно забываются романтика и трагизм борьбы. 8 апреля на могиле Мераба Коставы — лидера национально-освободительного движения Грузии, трагически погибшего за год до октябрьских парламентских выборов 1990 года — почти не было цветов. Шестивия 9 апреля — в годовщину трагедии 1989 года — никак нельзя назвать массовыми. А 31 марта мало кто вспомнил, что день этот — не только день рождения экс-президента, но еще и годовщина референдума о независимости Грузии. А у грузин всегда на первом месте стояли эмоции.

Кстати, отсутствие именно этой черты у Гамсахурдиа позволило председателю Национально-демократической партии Грузии Георгию Чантурия сказать, что Звиад — не грузинский феномен и вообще не типичный грузин.

— Он не любит застолье и веселье, — говорит Гия, бывший до 1990 года соратником Звиада по борьбе. — У него не широкая натура, он замкнут, постоянно кого-то подозревает в чем-то, всюду видит заговоры и провокации. Его личная трагедия в том, что он хотел стать диктатором, но не смог — не хватило сил. Он был так популярен, что если бы делал 99 ошибок из 100, то он бы выжил. Но он ошибался 100 раз из 100.

Сейчас в Грузии действительно тяга к возрождению традиций. Грузинам словно нравится тот образ, который сложился за долгие годы, — веселые, общительные, хлебосольные люди, любящие хорошие застолья и не менее хорошие вина. Может быть, поэтому в первое время после свержения Гамсахурдиа в Грузии активно поговаривали о восстановлении монархии. Гия Чантурия даже съездил в Испанию за одним из наследников престола. Но когда я спросила у него, зачем он, лидер НДП, поехал за монархом, то услышала неожиданный ответ:

— Я поехал для того, чтобы привезти красивую идею. Чем, отличается Германия от Англии в области демократии и уважения прав человека? Просто монархия — это красиво. А грузины любят красоту.

Звиад Гамсахурдиа запомнился тбилисцам тем, что сажал цветы. Всюду, где есть хоть клочок земли, летом цвели розы. Чем не повод для ностальгии?

Бизнесмен с Большой Коммунистической

Владимир Семаго, основатель Московского коммерческого клуба, утверждает, что его можно разозлить, но подчинить нельзя

Семаго — президент СП и руководитель еще трех компаний. 45 лет. Женат, имеет сына. Окончил инженерно-строительный институт и Академию внешней торговли. Называет себя «социалистом европейского толка». Недавно опубликовал в «Правде» «двадцать пять тезисов» в резко антиправительственном тоне.

— Вы не видите некоторого парадокса в том, что Московский коммерческий клуб находится на Большой Коммунистической улице?

— Меня уговаривали поменять название, но я считаю, это забавно сочетается с именем клуба.

— Как символ переходного периода?

— Скорее исторический памятник. Мы приходим к пониманию того, что любая эпоха имеет право на свои исторические ценности. Будущие поколения, возможно, будут смеяться, недоумевать, но у них будет памятник в названии.

— Ради чего вступают в ваш клуб?

— Все довольно просто: обстановка в общественных местах — ресторанах, кафе — жуткая. Сервиса нет, криминальных элементов — более чем достаточно. Ну и тянет к нам — в красивые, аккуратные, чистые стены, с высоким уровнем обслуживания.

Наш клуб — ни в коем случае не замкнутая элитарная кучка людей, которая обжирается и не помышляет ни о чем другом.

Это прежде всего форма установления контактов между российскими и иностранными предпринимателями.

— Кто может стать членом клуба?

— Первое время Московский коммерческий клуб получал много заявок приблизительно в такой форме: «У меня есть деньги, я бы хотел вступить в клуб». Но деньги бывают разные, и используются они в разных целях, поэтому мы предпочитали этот критерий отбросить, а создавали клуб на базе интересных, перспективных, ярких организаций и личностей. Что касается российских предпринимателей, то мы вообще старались ориентироваться на организации, представленные первыми лицами. Ведь в наше время крайне сложно распознать, насколько то дело, которым занимается пришедший

к тебе конкретный человек, его методы нравственные и приемы в порядочном обществе. А когда разговариваешь с представителем организации, это легче: есть банковские документы, которые позволяют посмотреть, что он из себя представляет. И это, в свою очередь, дает клубу возможность давать какие-то гарантии.

Клуб — это некая форма коллективной ответственности друг за друга.

— А чем занимается СП «Московский коммерческий клуб», которое вы возглавляете?

— Посредническая деятельность, поиск партнеров, участие в создании новых предприятий. — «Российский медведь», компания по производству и реализации пива, была создана при участии нашего СП. Кроме того, мы создали юридическую фирму для предпринимателей — ведь в цивилизованных странах деятельности юристов в бизнесе, в экономике придается очень большое значение — и маленькую туристическую компанию.

Мне не нравится слово и понятие «брокер», я испытываю отвращение к спекуляции в чистом виде — в наших условиях. Мне хочется создавать новые предприятия. Но самая большая и пока неосуществленная наша с женой мечта — это продюсерство в кино. Мы очень внимательно следим за мировым кинематографом и, мне кажется, понимаем, что должно быть в кино и чего не должно.

— Что вы делали в вашей допредпринимательской жизни?

— Практически все было связано со строительством: от рабочего на стройке до главного инженера дирекции по строительству объектов Госкомитета по науке и технике. Кроме того, несколько лет работал в Интуристе в коммерческом управлении и одновременно обучался в Академии внешней торговли. А в 1987 году впервые забрезжила идея о собственном деле.

— Как же вы начинали?

— У меня было в те годы прозвище «помощник Горбачева». Я иногда позволял себе такую роскошь — давал советы начинающим предпринимателям, вел что-то вроде неофициальной адвокатской деятельности. Ко мне шли многие — и вот обратились молодые ребята и сказали, что хотели бы открыть кооператив — сосисочную. Из идеи кооперативной сосисочной и развился Московский коммерческий клуб! В каждом деле, наверное, главное — не какая идея, а кто ее реализует.

— Советы советами, но что вас самого побудило уйти в предпринимательство?

— В государственной бюрократической системе вы можете быть гениальным человеком, предлагать фантастические идеи, а вам только скажут: «Да нет, не годится». Я хотел существовать как личность, как реально действующий субъект.

— Вы чувствовали в себе задатки к этому?

— Я занимался режиссурой в ранней юности. У меня получалось, были свои режиссерские работы, а предпринимательство — это, по сути дела, постоянное создание мини-спектаклей, актеры в которых иногда способны на импровизацию, иногда нет, иногда ты кого-то заставляешь, подчиняешь своей режиссерской воле.

— Помимо возможности самореализации, какие мотивы важны для вас как предпринимателя? Вот власть —

как возможность воздействия на людей — важна?

— Безусловно. Режиссер — это человек, которому все подчиняются. Театр не бывает коллективный.

— Важно ли для вас ощущение свободы, автономия в деятельности?

— Несомненно. Меня сегодня нельзя подчинить. Меня можно разозлить, а подчинить нельзя. Это очень важно в общении с той категорией людей, которую я ненавижу, которые надували щеки и топтали...

— Какую роль играет стремление к накоплению собственности — с перспективой передачи ее детям, создания семейного дела?

— Мне все это даром не нужно. По моему сыну 8 лет. Человек, входя в жизнь, должен обладать каким-то капиталом, чтобы понять и осуществить то, что он хочет.

— Какие ваши личные качества позволяли вам добиться успеха?

— Один из принципов, которые я себе положил в жизни, заимствован у Черчилля. Он говорил, что начинает работать только в тот момент, когда

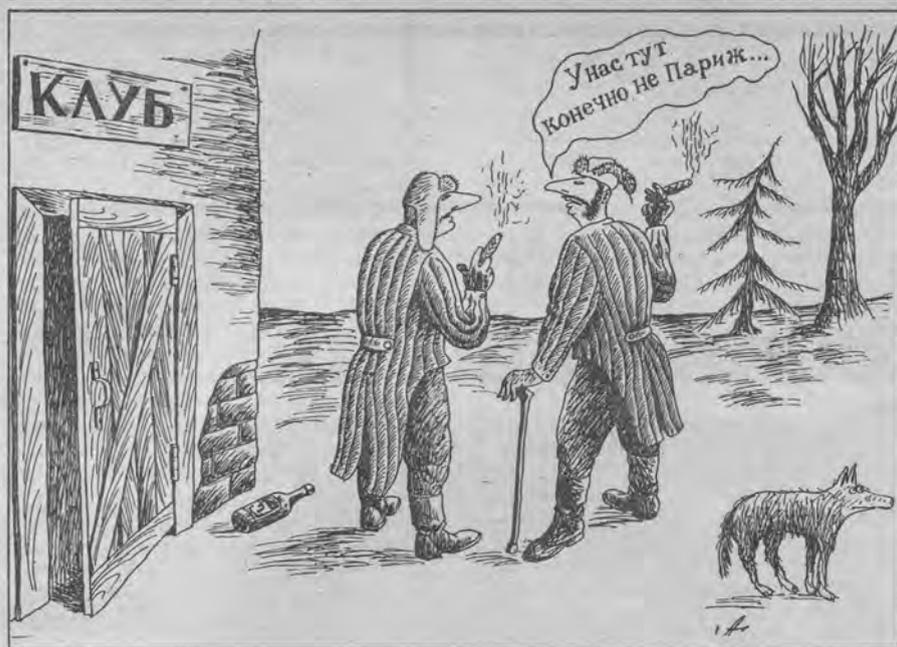

Рисунок Аркадия Гурского

ему говорят «нет». То есть для меня всегда сигнал включения в активную деятельность — это отказ. Он сказал свое «нет», и в его арсенале больше ничего не осталось. Свою внутреннюю задачу он психологически выполнил и дальше никаких редутов не строит. А у меня их несколько сотен. Я заранее знаю, что сразу услышу отказ. Для меня это всего лишь сигнал включения в работу.

— Насколько для наших предпринимателей важен фактор роста личных доходов? Или есть какой-то уровень, после которого личное богатство отходит на второй план, а на первый выходят вложения в дело?

— Мы все вышли из социализма, и у каждого из нас социалистические понятия о богатстве. Как только эти понятия оказываются удовлетворенными, человек начинает расти дальше, нормально развиваться. Но достиг некоего уровня богатства он обязан: шуба жене, машина, дача, развлечения, которые раньше тебе были недоступны. Достиг — пойдешь вперед.

Сам по себе фактор накопления какого-то богатства — не самое главное, даже у жуликов.

— Ну а лично у вас как получилось?

— Я того минимума, который мне нужен, достиг. Мы в семье не ставили перед собой задачу объявить себя в первой десятке богатых людей России. Это чушь собачья. Для меня деньги — это инструмент, который позволяет что-то строить.

— Вы много общаетесь с предпринимателями. Какие люди в этом слое вам импонируют? Какие — раздражают?

— Импонируют предприниматели, пришедшие из интеллигентной среды, люди, которые обладают внутренней культурой. Важно, чтобы в предпринимательство пришло как

можно больше хозяйственников и промышленников, то есть людей, имеющих опыт. Не нужны здесь дилетанты. Ненавижу жуликов, просто по-человечески. Когда делают деньги на кладбище, на проблемах больницы, на проблемах детского сада. Я никогда не буду с таким человеком даже общаться.

— Какие основные факторы, по вашему мнению, которые мешают работать российским предпринимателям?

— «Социалистическое» сознание, «социалистические» структуры, взяточничество и бесконечное желание навязаться на чужом.

— А в политической сфере?

— Все эти катаклизмы, все эти бесконечные интриги. То, что произошло в последнее время и происходит в нашей стране, — это по преимуществу интриги. Даже создание СНГ — это, по моему мнению, не что иное, как интрига. Интрига трех-четырёх человек по отношению к пятому.

— Вы опубликовали в «Правде» статью с критикой правительства. Чем объясняется ваш очень резкий тон?

— Неприятием манеры осуществления реформы, отсутствием гласности. Давайте реформу делать все вместе! И потом меня как предпринимателя волнует отказ правительства от основ демократии в экономической политике.

— В чем это проявляется?

— Если обратиться к опыту правительства Тэтчер, то основополагающим моментом его налоговой политики был принцип поощрения предпринимателей в производящей сфере и одновременно ужесточения налогов на компании, занимающиеся перепродажей, брокерскими операциями. Вместо этого наше правительство предложило всем единую систему налогообложения, сверх-

жесткую финансовую политику и сжатие сферы денежного обращения. Подобные действия могут и должны принести положительный эффект в странах со сложившейся рыночной экономикой. У нас эти меры не могут остановить самое страшное — спад производства. Я как человек, которому новая экономическая политика дала практически все, не могу согласиться с позицией людей, до конца не прогнозирующих, к чему же приведут те или иные действия. Самым правильным будет объявить 1992 год переходным от экономики социализма к рыночной экономике и попытаться стабилизировать ситуацию, сообразуясь с реалиями тотальной государственной монополии.

— Почему вы решили изложить свою позицию в газете «Правда»?

— Мое достаточно глубокое убеждение состоит в том, что сильная власть должна иметь сильную оппозицию. Некоторые политики наносят непоправимый вред реформе, пытаясь называть здравомыслящих людей противниками реформ. Именно поэтому я и написал статью в «Правду» как человек, который не вписывается в образ противника реформ хотя бы по принадлежности к социальному слою.

— После вашей статьи распространились слухи о причастности структур КПСС к созданию и финансированию ваших предприятий...

— Если кого-то это интересует, то можно всегда обратиться к бухгалтерским документам. При правильной постановке банковского учета всегда можно точно определить, откуда поступили те или иные средства.

— Но читатели вряд ли будут обращаться к бухгалтерским документам...

— Я могу однозначно сказать, что ни одной копейки партийных денег на расчетные счета наших предприятий не поступало.

— В чем вы видите выход из экономического кризиса?

— Я думаю, единственный выход — это слияние государственного капитала с частной инициативой. Если активные предприниматели найдут нормальных партнеров в государстве и будут обладать минимальным доверием, то процесс пойдет. Необходимо реализовать возможность государственного сектора через менеджмент, через инициативных, умных, толковых людей. Эти менеджеры, имея какой-то процент прибыли, получают возможность для создания своего собственного капитала, чтобы потом вложить его в свое дело. Но как быстро это произойдет, я не знаю.

Интервью вели:

Игорь Бунин,
Александр Ивахник

(Проект «Новые российские предприниматели» финансирует «Технобанк»)

«Классовая война в Голливуде»

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

**Название
фильма из
жизни не
самых бедных
американцев
стало
пророческим**

лозунг — «забытый средний класс». Резон в этом есть. Но бедняки — черные и белые, бездомные — вообще вроде перестали существовать. Правда, демократы — и их ведущий претендент Билл Клинтон — говорят о них, но без былого почти миссионерского рвения.

Лос-Анджелес напомнил о существовании забытых богом и остальной Америкой юдолях нищеты, отчаяния и греха, которые были и год, и десять, и пятьдесят лет тому назад.

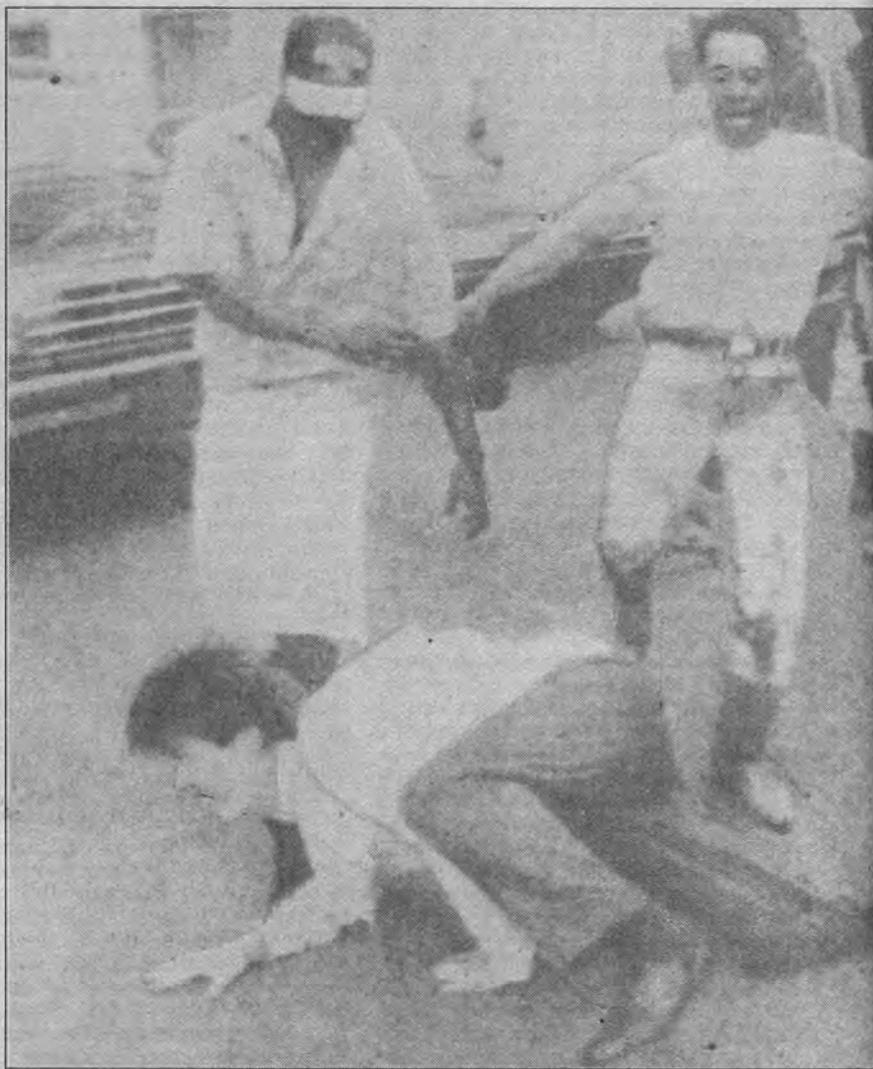
Крупнейший за всю историю Америки городской бунт в Лос-Анджелесе, унесший жизни полсотни человек, покалечивший еще более тысячи семисот и оставивший после себя девять с лишком тысяч арестованных, впервые выплеснулся за пределы негритянских кварталов. Банды чернокожих американцев, размахивающих оружием, топорами и ломом, двинулись на машинах в районы утопающих среди зеленых пальм и лазурных бассейнов роскошных особняков кинозвезд — Голливуд и Беверли Хиллз. На знаменитом Бульваре Заходящего Солнца и других не менее знаменитых улицах они разгромили, ограбили и подожгли фешенебельнейшие магазины. Впервые белые и желтые американцы стали предметом охоты далеко за пределами негритянских районов. В Нью-Йорке такая же судьба постигла один из зажиточных пригородов — Нью-Рошелл.

Взрыв возмущения последовал за оправдательным приговором белым полицейским, избившим чернокожего водителя Родни Кинга, который был арестован за превышение скорости. Избиение случайно оказалось заснятым на видеопленку.

Сразу же после очередного — увы, не первого, но и не последнего — стихийного взрыва страстей черные и белые, беднейшие из бедных и самые известные голливудские кинозвезды, пришли на пожарища и рука об руку расчищали обломки. В воскресенье, 3 мая празднично одетые чернокожие американцы пели в церквях псалмы в их удивительном стиле диско. Пели о мире, братстве, покаянии и прощении.

За рубежом бунт и вооруженные стычки в Лос-Анджелесе восприняты во многих случаях с той же долей лицемерия, с какой добропорядочные родители охают и ахают вместе с детьми, обнаружившими, что младенцы появляются не из-под капустного листа, а несколько другим методом.

Впрочем, и в самой Америке о гарлемах вспоминают сейчас по случаям — печальным или торжественным. Даже в предвыборной президентской кампании главный

Все тот же суд Линча

Первого мая на Манхэттене внешне было вроде бы спокойно. По дороге в Гринвич-виллидж, где у меня было назначено интервью с бывшим министром юстиции США Рамсеем Кларком, я проехал на машине некоторые черные и испаноязычные кварталы Нижнего Иста. Стоял чудеснейший весенний день — теплый, но не жаркий. Черные, белые и желтые американцы развлекались на спортплощадках и отдыхали в уличных кафе. «Челове-

Избиение белыми полисменами чернокожего вернулось бумерангом: темнокожие жители Лос-Анджелеса начали мстить белым

Фото из журналов «Ньюсуик» и Ассошиэйтед пресс (США)

ческая натура неисповедима, — сказал Кларк. — В Нью-Йорке сейчас сравнительно прохладно и бунтов нет».

Но нервы города были на пределе. Начиненные офисами небоскребы закрывались пораньше. Немало магазинов в районе Таймсквер поспешили засветло задрапироваться железными решетками и деревянными щитами. Город наполнился паническими слухами: «Слышали? В Бруклине универмаг разграбили и подожгли! А на Таймсквер...»

Чернокожий мэр города Дэвид Динкинс проводил совещания с лидерами негритянской общины и вместе с полицией успокаивал общественность.

К счастью, все обошлось. Если не считать, конечно, двух водителей контейнеровоза, которых вытащили в Гарлеме из кабины и жестоко избили. И еще — разбитых дверей и окон в знаменитом «Мэдисон-сквер-гарден». Кое-что побили и на той самой 12-й улице в Гринвич-виллидже, где я побывал, — но чуть позже. Демонстрации были более или менее мирными, в основном в них участвовали старшекласники из окрестных школ.

Опять же, к счастью, мне не пришлось лично лицезреть бунт на другом конце Америки. К счастью — потому что там избивали и обстреливали и журналистов, особенно фотографов. Исключение — вот что такое век телевидения — иногда делали для телеоператоров, гордо демонстрируя перед телекамерами похищенную из разграбленных магазинов добычу. Все хотят быть «телезвездами»...

Бунт в южноцентральной районе Лос-Анджелеса начался через несколько часов после вынесения оправдательного приговора белым полицейским, которые 3 марта прошлого года, по сути дела, совершили суд Линча над чернокожим.

Чернокожая Америка (вернее,

часть ее — и не лучшая) ответила... судом Линча над белыми. В Лос-Анджелесе их выволакивали из машин, избивали, калечили и убивали только за белый или желтый цвет кожи.

Потом начались повальные грабежи магазинов — сначала под покровом темноты, а затем среди бела дня. Тащили все, что попадало под руку: диван или десять пачек кукурузных хлопьев. Над городом взвились зловещие языки пламени, столбы дыма.

Нового в этом ничего нет. Мне пришлось быть свидетелем одного из крупнейших бунтов в Нью-Йорке в конце семидесятых годов, видеть такие же выгоревшие кварталы в бруклинском Бушвик-Бродвее. Местные жители популярно объяснили мне, что таков «народный обычай»: после грабежа поджигать магазины, чтобы не оставалось никаких следов. Беда в том, что огонь не разбирается и с магазинчиков легко перебрасывается на жилые дома. Правда, бунт в Лос-Анджелесе ознаменовался нововведением: обстреливали пожарных, гасивших огонь.

Когда лежачего бьют

Второй раз за всю историю Америки бунты чернокожих охватили сразу многие города страны — за Лос-Анджелесом последовали Сан-Франциско, Сиэтл, Лас-Вегас, Атланта, сама столица — Вашингтон... Первая волна бунтов прокатилась в 1968 году после убийства Мартина Лютера Kinga, паролем нынешней вспышки стал другой King — Родни.

Америка оказалась в шоке дважды. Первый раз, когда на экранах телевизоров многократно прокручивали видеопленку, запечатлевшую самозабвенное избиение полицейскими лежачего на шоссе человека — Родни Kinga. Без сомнения, он превысил разрешенную скорость чуть ли не в два раза и явно не изъяснялся в любви остановившим его блюстителям порядка. Но разве за это избивают?

Второй раз американцы опешили, когда суд присяжных фактически оправдал полицейских (технически по одному из обвинений главному истязателю жюри не смогло принять решение, и предстоит новый суд). Почти никто не сомневался, что как минимум один из полицейских будет признан виновным. По данным последнего опроса, около трех четвертей белых американцев и более девяти десятых чернокожих считают, что применение силы полицейскими вышло далеко за пределы допустимого.

Увы, даже самая демократическая система правосудия не всегда гарантирует правосудие. Суд перенесли из Лос-Анджелеса в один из зажиточных и стоящих горой за поли-

цию пригородов — Сими Уолли. Решение было поистине дьявольским: мало того, что жюри оказалось сто процентно белым. Каким-то непостижимым образом судебной защите удалось убедить воспетых в знаменитом фильме с Генри Фондой «двенадцать разгневанных мужчин» (часть из которых теперь женщины), что не надо верить своим глазам. Защита упирала на то, что пленка не зафиксировала агрессивного поведения Кинга до начала избения. Споры в жюри были. Но результат налицо. И вполне справедливо решение было воспринято как попытка оправдать «своих». То есть как расизм.

«Глядя на суд со стороны, трудно понять, как можно совместить приговор с видеозаписью, — заявил президент Джордж Буш в своем телеобращении к нации в связи с трагедией в Лос-Анджелесе. — Лидеры движения за гражданские права, с которыми я встретился, были ошеломлены так же, как и я, Барбара (Буш) и мои дети».

Глава Белого дома объявил, что дело будет рассмотрено в судебном порядке на федеральном уровне.

Практически все в Америке сходится во мнении, что решение белого суда присяжных, оправдавшего полицейских, при всей его несправедливости было лишь искрой. Ведь поводом для грабежей в Нью-Йорке, свидетелем которых мне когда-то довелось быть, стало... отключение электричества из-за аварии на атомной электростанции. «Погаас свет, по улице прокатился крик: «Пошли!», земля задрожала от топота, я услышал звон разбитого стекла. И началось... Я не спал всю ночь», — рассказывал тогда мне страдающий нездоровой полнотой чернокожий мальчонка, дипломатично обходя вопрос о том, чем он занимался в бессонную ночь.

В телеобращении к нации Буш подчеркнул необходимость «вновь вернуться к подспудным причинам таких трагических событий»: «Мы должны продолжать усилия по созданию климата понимания и терпимости, климата, который всегда и везде отвергает расизм, фанатизм, антисемитизм и любые проявления ненависти».

По мнению Билла Клинтона, вспышка гнева в Лос-Анджелесе показала, что «сами основы общества прогнили» при попустительстве республиканского руководства.

— Эти события — проявление многолетних проблем, — сказал мне Рамсей Кларк, занимавший посты заместителя министра и министра юстиции США в администрациях Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. — В августе 1965 года я возглавлял федеральную комиссию по расследованию первого крупного городского бунта в черных кварталах Америки, который произошел в юж-

ноцентральном районе Лос-Анджелеса Уоттсе. Мы обнаружили откровенный расизм, откровенную дискриминацию чернокожих американцев и засилье полиции. Последствия бунта в Уоттсе ощущались многие годы. Продажа огнестрельного оружия в Лос-Анджелесе достигла космических масштабов.

«Новое время». И почти за тридцать лет ничего не изменилось?

Р.Кларк. Бунт в Уоттсе произошел в годы, когда мы только начинали бороться с бедностью. Первые плоды эта программа начала приносить в 1967—1968 годах. А буквально за неделю до событий в Уоттсе вступил в силу, по моему мнению, самый революционный за всю историю США закон об избирательных правах. К примеру, в штате Миссисипи в 1964 году в выборах участвовало семь процентов чернокожих, а через четыре года — семьдесят. Американская политика изменилась навсегда.

Нам удалось интегрировать полицию. В начале 60-х годов среди блюстителей порядка был всего один процент чернокожих. В Вашингтоне, где семьдесят процентов населения составляют цветные американцы, белая полиция практически не могла функционировать. Стражи закона сидели в машинах с оружием наготове и лишь пугали людей. Они были такими же чужаками, как русские солдаты в ваших мусульманских республиках. Но ведь это происходило в столице нашей страны.

В 60-х годах пропасть, разделяющая богатых и бедных, резко сжалась. В 70-х годах она продолжала уменьшаться. Но в 80—90-х годах этот разрыв снова стал быстро расширяться. За последние двенадцать лет произошло основательное перераспределение богатства. Сегодня один «верхний» процент населения владеет 37 процентами всей собственности страны. И все эти двенадцать лет резко ухудшалось экономическое положение чернокожих и всех бедняков. В таких условиях достаточно искры. И тут суд присяжных выносит приговор, который невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла. Вся Америка не один раз видела по телевидению сцену жестокого избия лежавшего на земле человека. Те, у кого есть глаза, видели, что полицейские явно переусердствовали в применении силы.

«НВ». У нас есть даже пословица «Лежачего не бьют»...

Р.К. В Америке тоже говорят: «Не бей лежачего». Но, бывает, продолжают пинать ногами даже потерявших сознание... Приговор белого суда присяжных лишь убедил чернокожих в их ощущении, что общество несправедливо по отношению к ним, что оно пропитано расизмом. Получается, что полиция может из-

бивать любого из них в свое удовольствие и все равно оставаться невиновной. Накопившиеся чувства гнева вырвались наружу... Наше общество стало слишком материалистичным, «вещным». Бедняки страдают не только от недостатка питания или жилья. Они страдают психологически, поскольку к ним относятся как к неудачникам.

Заложники истории

Лос-Анджелес — столица американских нуворишей. Нигде в стране не увидишь такой коллекции роскошных вилл, как в Бель-Эре и Голливуде. Там любят «красиво жить». В городе, ставшем родиной понятия экономического бума, вера в «американскую мечту» трактуется как быстрое обогащение.

Калифорния, как и большая часть Америки, не несет исторической ответственности за процветавший на Юге институт рабства. Но, как и вся Америка, штат расплачивается до сих пор за плантации, за насильственное разлучение негритянских семей. А репутация «золотого штата» привлекла многих обездоленных.

Между тем Латинская Америка продолжает до сих пор экспортировать бедняков. В Лос-Анджелесе испано-американцы уже давно превзошли по численности негров, успешно тесня последних даже из Уоттса. Видимо, поэтому нынешний бунт вспыхнул не в Уоттсе, а в соседних с ним районах.

Острова бедности вырастают в архипелаги с безотцовщиной, преступностью, наркоманией и безработицей.

И тут дает о себе знать еще одна исконная американская традиция — право владеть оружием. Там, где в любой другой стране в ход идут кулаки, в Америке раздаются выстрелы. И никогда нельзя быть уверенным, чем может обернуться простая уличная свара.

В дни, когда пылали южноцентральные кварталы Лос-Анджелеса, в одном из благополучных калифорнийских пригородов выяснял отношения выпускник местной школы, которому из-за «неуда» по истории несколько лет подряд не выдавали аттестат зрелости. Выяснил специфически американским образом: пристрелил учителя истории и заодно трех учеников.

Во время бунта в Лос-Анджелесе полуавтоматическое оружие применялось на полную катушку. В перестрелках между «вооруженным народом» и полицией погибли десятки человек, в основном самих негров. Теперь мы и на своем горьком опыте знаем, что, где доступно оружие, там начинается война. Но большинство американцев по-прежнему считают владение оружием своим неотъемлемым правом. Они

— заложники своей истории и своих традиций.

Очки в пропагандистской войне

Американцев не волнуют пропагандистские очки, которые могут заполучить спекуляциями на лос-анджелесской трагедии наши ортодоксы, к примеру, из той же «Советской России». Ибо контраргумент прост как голая правда (или «Правда»): «Чья бы корова мычала...»

В посткоммунистическом мире исподволь набирает силу пропагандистская война между экономическими соперниками, между сторонниками различных моделей рыночной экономики. Жесткие слова Франсуа Миттерана в адрес «крайне консервативной политической философии» Буша ранили американцев куда больше, чем наши пропагандистские выпады в годы расцвета суловского марксизма-ленинизма.

Эти пропагандистские стычки отражают очень сложное и болезненное торговое, экономическое и даже культурное соперничество.

Буквально за несколько дней до событий в Лос-Анджелесе мне довелось побывать на семинаре по американо-японским отношениям. С превеликим удивлением (но без зло-

радства) я обнаружил, что рисuemый в Японии образ Америки удивительно близок к тому образу «загнивающей, пропитанной насилием и нищетой» страны, который наша пропаганда рисовала в застойные времена. По сообщениям американской печати, трагедия в Лос-Анджелесе воспринята на Японских островах как еще одно доказательство морального превосходства японцев, японского общества, трудовой страны и так далее.

Уверен, что эффект Лос-Анджелеса для них только усилил то обстоятельство, что одним из главных объектов насильственного выражения чувств ярости чернокожих стали близкие японцам исторически и культурно южнокорейцы.

Погромы в Уоттсе в 60-х годах, как и нынешний бунт, привели к тому, что обширные кварталы остались без магазинов. Даже негры-бизнесмены решили не рисковать. Их место заняли трудолюбивые и упорные корейцы, которые вызывали зависть и более сильные чувства: в прошлом году владелец лавки выстрелом в упор убил пятнадцатилетнюю негротянку (что тоже было запечатлено на пленку), но отделался условным сроком. Ярость бунтарей обрушилась на корейцев и их магазинчики со страшной силой. На месте лавок остались

одни пожарища. Звонки в полицию не помогли. В первую ночь полиция вообще оказалась в растерянности. Бал правили анархия и вседозволенность.

Бунт в Лос-Анджелесе обнаружил, в общем-то, давно известные изъяны американского общества и американской модели рыночной экономики. Но уверен, хоронить Америку — даже притким японцам — рано. На протяжении всей истории после начала промышленной революции американская модель была одной из наиболее успешных, как и уникальный опыт сравнительно гармоничного развития крайне неоднородного в этническом и культурном отношении общества. Здеишее смешение рас и культур принесло удивительные плоды.

Американская модель, десятилетиями заикленная на «холодной войне» с бывшим имперским Союзом, сейчас явно нуждается в обновлении. Рано или поздно это обновление произойдет. Конечно, лучше раньше, чем позже — ведь американские беды могут ударить и по нам. Хотя помощь США не столь уж и велика, но каждое потрясение усложняет ее получение. А лишь последний бунт обошелся Лос-Анджелесу в полмиллиарда-миллиард долларов.

НЬЮ-ЙОРК

«Роспечати» было трудно поверить, что **«Новое время»** не повышает подписную цену, как другие издания. Наши читатели жаловались, что доступ к **«Новому времени»** затруднен. Но мы разъяснили «Роспечати» — и повторяем вновь:

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НЕ МЕНЯЕТСЯ!

«Новое время» до конца года будет по-прежнему стоить для подписчиков 59 копеек за номер!

В любом отделении «Роспечати» на наш журнал можно подписаться:

- на месяц — за 2 руб. 56 коп.,
 - на квартал — за 7 руб. 67 коп.,
 - на полгода — за 15 руб. 34 коп.
- Индекс — 70621**

Тем, кто подписался на весь год, ПЕРЕПОДПИСЫВАТЬСЯ НЕ НАДО!

Геншер объединил страну — и ушел в отставку

Дмитрий Погоржельский,
собственный корреспондент «Нового времени»

Казалось, только чудо или, упаси Бог, преждевременная кончина может выбить его из седла. Но он уходит, просидев в кресле министра иностранных дел 18 лет. Дольше его на подобном посту пробыли лишь князь Александр Горчаков и коммунист Андрей Громыко. Впрочем, «просидел» — большая натяжка, потому что он как ни один из его коллег в мире не проводил так мало времени в кабинете, предпочитая личные контакты, перелеты и разъезды. Геншер был «летучим министром».

Никто не верил

В то утро он слегка нервничал. Хотя от традиционного фруктового салата с любимыми бананами и кофе, приготовленных женой Барбарой, не отказался. Около семи позвонил секретарше, с которой проработал 22 года, и попросил внести незначительные стилистические коррективы в два письма, написанные накануне. Одно официальное — «Глубокоуважаемый господин федеральный канцлер... я прошу Вас предложить мою отставку господину федеральному президенту...» Другое личное — «...Дорогой Гельмут, я хотел бы, чтобы наша личная дружба сохранилась и в будущем...»

Пару часов спустя сообщение об отставке министра иностранных дел Германии Ганса-Дитриха Геншера прозвучало для всех словно гром среди ясного неба. Хотя уже с начала года он делал пространственные намеки, никто на них не обращал внимания. Возвращаясь недавно из Тираны, он вдруг заметил: мол, неплохо бы стать бургомистром родного Галле, откуда он в 1952 году перебрался в Западную Германию. Сотрудники, летевшие с ним в самолете, сочли это за шутку — юмор он ценит и понимает.

В возможность и вероятность его ухода никто не верил.

Наверное, легче всего было бы сослаться на здоровье — бешеный ритм, с которым все сложнее справляться, перенесшему два инфаркта сердцу, приступы дурноты, случившиеся в последние го-

В условиях демократии пожизненный пост не даруется даже самому популярному политику

ды... Но Геншер держался уверенно и бодро, хотя и выглядел иногда усталым.

Он предпочел такое объяснение: уже много месяцев он раздумывал над тем, чтобы покинуть пост, и принял окончательное решение на Рождество прошлого года. Два с лишним десятилетия в правительстве — пять лет он был министром внутренних дел — слишком долгий срок для политика в демократическом государстве, где ни один государственный пост не даруется никому пожизненно.

И все же если один из столпов мировой послевоенной дипломатии уходит без видимых на то причин в то время, когда его влияние и авторитет огромны, популярность выше, чем у любого из коллег по правительственному кабинету, то истинные мотивы,

должно быть, глубже. Хитрый, как лис, Геншер умалчивает о главном. Его личная и профессиональная драма — а отставка политика — всегда драма — заключается в тех тектонических сдвигах, которые произошли за последние год-два в мире, Европе и Германии. Сама его отставка напоминает политическое землетрясение, которое ФРГ переживает вслед за природным.

Рисунок из газеты «Таймс» (Англия)

Он стал министром иностранных дел в 1974 году. К тому времени Бонн уже совершил давний с невероятным трудом поворот к новой «восточной политике». На освободившееся место главы дипломатического ведомства либералы предложили Геншера. Социал-демократы были не в восторге: он совершенно не искушен во внешней политике, никогда ею не занимался, да и вообще даже не говорит по-английски. СвДП, однако, настояла на своем. Такова была цена, которую социал-демократы должны были заплатить за то, чтобы остаться у власти вместе с маленькой партией либералов.

«Геншеризм» — ругательное слово

Сам Геншер, впрочем, рассматривал союз либералов с социал-демократами не как историческую неизбежность, а как необходимость, дающую возможность проводить внешнюю политику в соответствии с собственными представлениями.

Через восемь лет, ставший уже председателем СвДП, Геншер разорвет альянс с СДПГ, поменяв его на блок христианских партий ХДС/ХСС. Причины носили исключительно «внутриполитический» характер, но для Геншера связь внутренней и внешней политики неизменно была органичной и неразрывной.

Это вовсе не означало, что курс ФРГ на мировой арене претерпел изменения. Геншер, сохранивший портфель министра иностранных дел, олицетворял собой последовательность и преемственность внешней политики Бонна, сумев завоевать признание и уважение даже своего советского коллеги, не отличавшегося сговорчивостью, Андрея Громыко.

В начале 80-х годов Европу лихорадило из-за решения НАТО о довооружении, советские войска уже два года оккупировали Афганистан. Оставаясь верным приверженцем западноевропейской интеграции, атлантизма, Геншер считал, что нельзя рвать контакты с Востоком. Он чаще других коллег наносил визиты в столицы стран Варшавского Договора, ценил личные контакты выше иных аналитических выкладок разведки и собственных сотрудников. Он был убежден: только продолжающийся, несмотря ни на что, диалог с Востоком, сочетаемый с твердостью в военной области, способен сохранить то, что именовалось разрядкой.

Геншер всегда умел найти и подходящее слово, скажем, в беседах с Андреем Громыко, и достойный жест, возложив в Бресте венок на могилу брата Эдуарда Шеварднадзе

Фото ИТАР-ТАСС

Атлантисты резко его критиковали. Англичане назвали его политику «геншеризмом», что стало ругательным словом в западной дипломатии.

Пройдет два года, и Геншер снова, навлекая на себя гнев приверженцев силового подхода, выдвинет идею заключения соглашения об отказе от применения силы в отношениях между двумя военными блоками. Предложение, призванное, по его мнению, начать «новую фазу политики разрядки», вызовет трения между партнерами по коалиции, особенно с ХСС.

В 1985 году, оставив пост председателя партии, Геншер целиком отдается внешней политике, сосредоточившись на европейской интеграции, сотрудничестве с Францией и любимом диалоге с Востоком.

Когда в скором времени к власти в Москве придет Михаил Горбачев, Геншер не сразу, но первым среди западных политиков, скажет о необходимости принять всерьез нового советского лидера и помочь ему в начатых преобразованиях. И вновь ХДС/ХСС обрушится на министра, вновь Нью-Йорк и Лондон нахмурят брови.

«Геншеризм» оправдывает себя в очередной раз совсем скоро, а сам Геншер в конце 1989 года увидит ре-

альные плоды собственных усилий — когда наступит перелом в истории Старого Света.

Для Геншера, по его словам, самым волнующим был сентябрьский день 89-го, когда он с балкона посольства ФРГ в Праге объявил укрывшимся на его территории сотням восточных немцев, что им разрешен выезд в ФРГ. В тот миг у выдавшего вида дипломатического волка стоjali слезы в глазах.

Но самым важным событием в его политической и профессиональной жизни станет, конечно же, объединение Германии. Оно было заветным желанием, ради которого он, собственно, и работал всю жизнь. Но при этом даже ради приближения желанной цели Геншер никогда не ставил под сомнение принадлежность ФРГ западному альянсу. Когда же она будет достигнута — стремительно и неожиданно для всех, — он станет предостерегать от опасности одиночных плаваний и все силы отдаст европейской интеграции.

Заложник собственной победы

«Я покидаю свой пост в тот момент, когда основные линии немецкой внешней политики однозначно заданы», — написал Геншер в прошении об отставке. Мавр сделал свое дело?

Заслуги Ганса-Дитриха Геншера в том, что «холодная война» закончилась мирной победой западного альянса, не вызывают сомнения. Но тем не менее, если бы у Геншера не сложились тесные дружеские отношения с Эдуардом Шеварднадзе, с Михаилом Горбачевым, объединение Германии, а значит, и преодоление раскола Европы, могли протекать иначе.

Ставку на этих политиков Геншер сделал в надежде на то, что созвучная его мыслям идея общеевропейского дома сможет воплотиться в реальность. Но события стали развиваться по иному руслу — и в самом СССР, и в странах Центральной и Восточной Европы.

По словам Геншера, окончательное решение об отставке он принял в рбждественские дни минувшего года. То были последние дни Советского Союза, Горбачева — на президентском посту, Шеварднадзе — в МИД СССР. Шеварднадзе вернулся тогда на свой пост на какие-то две недели. Но именно в эти две недели, как говорят в окружении Геншера, появилось ощущение, что не все по-

Сюрпризы и слезы

Всего через несколько часов после ошеломляющей вести об отставке Геншера публика была поражена скоропалительным назначением его преемницы — Ирмагд Шветцер, министра строительства. Никто не думал, что СвДП предложит ее на столь ответственный пост. Однако президиум СвДП просчитался, натолкнувшись на решительное сопротивление собственного правления и парламентской фракции, которые сочли, что нарушенной оказалась партийная демократия (в подобных случаях кандидатура должна утверждаться сообща). Вечером следующего дня на совместном заседании правления и фракции состоялись альтернативные выборы. Большинство

предпочло видеть министром иностранных дел Клауса Кинкеля. Для Шветцер выборы закончились плачевно, и калиф на час безутешно разрыдалась.

Новый глава дипломатического ведомства — 55-летний отец четверых детей Клаус Кинкель. Он считается питомцем Геншера, который заметил молодого способного юриста еще в 1970 году и взял к себе в министерство внутренних дел. В 1974 году Кинкель вместе с патроном перешел в МИД, где руководил отделом планирования, секретариатом министра. Кинкель, по свидетельству дипломатов, пользовался безграничным доверием Геншера.

В 1979 году ему поручили стать во главе западногерманской разведки — БНД. Пер-

вый гражданский политик на этой должности, Кинкель сумел подправить репутацию ведомства, погрязшего в скандалах. После того как СвДП сменила партнеров по коалиции в 1982 году, Кинкель стал статс-секретарем министерства юстиции, а в 1991 году — министром.

«Если я сильно рассержусь, — говорит Кинкель, — то могу вечером пропустить пару кружек пива». Умелый тактик и политик сердится и злится очень редко — качество, полезное для нового назначения.

теряно, вновь вспыхнул энтузиазм. Этим надеждам было суждено очень быстро развеяться. С новой московской командой такого контакта не получилось. Значит ли это, что последней каплей стал для Геншера уход с политической арены его надежных, если не сказать ключевых, партнеров в Восточной Европе?

Внешнеполитической причиной отставки, судя по всему, стало понимание, что развитие ситуации в Европе начинает выходить из-под контроля, вновь просыпается национализм, оборачивающийся войнами. Сдержать опасные тенденции, наверное, возможно, включив новые государства континента в европейские структуры, для чего необходимо как можно скорее завершить европейскую интеграцию. Но усилия Геншера наталкивались на противодействие партнеров по ЕС.

Зыбкими становятся ранее стабильные отношения атлантизма: Вашингтон под давлением внутриполитических сложностей несколько отдалается от Западной Европы. А сама она не в состоянии выработать единую внешнюю политику и разорваться с новообразованиями: трагический пример Югославии доказал это. Евро-

пейской дипломатии необходимо освоиться с совершенно новой системой координат. С одной стороны, поле для маневра значительно расширилось. Но с другой — катастрофически неясным выглядит оно сегодня, ловушки подстерегают каждого, кто рискнет отправиться в хождение по нему без точно выверенных лоций, а уж тем более со старыми мерками.

Так что же — Геншер спасовал перед трудностями? Нет, он просто понял, что его время ушло. Что победа, доставшаяся с таким трудом в долголетних баталиях «холодной войны», сделала Геншера-политика своим заложником...

Наконец, сыграла свою роль и чисто внутривнутриполитические мотивы. Кабинет ХДС/ХСС/СвДП сталкивается с небывальными по своим масштабам социально-экономическими проблемами. В правящих партиях, прежде всего в самой СвДП, идет смена поколений, которая протекает не гладко. Совпадение этих факторов создает впечатление, что Коль и его кабинет перестают владеть обстановкой, поскольку выработали свой ресурс. Видимо, Геншер почувствовал это раньше других и решил вовремя сойти с корабля.

БОНН

Операция

На международном рынке вооружений становится тесно. На него рвутся новички из бывшего соцлагеря

10 марта в шумном Франкфурте-на-Майне полиция задержала шестерых поляков, людей солидных и респектабельных. Арестованные у себя на родине достаточно известны. Ежи Бжостек — в недавнем прошлом заместитель министра строительства, многолетний генеральный директор варшавского метростроя, сейчас — директор нескольких частных фирм; Ежи Напюрковский — бывший заместитель министра финансов, ныне — тоже директор фирмы; Войцех Баранский — отставной генерал, некогда третье лицо в иерархии Войска Польского; Ян Гурецкий — бывший консул ПНР в Вашингтоне; Збигнев Гурка-Грабовский — юрист, теперь владелец магазина; Раймунд Швондер — заместитель генерального директора крупнейшего в Польше завода стрелкового оружия «Лучник». Вместе с поляками были задержаны и два американца — Рональд Хендсон и Стэн Кинмен. В течение пяти дней эта восьмерка вела конфиденциальные переговоры на конспиративной квартире, где их и обнаружила полиция. Были изъяты также протоколы совещаний, документы и прочие материалы, которых оказалось достаточно для возбуждения уголовного дела.

«Советский след» Тани Хилл

Началась эта операция под кодовым названием «Жало», по всей вероятности, тогда, когда американские спецслужбы попытались перекрыть каналы поступления в Ирак оружия из стран бывшего соцлагеря, где экономика страдает из-за его огромного перепроизводства. Ирак, несмотря на эмбарго и международный контроль, сохранял потенциальную агрессивность и готов был хорошо платить за оружие. А в такой ситуации всегда находится посредник.

И — нашелся. Стэн Кинмен, американец польского происхождения, сотрудничавший с калифорнийским торговцем оружием Рональдом Хендроном, отыскал в Варшаве друга юности Збигнева Гурку-Грабовско-

«Жало»

го. Тот вышел на многоотраслевую польскую фирму АТС, и к январю нынешнего года сделка обрела вполне определенные очертания: формируется партия из 100 тысяч автоматов Калашникова, около половины которых должна поступить с радомского «Лучника». В заказе значатся еще 4000 безоткатных гранатометов РПГ-7, 1000 противоздушных ракет «Стрела», 200 стартовых установок к ним.

Американцам стало известно, что партия оружия стоимостью более 40 миллионов долларов должна была быть сформирована из болгарских и, главным образом, российских источников.

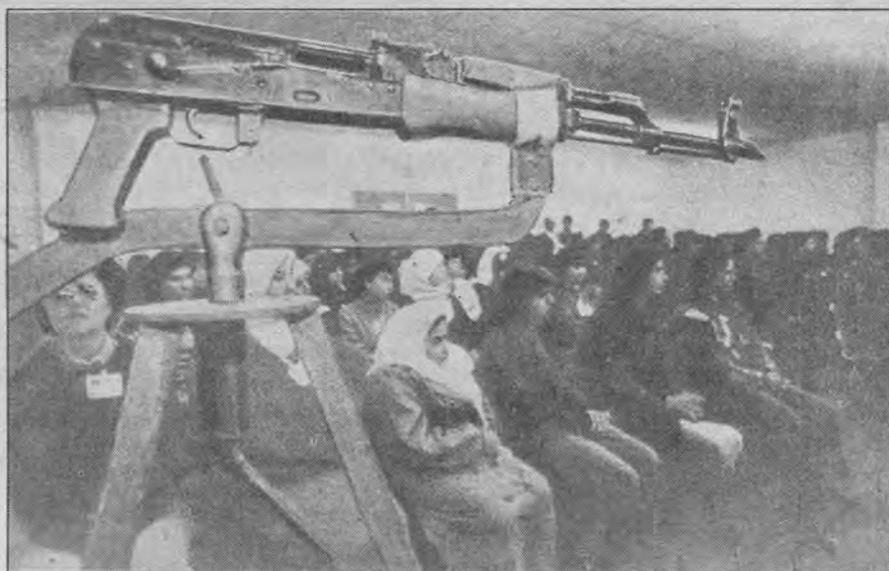
В поле зрения ЦРУ и тайных агентов американской таможни якобы попали и пять российских военных чинов, имена которых до сих пор не названы. Судя по просочившейся в печать информации, во время пятидневного «круглого стола» во Франкфурте появились два «советских» генерала. Нью-Йоркская газета «Ньюсдей» утверждает, что эти «представители бывшего СССР» намеревались продать Ираку ядерную боеголовку за 9 миллионов долларов. Но, как предварительное условие, поставили закупку обычного оружия не менее чем на 100 миллионов. Правда, в ходе следствия, проводимого нью-йоркской прокуратурой, Хендрон признался, что предложение ядерного оружия со стороны русских было блефом. Действительная цель генералов состояла, дескать, в том, чтобы продать побольше «калашниковых», гранат и прочих стрелковых «штучек», дабы заработать сотню миллионов «живых» долларов.

Лишь месяц спустя после ареста поляков прокурор Восточного района Нью-Йорка Тания Хилл назвала фамилии двух генералов, якобы принимавших участие во франкфуртских переговорах: Клефша и Силин. Но и по сей день никто не берет на себя смелость категорически утверждать, реальные ли это люди. На роковое заседание генералы не явились — то ли профессиональная интуиция не подвела, то ли налаженная информация...

Тем не менее прокурор Тания дала понять журналистам, что следствие отнюдь не замкнулось на поляках. И разрабатываться будет прежде всего «российский сюжет».

Что у истока: коммерция или провокация?

Среди попавших в американско-германскую полицейскую сеть были

«Калашников» любят, по «Калашникову» учатся...

Фото из журнала «Панорама» (Италия)

еще двое арестованных в Нью-Йорке. Но о них пресса обоих континентов сообщает мало. Известно, что Тадеуш К. и Збигнев Т. — два польских гражданина — были сразу же выпущены. По той причине, будто именно они сообщили спецслужбам о готовящейся трансакции с Ираком. На вопрос корреспондента польской «Газеты wyborczej», не являются ли они тайными сотрудниками госбезопасности США, заместитель начальника уголовного отдела нью-йоркской прокуратуры Дэвид Хаттам ответил, что не может ни подтвердить, ни опровергнуть такую возможность. Что, по сути, означает неофициальное подтверждение. Более того, выяснилось, что главный персонаж, инициатор и основной посредник сделки Рональд Хендрон с самого начала операции «Жало» был либо «под колпаком» спецслужб, либо прямо сотрудничал с ними.

В Польше на всю эту малоприятную историю смотрят далеко не однозначно. Резких осуждений ее персонажи не вызывают. Зато выкристаллизовывается контрверсия. Сжато суть ее выразил популярный еженедельник «Впрост»: «Не исключено, что во всей этой «афере» с «продажей оружия Ираку» речь шла о подрыве «польской конкуренции». На рынке оружия, где сшибаются такие гиганты, как США, СНГ, Китай, Франция, промышленность Польши тоже имеет свои позиции. Экспорт оружия в 1991 году принес стране 386,2 миллиона долларов. И вот, чтобы вывести из игры конкурента, считает «Впрост», американские спецслужбы затеяли эту акцию, не случайно избрав в адресаты ненавистного цивилизованному миру Саддама. (Замечу попутно, что поначалу согласно лицензии, подделанной

Хендроном, оружие должно было отправляться на Филиппины.)

И еще одно суждение, уже со стороны производителей оружия. Один из руководителей «Лучника» с предельной откровенностью сказал: если бы акция с «калашниковыми» состоялась, это для нас означало бы продление нормальной жизни на ближайший год. Жизни для десятка тысяч рабочих, их семей, города Радомы, где «Лучник» — самое большое предприятие.

* * *

Сегодня акция «Жало» уже подошла к промежуточному финалу. Американская сторона подготовила документы для выдачи шестерых арестованных поляков из Германии в США. После предварительного рассмотрения дела (с участием присяжных) составлен обвинительный акт. И, если вина арестованных подтвердится, каждого может ждать согласно американским законам 35 лет тюремного заключения и 2 миллиона долларов штрафа.

Резюме? Проще всего сказать: девиз «деньги не пахнут» посрамлен, дурные деньги пахнут тюрьмой на всю оставшуюся... Но рука не подымается ставить точку. «Польская контрабанда столетия», как пышно назвала историю с «калашниковыми» здешняя пресса, не состоялась. И это хорошо. Но на другой чаше весов — судьбы тысяч людей, которые умеют делать только автоматы и вини которых в этой истории нет ни на грош. Они и теперь готовы штамповать свою смертоносную продукцию бесперебойно, и плевать им на международные скандалы и прочие «разоблачения века»: им каждый день надо кормить семьи. Как быть с ними?

Рудольф Борецкий,
соб. корр. «Нового времени»
ВАРШАВА

Магия валютного фонда

Сработает ли она у нас?

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР) открыли для России и других государств бывшей «социалистической» империи врата в «рыночный рай». Однако даже оптимисты не сулят нам райские кущи...

Видит око...

Первое, что впечатляет, — цифры кредитов, которые обещает вступление в МВФ и МБРР.

Сто миллиардов долларов смогут получить займы в следующие четыре года страны Содружества, приблизительно половина из них пойдет России. Международный валютный фонд и Мировой банк не только планируют предоставить значительную часть этой суммы (25–30 миллиардов), но и обещают содействовать остальным кредитам. После фактического банкротства Внешэкономбанка СССР, неуплаты долгов многим иностранным компаниям и прочих наших валютных и невалютных накладок репутация наследников бывшего Союза упала настолько, что без гарантий МВФ и МБРР на займы рассчитывать трудно.

Предложенный Джорджем Бушем и Гельмутом Колем в начале апреля пакет крупномасштабной помощи России — те самые обещанные уже в нынешнем году 24 миллиарда долларов — завязан на Международный валютный фонд и в финансовом, и в организационном плане.

«Большая семерка» вполне сознательно решила укрыться за широкую спину фонда. Западные страны резонно рассудили, что требовать от России и других малопредсказуемых наших независимых государств проведения труднейших конкретных реформ да еще осуществлять жесткий контроль за ними — дело политически рискованное и технически сложное. А у МВФ опыт есть, в том числе и опыт пребывания в роли козла отпущения. Для американской администрации и других правительств важно, что фонд финансируется за счет квот государств-участников, что позволяет избежать мучительной процедуры получения согласия собственных законодателей на выделение займов из национальной казны. Вашингтон устраивает и то, что помощь через фонд предоставляется пропорционально его бремени в

этой организации, не превышающем одной пятой общего «груза».

Похоже, что и российское правительство не прочь соорудить очерченную политический редут, опираясь на авторитет двух самых влиятельных международных экономических организаций. Думаю, еще не раз придется услышать аргумент: «Хотите доллары — терпите реформы».

Рывок к рынку путем либерализации цен, похоже, выдыхается и грозит превратиться в бег на месте. Про-

бывался Горбачев на встрече «большой семерки» в Лондоне, достигнуто.

Как заявил министр финансов США Николас Брейди, республики СНГ «могут законно гордиться тем, что они прошли историческую веху на пути от системы центрального планирования к рыночной экономике».

...да зубы можно обломать

В свое время телепрограмма «Время» смаковала массовые бунты с разгромом магазинов и нападениями на присутственные места, которыми сопро-

Егор Гайдар и Джеймс Бейкер: судьба российских яиц решена...

Фото ИТАР — ТАСС

граммы МВФ и МБРР вновь вынудят Россию рвануть вперед (каковы будут результаты такого рывка — другой вопрос). Это как раз то, чего добивается российское правительство. Оно идет по пути, испытанному Михаилом Горбачевым, который довольно успешно использовал «западную карту» для проведения политических реформ.

Принятие в члены двух влиятельнейших международных экономических организаций — это своего рода водораздел в экономической и политической истории государств, возникших на обломках бывшего Союза. Опыт Организации Объединенных Наций, Общеευропейское совещание показали, что быть частью мировой политики — пусть и не лучшей частью — нетрудно. Гораздо сложнее войти в мировую экономику, особенно для наших республик с семидесятилетней историей тоталитарного хозяйствования.

Сейчас дверь открыта. То, чего до-

вождалось введение рекомендованных Международным валютным фондом реформ в других странах. Правда, в основном эти бурные проявления чувств были связаны с резким повышением цен, а мы уже самую тяжелую часть этого пути вроде преодолели.

Но и цена жестких требований фонда в условиях обнищания народа будет высокой, может, даже невыносимо высокой.

Накануне принятия республик в МВФ и Мировой банк «большая десятка», в которую входят 11 (бывает и такое) ведущих финансовых стран Запада, одобрила в принципе предложение Буша и Коля о выделении шести миллиардов долларов для стабилизационного фонда рубля. Предоставление этих денег и других кредитов обусловлено проведением в России программы стабилизации.

Эта программа (как и рекомендация МВФ) включает, в частности, уменьшение дефицита госбюджета, сокращение кредитно-денежной

массы и прекращение кредитования убыточных предприятий. Это означает закрытие многих обанкротившихся заводов и фабрик и массовые увольнения. Политика Международного валютного фонда направлена решительно против того, чтобы держать на плаву неконкурентоспособные предприятия. Между тем рекомендуемое Западом приведение цен на топливо в соответствие с мировыми обескровит даже многие из тех хозяйственных единиц, которые пока выглядят жизнеспособно.

В самой Америке далеко не все верят в стабилизирующую магию МВФ.

«МВФ во многих отношениях напоминает средневекового врача, который любую болезнь лечит пиявками и кровопусканием, — сказал в интервью «Нью-Йорк таймс» специалист по развивающимся странам Джон Кавана. — Насколько мне позволяет судить мой опыт, фонд добился больших успехов в мобилизации ресурсов различных стран для оплаты долгов коммерческим банкам, но его политика имела катастрофические последствия для экономического здоровья этих государств в долгосрочном плане».

Критик справа Алан Рейнолдс утверждает, что Международный валютный фонд применяет «такую форму центрального планирования — с высокими налогами, высокими пошлинами и слабыми валютами, — которая не стимулирует экономический рост».

Однако глава фонда Мишель Камдессю считает, что у России и других республик нет другого выхода из экономического тупика, кроме предлагаемой МВФ «шоковой терапии»: «Быстрое продвигание более болезненно. Но промедление лишь затягивает болезнь, а это для всех плохо». Он опасается, что, если Западу не удастся выгнать бывший Союз из экономического хаоса, в России возможны приход к власти диктаторского режима, возрождение «холодной войны» и продление страданий людей на многие годы.

Сейчас программы МВФ осуществляются более чем в пятидесяти странах. Разброс оценок их эффективности довольно велик. Сам Камдессю считает, что успех был достигнут в тех странах, которые строго следовали рецептам МВФ. Но не все им следовало. За что и были наказаны.

Уцелеют ли яйца?

Российский вице-премьер Егор Гайдар, выходящий от западных коллег полным отсутствием морщин, говорил во время многочисленных встреч в Вашингтоне со страстью проповедника и философской невозмутимостью умудренного жизнью человека.

Оправдывая избранную российским правительством стратегию «самых далеко идущих, самых радикальных экономических реформ», он заявил американским бизнесменам, что у России «не было другого выхода, кроме как положить в корзинку все яйца».

Ясное дело, в число этих «яиц» попала и «заграница, которая нам поможет».

В Америке, к сожалению, пессимистов в оценке перспектив развития российской экономики гораздо больше, чем оптимистов. Многие из них, особенно бизнесмены и финансисты, довольно критически оценивают рецепты «шоковой терапии» и отдают предпочтение постепенному переходу к рынку. Немало остается сторонников и того, чтобы держать Россию на плаву с помощью гуманитарной помощи, а в остальном предоставить ей выбираться из болота самой.

К счастью, Белый дом все-таки решил и выступил с инициативой пакета крупномасштабной помощи России. Немалую роль в этом сыграл непредсказуемый поворот предвыборной президентской кампании. С критикой «робкого» подхода администрации к оказанию помощи России выступили и ведущий претендент от демократической партии Билл Клинтон, и коллега Буша по партии бывший президент США Ричард Никсон. Пакет помощи России прекрасен лег в мозаику предвыборной борьбы как подтверждение «сильных лидерских» качеств Буша. Политические пророки, пугавшие аллегией американских избирателей на любые формы помощи иностранцам, посрамлены.

Но проблема остается. Самое конкретное, касающееся России, ее проявление — необходимость увеличить квоту США в МВФ на 12 миллиардов долларов. Без положительного решения конгресса по этому вопросу

зависают увеличение капиталов фонда на 60 миллиардов долларов и вся более или менее стройная схема субсидирования рубля и других российских реформ.

В общем, хрупкая вещь — яйца, и рискованно, когда они все в одной корзинке.

Шаг влево... шаг вправо...

Сейчас на необъятных российских просторах, а особенно в самой первопрестольной, катится волна уязвленного вздоха по «величию» бывшей сверхдержавы: святая Русь, дескать, впервые после татаро-монгольского ига подставила свою шею под иностранное ярмо. Рецепты Международного валютного фонда, как любое горькое зелье, критиковать легче всего. Они станут предметом острой политической борьбы и спекуляции в России.

Если же смотреть из Америки, то сейчас самое важное для России и других республик — не споткнуться на первых же шагах в чистилище, а идеологические споры о пределах нарушения девственной экономической чистоты оставить дискусионным форумам.

При всей жесткости подхода «большой семерки» и особенно Международного валютного фонда опыт других стран показывает, что с ними можно поторгаться о разумных условиях предоставления кредитов. Глава МВФ Камдессю сам подчеркивает важность социальной страховочной сетки при проведении радикальных реформ. Переговоры о конкретном содержании программы МВФ для России должны завершиться до июня-июля. Это тот короткий отрезок времени, когда есть возможность и необходимость торговаться. После одобрения же совместно разработанной программы начинает действовать жесткий механизм: невыполнение страной взятых ею обязательств почти автоматически ведет к перекрытию кредитного крана.

Уже в этом году МВФ готов предоставить СНГ два с половиной миллиарда долларов, половина которых пойдет России и станет частью шестимиллиардного фонда стабилизации рубля. Мировой банк намерен летом предоставить России первый кредит на 500 миллионов для закупки наиболее необходимых импортных товаров, в частности запчастей, без которых неминуем спад производства. До конца года будут предоставлены займы на развитие нефтяной и газовой промышленности, а также сельского хозяйства (тоже не менее полумиллиарда).

Западная помощь СНГ: «Где болит?»

Рисунок из газеты «Балтимор сан» (США)

НЬЮ-ЙОРК

Четвертое возвращение

Александр Чудодеев

«Если мы потерпим сейчас поражение, то пострадают также наши дети, родственники, множество людей...» Эти слова приписывают 86-летнему Чэнь Юню — председателю могущественной Центральной комиссии советников КПК, которую считают оплотом консервативных сил партии китайских коммунистов.

Внутри КПК вновь обострилась политическая борьба, которую уже невозможно скрыть. Решительное сражение между сторонниками линий Дэн Сяопина и Чэнь Юня, говоря условно, «реформаторами» и «консерваторами», должно произойти в конце текущего года на XIV съезде КПК. Однако раскаты первых залпов большой битвы уже слышны в столице Поднебесной. Наблюдатели в один голос отмечают, что как у Дэна, так и у его основного оппонента из-за их преклонного возраста это последний шанс победить и тем самым гарантировать неизменность собственного политического курса на ближайшее будущее.

22 января 87-летний «патриарх китайских реформ» Дэн Сяопин, не появлявшийся до этого на людях больше года, про-

**Дэн Сяопин
вновь на
политической
сцене. Видимо,
в последний
раз. Ждите
очередных
потрясений в
Поднебесной?**

шелся в сопровождении огромной свиты телохранителей, лечащих врачей и сиделок по «Великолепному Китаю» — парку, в котором разместились миниатюрные копии национальных памятников старины. В государстве, где появление верховного лидера воспринимается как откровение, подобная прогулка многое значит. «Великолепный Китай» находится в Шэньчжэне, одной из пяти специальных экономических зон (СЭЗ). Поездка Дэна по югу страны означала, что реформы в Китае после некоторого торможения, последовавшего вслед за разгоном студенческих выступлений в 1989 году, вновь в фаворе.

Его клеймили «китайским Горбачевым»

Прошлой осенью официальные лица начали говорить об «ускорении и расширении реформ». Именно так в последний раз ставил вопрос Чжао Цзыян — лидер КПК реформаторского толка, смещенный после событий на площади Тяньаньмэнь. А три года спустя нынешний партийный босс Цзян Цзэминь заявил, что политика открытых дверей его предшественника является «правильной и успешной».

Это могло бы прозвучать неискренне, если бы не внимание, которое власти уделяют сейчас провинции Гуандун, где расположены Шэньчжэнь и две другие экономические зоны. Излагая свои планы, Дэн

В 50-е годы Мао Цзэдун и Дэн Сяопин вместе строили социализм в Китае. Но вскоре Мао назвал Дэна «каппутистом»

Визит в США в 1979 году окончательно убедил Дэн Сяопина в необходимости политики «открытых дверей»

патриарха

Сяопин упомянул о создании нескольких «Гонконгов» вдоль китайского побережья, о сокращении на одну треть трехмиллионных вооруженных сил. А напоследок предупредил своих оппонентов: «Тем, кто не сможет перестроиться, необходимо уйти со сцены».

Консерваторы тут же насторожились. Занимая прочные позиции в отделе пропаганды ЦК КПК, они приняли все меры, чтобы ни одна столичная газета не поместила отчет о поездке Дэна на юг. Тогда реформаторы воспользовались услугами шанхайской прессы. Газета «Вэньхуэйбао» первой опубликовала серию статей, в которых пропагандировалась идея Дэна об «использовании всего полезного, что есть у капитализма». «Не надо бояться, если кто-то скажет, что мы проводим капитализм», — указывал Дэн Сяопин, явно намекая на Чэнь Юня.

Сторонники последнего в ответ распространили материал «для внутреннего пользования». В нем, по свидетельству гонконгского журнала «Чжэнмин», говорилось, что в Китае уже зародилась «новая буржуазия». Тем самым отвергалась точка зрения Дэна Сяопина о том, что в стране не существует больше классов и классово́й борьбы, и отрицалась его генеральная политика в

сфере проведения реформ и расширения внешних связей. Сам китайский преобразователь был заклеен весьма нелестным, с точки зрения его противников, прозвищем — «китайский Горбачев». Для многих стало ясно, что над Поднебесной в ближайшее время разразится гроза.

Схватка гигантов

Мао Цзэдун часто любил повторять: «В спорах рождается истина». Для его коллег по партии это всегда имело зловещий оттенок.

Со времени создания в 20-е годы КПК при участии Коминтерна китайские коммунисты постоянно искали «врагов» в собственном лагере. В годы гражданской войны с гоминьданом, когда компартия находилась на осадном положении, «споры» в КПК разрешались по законам военного времени. Свидетели вспоминают, что, когда проходили важные политические или военные совещания, партийные лидеры за спинами своих оппонентов любили выставлять охранников с маузерами...

После 1949 года, когда компартия из оппозиционной превратилась в правящую, методы устрашения политических противников приняли «цивилизованную» форму: маузеры были заменены на печатное слово и

широкие пропагандистские кампании, физические убийства — на моральную смерть. С приходом к власти коммунисты свой жестокий спор трансформировали в другую плоскость. Вопрос «Как быстрее и эффективнее захватить власть в стране?» поменялся на «Каким путем должен идти Китай в построении социализма?».

Именно в начале 50-х годов партия наиболее зримо раскалывается на «правых» и «левых». Первые выступали за рыночные отношения в экономике, их оппоненты — за решение всех вопросов «с помощью винтовки и уравниловки». Стоило «правым» (в советской печати их одно время величали «здоровыми силами») в КПК на VIII съезде компартии в 1956 году убрать из партийного устава упоминание об идеях Мао Цзэдуна, как «левые» тут же ошестинились и предприняли ответные меры в виде «большого скачка» и в проведении различных политических кампаний борьбы с «правым уклоном».

В 1959 году на Лушаньском совещании ЦК КПК тогдашний министр обороны, герой корейской войны, маршал Пэн Дэхуэй подверг критике «битву за сталь». Мао Цзэдун и его сподвижники были вынуждены отступить. Прежние лозунги типа «Три года самоотверженного труда — десять тысяч лет счастья», «Бедность — это хорошо» были заменены в угоду «правым» на новые: «Курс на урегулирование, укрепление, пополнение и повышение». Но для самих «правых» это была пиррова победа. Вначале им пришлось

пожертвовать «бесстрашным маршалом» Пэном, которого отправили в отставку и вскоре репрессировали. А через несколько лет уже на себе испытать все ужасы «культурной революции».

Но «правые» не были окончательно уничтожены. Они исподволь готовили ответный удар. Их новый духовный лидер — «хитрый лис» — премьер Чжоу Эньлай в начале 70-х проводит сложную закулисную операцию. Он устанавливает связи с одним из главных внешнеполитических врагов «левых» — Соединенными Штатами — и одновременно возвращает на политическую сцену многих своих сторонников. В их числе был и сын сычуаньского помещика Дэн Сяопин, которого Мао Цзэдун окрестил до этого

Последняя встреча двух «коммунистических реформаторов» в мае 1989 года — буквально через несколько дней на площади Тяньаньмэнь пролилась кровь

«кашпугистом», то есть «идущим по капиталистическому пути». Но, для того чтобы возратить из лагерей по перевоспитанию своих людей, Чжоу устранил министра обороны Линь Бяо, обвинив его «в заговоре и стремлении уничтожить председателя Мао».

В начале 1976 года «левые» вроде бы опять на коне. Умирает от рака ненавистный им Чжоу Эньлай. Во второй раз получает отставку Дэн Сяопин. Но радость «леваков» длилась недолго. В сентябре того же года «на встречу с Марксом» отправляется Мао Цзэдун, а через месяц арестовывают его главных идейных сподвижников — «банду четырех» во главе с женой великого кормчего «товарищем Цзян Цин».

«Схватка гигантов» на время утихает — оба непримиримых противника явно ослаблены изнурительной борьбой. В этот момент власть в партии и стране переходит к «центристу» Хуа Гофэну (его часто называли «человек ни то ни сё»). Хуа смог всех убедить в своих законных притязаниях на власть, продемонстрировав адресованную ему перед смертью записку Мао: «Раз дело в твоих руках, я спокоен». Ловкий, но не искусный в политической борьбе Хуа Гофэн правил пять лет. Получив как-то письмо от опального Дэн Сяопина, в котором тот писал о своем желании послужить народу «в точном соответствии с идеями Мао», и разрешив ему вернуться в Пекин, Хуа тем самым подготовил себе политическую смерть. Интрига со смещением Хуа Гофэна с поста председателя ЦК КПК, а заодно вычищением всех приверженцев «жесткой линии» была разыграна как по нотам: начавшийся в конце 1980 года суд над «бандой четырех» приговаривает Цзян Цин к смертной казни, которая впоследствии была заменена на пожизненное заключение — Дэн Сяопину не к чему было делать из нее мученицу. Все это время Хуа, боясь разоблачения за связи с «бандой», просил об отставке. Наконец, в июне 1981 года она была принята...

К власти в стране пришли реформаторы (так теперь начали себя называть бывшие «правые»), поставившие во главу угла своей деятельности любимый афоризм Дэна: «Неважно какого цвета кошка, лишь бы мышей ловила».

Нельзя сказать, что «левые» или консерваторы смирились с поражением. Скрепя сердце согласившись на экономические преобразования, они поставили жесткое условие: никаких политических реформ в Поднебесной проводить не должно. Тем более что сами реформаторы никогда и не возражали против того, чтобы КПК оставалась «главным рулевым и вдохновителем» всех побед китайского народа.

Звездным часом для консервато-

ров стало подавление студенческого протеста в 1989 году. Им удалось сместить основное доверенное лицо Дэн Сяопина — Чжао Цзыяна и почти на два года поссорить Китай с Западом, организовав преследование инакомыслящих в среде китайской интеллигенции.

«Охота» на консерваторов

Вызывает удивление время, избранное Дэн Сяопином для поездки на юг. Начиная с прошлого августа в Чжуннаньхае (резиденция высшего руководства КНР) царили подавленность и смятение — за провалом попытки переворота в Москве (кстати, в дни путча тогдашний посол Китая в СССР имел многочасовую беседу с Янаевым и выразил ГКЧП поддержку своего руководства) последовали конец советского коммунизма и развал Советского Союза. В ответ на эти события китайские должностные лица клятвенно заявляли: «Мы ни за что не допустим падения Великой Китайской стены социализма». Можно было предположить, что Китай прореагирует на очередную «угрозу с Севера» отходом от реформистских тенденций. Однако вместо этого Дэн Сяопин, похоже, пришел к заключению, что советский крах доказывает правильность избранного им пути.

Дэнсовская школа коммунистических реформ всегда исходила из посыла, что экономика должна постепенно раскрываться для рыночных свобод, тогда как политическая власть партии должна оставаться неизменной. Падение Михаила Горбачева, который «жестко ревиновал» подобную концепцию, позволило китайским реформаторам сделать вывод: чтобы и дальше обеспечивать политический контроль, необходимы более глубокие экономические преобразования.

Излагая высказывания Дэн Сяопина, газета «Цзинцзи жибао» недавно писала: «Коль скоро экономическая работа будет проводиться на должном уровне и у нас будет надлежащая материальная база, можно будет урегулировать любые проблемы». Может быть, это и так. Многие китайцы восприняли события в Советском Союзе не как вдохновляющий пример, а как предупреждение: а что если с началом политических реформ в Китае будут поставлены под угрозу его стабильность и относительная сытость китайцев? Совсем безразлично это и международному сообществу — ведь если помимо одной шестой части суши еще «заговорит» миллиардный «китайский вулкан», сильная головная боль гарантирована миру на долгие годы.

И все же отнюдь не просто сохранять, с одной стороны, тотальный контроль над обществом, а с другой

— заставлять его плодотворно трудиться. Преимущественно централизованная «социалистическая экономика» явно начинает давать сбой: по сравнению с прошлыми годами снизился приток национального продукта, уменьшился приток прямых иностранных инвестиций... В интеллигентской среде ширятся требования политической реабилитации студенческого движения «жаркой весны» 1989 года. Судя по всему, реформаторы готовы пойти на существенные перемены. Но только в сфере экономики. В частности, предсказывают, что в скором времени будут отпущены цены на многие виды товаров, начнется приватизация жилья, должны быть ликвидированы многие нерентабельные госпредприятия, высасывающие огромные средства из бюджета... Но, чтобы все это осуществить, сторонникам Дэн Сяопина предстоит прежде всего добиться господства в политической области.

«Охота» на консерваторов, кажется, уже началась. Был отправлен в отставку исполняющий обязанности министра культуры Хэ Цзинчжи. Хэ получил этот пост сразу после тяньаньмэньских событий. Он ограничил свободу творчества, подчеркнув, что «искусство должно служить социализму». В Пекине ходят упорные слухи, что в ближайшее время начнется чистка руководящих кадров в сфере пропаганды. В печати уже развернулась широкая кампания против «ортодоксальных марксистов».

Удастся ли Дэн Сяопину, которому, кстати, в марте этого года была сделана серьезная операция на предстательной железе, использовать свой последний шанс в битве за реформы в Китае и избежать одновременно больших потрясений в стране? Способность Дэна оказывать решающее влияние на расклад сил в КПК, несомненно, не безгранична. Хотя он может удалить ряд наиболее непопулярных консерваторов из области культуры и пропаганды, вызывает сомнение, что «этот маленький человек высокого интеллекта» (именно так его представил Хрущеву Мао Цзэдун в 1957 году) сможет так же легко продвинуть на высшие посты основных сторонников своих реформ. Тем более что еще не сказали своего окончательного слова китайские ортодоксы и прибывающие пока в тени Народно-освободительная армия.

Реформаторы явно перехватили инициативу. Но даже при самом благоприятном исходе внутрипартийной борьбы в КПК им вряд ли удастся одержать 100-процентную победу над консерваторами. Те просто уйдут на «заднюю линию», выжидающая удобного случая для ответного удара...

Фото из журнала «Ньюсуик» (США)

Афанасий Никитин завещал другое

Москва меняет позицию, Дели теряет космическую программу

Российское руководство приостановило действие заключенного в январе прошлого года соглашения между Главкосмосом и индийской Организацией космических исследований о поставке ракетных криогенных ускорителей (они используются для вывода спутников на геостационарную орбиту) и технологии их производства. Россию в индийском парламенте, да и во всей Индии за это решение не осуждают. Ее, скорее, жалеют, понимая, что Москва вынуждена ходить по миру с протянутой рукой, а принимая внешнеторговые решения — учитывать массу привходящих обстоятельств, которые прежде, возможно, и не брала бы в расчет.

Российские официальные лица и не пытаются скрывать, что контракт заморозили по рекомендации США. При этом ссылаются на неоднократные беседы Козырева с Бейкером, который якобы пригрозил: если не учтут интересы США, экономическая помощь России будет приостановлена. После этого, по словам людей сведущих, контракт Главкосмоса с Индией и был «подвешен».

Под угрозой срыва оказалась программа космических исследований Индии, которой мы в меру сил и отнюдь не безвозмездно помогали в прошлом. Если не произойдет радикальных изменений в позиции Москвы, будут приостановлены планы развертывания индийской спутни-

ковой системы связи, реализация многих проектов в области метеорологии, сельского хозяйства, геологии. Пострадает и Россия. Контракт, частью которого были также поставки в Индию систем пускового стартового комплекса, сулил нам миллиард долларов.

Очередной и мощный удар нанесен индийско-российским отношениям. Речь идет, по сути, о блокировании принципиально нового направления двусторонних экономических связей...

Можно было бы понять заботу Вашингтона о необходимости соблюдения режима контроля за распространением ракетной технологии — именно этим обстоятельством мотивируют нажим американского Белого дома на Белый дом российский. Но в Дели официально заявлено о твердом намерении использовать российскую ракетную технологию в мирных целях, в частности для улучшения систем связи. К тому же, еще в 1977 году во время визита председателя индийской Организации космических исследований У.Р.Рао в США сами американцы предлагали помощь в создании жидкостных криогенных ускорителей. В 1986—1987 годах индийцев активно обрабатывали на этот

счет представители компании «Пратт энд Уитни». Через два года в соперничество с Главкосмосом за контракт с Индией — и тоже с ведома и согласия американского правительства — включились компания «Дженерал дайнэмикс», а также Франция через посредство Европейского космического агентства.

Индийцы отказались от сотрудничества с Вашингтоном и Парижем по финансовым и политическим мотивам. Предпочли тогдашний СССР, с которым Индию многие десятилетия связывали тесные отношения в политической, экономической и оборонной областях.

Требую приостановить российско-индийское сотрудничество в космической области, США, полагают некоторые индийские обозреватели, проводят крупную экономическую операцию, чреватую долгосрочным ущербом для России, ее научного и производственного потенциала. Существует политический аспект проблемы. Все партии Индии осудили вмешательство США в индийско-российские отношения, попытки Вашингтона играть роль третейского судьи. Россию в этом контексте индийские парламентарии в ходе весьма бурных дебатов даже не упоминали. Вообще — редчайший случай — все члены парламента, вне зависимости от партийной принадлежности, выступали единым фронтом. Наблюдая за ходом дискуссии в Дели, я в очередной раз убедился, что здесь по-прежнему глубоки корни дружбы и сотрудничества Индии с Россией. Чего, увы, не скажешь о Москве: в истории с космическим контрактом явно ощущалось безразличие нынешнего российского руководства.

Правда, затем последовали новые переговоры в Москве. В Дели к их результатам отнеслись сдержанно, но надеются, что окончательное — и взаимовыгодное — решение будет найдено после визита в Индию Геннадия Бурбулиса 3—5 мая. Этот визит здесь воспринимают как долгожданное возобновление диалога с Россией на высоком политическом уровне.

Сергей Иродов,
соб. корр.
«Нового времени»

Космическая программа Индии: даст ли Бурбулис «добро» на взлет?

Ученики стреляют в учителей

Леонид Млечин

Запад всегда обвинял Советский Союз, весь социалистический блок в покровительстве международному терроризму. Теперь, когда открылись архивы восточноевропейских секретных служб, становится ясно, что действительность обгоняла самые смелые предположения западных специалистов по терроризму.

Социалистический мир был идеальной базой для террористических акций. Здесь за «железным занавесом» террористы были вне досягаемости полиции, а местные власти проявляли полнейшую готовность к сотрудничеству. Венгрия, Болгария, Чехословакия, Восточная Германия — палестинские террористы везде пользовались режимом наибольшего благоприятствования.

Руководители секретных служб социалистических стран обучали палестинцев, прежде всего людей Арафата, снабжали их оружием и взрывчаткой, разрешали использовать территорию своих стран для атак на международный империализм и сионизм.

Но отношения Москвы с палестинцами никогда не были безоблачными.

«Слишком расчетливы»

Среди высокопоставленных палестинцев, которые в какой-то степени осведомлены в деталях советско-палестинских контактов, существуют разные точки зрения. Одни безоговорочно благодарят Москву за все, что она сделала для ООП. Другие отзываются весьма скептически.

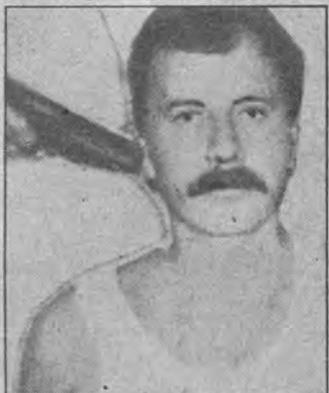
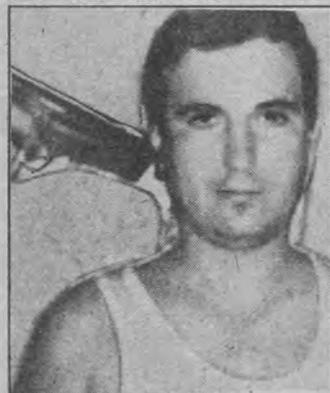
«Московские лидеры всегда громко заявляли, что поддерживают нашу борьбу, — жаловался один из членов высшего руководства ООП журналистам, —

Социалистические страны снабжали палестинских террористов оружием и укрывали их от правосудия. Эта помощь распространилась даже на тех, кого официально клеймили как «раскольников» и «предателей палестинского дела». Только теперь становятся понятны подлинные мотивы этой неразборчивости

но во время закрытых встреч они ведут себя совсем иначе и весьма расчетливы, когда дело доходит до того, чтобы нам что-то дать».

В Советском Союзе со времен Никиты Хрущева привыкли ориентироваться на Египет. Потом на Сирию. В Москве предпочитали иметь дело с влиятельными странами, от которых зависит ситуация на Ближнем Востоке. К созданию ООП отнеслись подозрительно.

Три советских дипломата и посольский врач были похищены в Бейруте. Одного из них убили. Ученики повернули оружие против учителей

Ее цель, провозглашенная в национальной хартии, — уничтожение Израиля, была близкой определенным людям на Старой площади, но никак не соответствовала интересам Советского Союза. Перманентный арабо-израильский конфликт позволил Москве основательно расположиться на Ближнем Востоке, разместить там базы для средиземноморской эскадры, рассчитывать на поддержку арабских государств при голосовании в ООН. В этом смысле цель Сталина — закрепиться на Ближнем Востоке, ради чего он вооружал в 1948-м еврейскую армию (см. бокс на стр. 36), — была достигнута, хотя и с другого полюса.

Кроме того, Арафат не казался серьезным партнером. Он бесконечно лавировал и маневрировал, борясь за выживание. Что он мог дать Москве?

Первой из социалистических стран наладил отношения с ООП Китай, который тогда не признавал Израиль. Мао Цзэдуну тоже нужны были какие-то международные контакты и партнеры, желательнее младшие. Запад не имел с ним дел. Сравнительно большие государства «третьего мира» пока что пренебрегали Китаем.

Щедрость Мао первыми оценили те, кто не располагал ничем. Ясир Арафат побывал в Пекине еще в 1964 году. На следующий год там было открыто представительство ООП.

И оружие палестинцам первоначально предоставлял только Китай, причем не заикался о деньгах и давал больше, чем просили. Проблема состояла в том, что расстояние между китайскими портами и палестинскими базами в Ливане было слишком большим.

В Москву Арафат впервые приехал в 1968-м, тайно, под чужой фамилией, в свите египетского президента Насера, который нуждался в помощи четвертого главного управления при министерстве здравоохранения СССР.

После личного знакомства и секретных переговоров отношение к Арафату стало улучшаться. В частности и потому, что советские лидеры боялись, как бы Арафат полностью не попал под влияние Китая. На Ближнем Востоке Москва соперничала с Вашингтоном. Пекин был третьим лишним. Но бюро ООП открылось в Москве только в 1976 году.

Помощь, за которую хорошо платили

Основная помощь из Москвы пошла после 1973 года, когда президент Египта Анвар Садат разочаровался в дружбе с Советским Союзом. Пик интереса к ООП пришелся на 1979–1982 годы.

Каким был масштаб этой помощи? Когда в 1982 году в результате

Примерно три тысячи палестинских боевиков прошли подготовку в Советском Союзе. Вернувшись на свои базы, они передавали опыт другим

военной операции «Мир в Галилее» израильские войска выбили палестинские вооруженные формирования из Ливана, в Иерусалиме обнародовали список трофеев: 80 танков, 56 ракетных пусковых установок типа «катюши», 202 гранатомета, 158 противотанковых управляемых снарядов, 70 тяжелых артиллерийских орудий, 28 тысяч единиц стрелкового оружия, 4670 тонн боеприпасов.

Это была малая часть того, что Советский Союз поставил Организации освобождения Палестины. Но, судя по всему, это не было щедрым подарком Москвы ближневосточным товарищам.

ООП располагала деньгами, для того чтобы расплатиться за оружие. Нефтяной бум создал избыток денег в арабском мире, из которых можно было что-то давать и палестинцам. Давала даже Ливия, которая не находила денег, чтобы расплатиться за советское оружие. Да и сами палестинцы занимали особое место в арабских странах: преподаватели, банкиры, торговцы — люди, которые могли жертвовать большие деньги.

После разгрома палестинцев в Ливане Москва продолжала помогать Арафату, но его стратегическое значение упало.

Кроме того, против Арафата выступил президент Сирии Хафез Асад, который, почувствовав его слабость, попытался подмять под себя палестинское движение. Он отколол от ООП несколько групп. Москва разрывалась между обязательствами по отношению к Арафату и лояльностью к своему важнейшему союзнику — Сирии.

На истинный характер взаимоотношений Москвы и палестинцев проливают свет документы, которые попали в руки израильтян в 1982 году и были опубликованы. Среди них запись беседы министра иностранных дел Андрея Громыко с Ясиром Арафатом от 13 ноября 1979 года.

Министр был холоден

Громыко говорил: «Мы поддерживаем палестинскую, арабскую позицию. Мы вне всякого сомнения поддержим любое ваше предложение в ООН. Вам обеспечена поддержка наших социалистических друзей. Но последний вопрос — и это действительно только вопрос. Когда мы беседуем с американцами о палестинской проблеме, они спрашивают нас: разве можно признавать ООП и соглашаться на создание независи-

Ясир Арафат и Леонид Брежнев (1981 год): лучший период в палестино-советских отношениях

мого палестинского государства, если ООН не признает Израиль?... Рассматриваете ли вы возможность определенных тактических уступок в обмен на признание со стороны враждебного лагеря? Рассматриваете ли возможность признания права Израиля на существование?»

Арафат: «Наша позиция — создание совместного государства для евреев и арабов. Нам отвечают: это означает уничтожение Израиля. В 1974 году мы заявили, что создадим наше государство на любой части земли, с которой уйдет Израиль, и это наше право».

Арафат даже на секретных переговорах отвечал союзнику столь же уклончиво, как и на пресс-конференциях. Громыко холодно закончил беседу: «Если ваша позиция изменится, я прошу уведомить нас, поскольку избежать этого вопроса невозможно. Я прошу вас подумать об этом».

Если это подлинный документ, то он свидетельствует о весьма непростых отношениях между партнерами, которые на людях демонстрировали самую горячую любовь друг к другу.

Но политические расхождения не мешали сотрудничеству военному. Впрочем, то, что палестинцы именуют военными операциями, в других странах называют терроризмом.

По некоторым подсчетам, с 1973 года примерно 3000 палестинцев прошли военное обучение в Советском Союзе — в Баку, Ташкенте, Симферополе и Одессе. Такие же группы палестинцев обучались в восточноевропейских государствах.

В брошенной палестинской канцелярии в Ливане израильтяне нашли один из отчетов палестинской военной миссии о поездке в СССР, датированный 22 января 1981 года.

Слишком много политинформаций

«1 сентября наша группа прибыла в Симферополь. В группе 194 бойца. Представлены следующие фракции: ФАТХ, Армия освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины, Демократический фронт освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины — главное командование, Фронт освобождения Палестины...»

Московские политики и их союзники всегда утверждали, что Организация освобождения Палестины занимается чистой политикой, террор — дело рук каких-то других «раскольнических групп», не контролируемых Арафатом.

Но в советских учебных центрах палестинцев учили дивер-

сионно-террористической деятельности. И среди курсантов в этих лагерях больше всего было людей Арафата.

Интересно, что Москва принимала на учебу и террористов из Фронта освобождения Палестины — главное командование, хотя публично жестокие акции этой группы осуждались.

Впрочем, Армия освобождения Палестины, действующая под руководством сирийского генерального штаба, тоже принадлежит к числу самых непримиримых и жестоких отрядов палестинского движения. Равно как и Народный фронт освобождения Палестины, возглавляемый Жоржем Хабашем. Это он организовал большинство угонов самолетов и участвовал в самых кровавых акциях начиная с расстрела пассажиров в израильском аэропорту Лод.

В отчете отмечалось, что часть прибывших на учебу курсантов пришлось отправить назад, потому что они торговали валютой, напивались, отказывались подчиняться советским инструкторам и изучать то, что полагалось по программе.

Побывавшие в лагерях палестинцы в свою очередь жаловались на то, что было слишком много политинформаций и слишком мало практических занятий. Во время боев в Ливане в 1982 году израильские офицеры отмечали, что лишь небольшая часть палестинских отрядов сражались достаточно умело. Остальные действовали неорганизованно, не умели пользоваться современным оружием и несли большие потери...

Партийное поручение

У секретных служб восточного блока был большой опыт снабжения оружием и обучения ближневосточных боевиков. Еще до создания Израиля Сталин через Чехословакию снабжал еврейскую армию оружием и обучал ее офицеров

В начале 1948 года военный атташе в Бейруте майор Стивен Мид сообщил своему начальству в Вашингтоне о таинственных самолетах, которые ночью садятся на небольшом аэродроме в долине Бекаа. Иногда прилетало сразу несколько самолетов. Разгужал их тайно при свете прожекторов известный контрабандист ливанец Даруиш Бейдун.

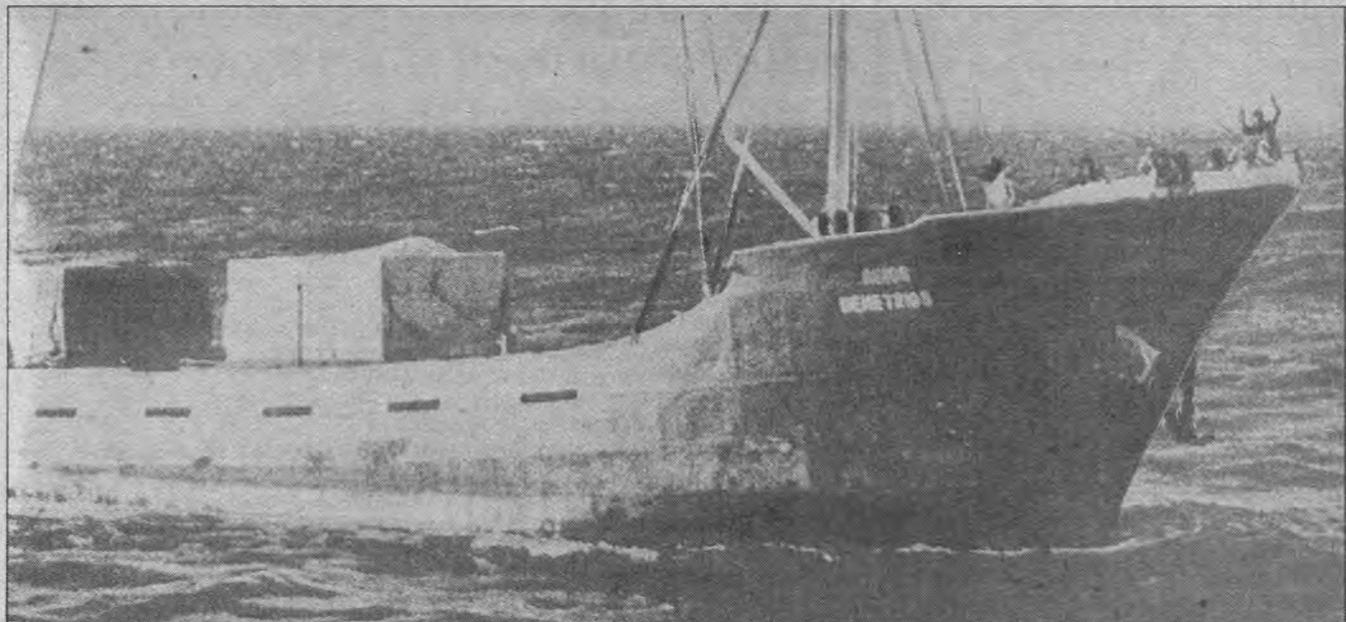
Атташе процитировал в шифротелеграмме слова начальника штаба ливанской армии, который объяснил американцу, что таким образом доставляется оружие для формирующейся израильской армии.

В Вашингтоне потребовали от разведки узнать, откуда прибывает оружие. Ответ дал военный атташе в Пра-

ге. Он выяснил, что ящики с оружием грузятся на борт таинственных самолетов в Чехословакии и что в чехословацкой же армии вербуются добровольцы для еврейской армии.

Атташе не знал, что добровольцев отбирали тогда и среди прошедших Великую Отечественную офицеров-евреев, только что демобилизовавшихся из Советской Армии. Членам КПСС объясняли, что это партийное задание — сражаться на стороне Израиля против британского империализма и арабской реакции.

Американская военная разведка регулярно сообщала в Вашингтон о поставках оружия для Израиля. Военные грузы значились в таможенных декларациях как «хирургические инстру-

На этом судне люди из ООП пытались взорвать израильский порт Эйлат

Фото из журнала «Шпигель» (Германия)

Неверно было бы предположить, что КГБ, министерство государственной безопасности ГДР, спецслужбы других социалистических стран руководили террористическими операциями палестинцев или напрямую в них участвовали. Прежде всего потому, что за малым исключением каждая палестинская группа уже имела своего сюзерена — сирийского президента Асада, иракского Хусейна, ливийского лидера Каддафи.

Только Ясир Арафат старался сохранить независимость своей орга-

низации — ФАТХ. Разумеется, не для того, чтобы выполнять приказы КГБ.

«Спасибо за то, что вы нас не тронули»

Сотрудники советской внешней разведки и их восточноевропейские коллеги старались поддерживать тесные контакты с палестинцами не только ради совместной борьбы с сионизмом и империализмом. С палестинскими террористами приходилось держать ухо востро и следить

за тем, чтобы они проводили свои акции за пределами социалистического лагеря.

Из отчета, хранившегося в архиве министерства государственной безопасности ГДР:

«По поручению товарища Хонеккера министр государственной безопасности Эрих Мильке договорился с руководящим представителем Организации освобождения Палестины Абу Иджем о помощи и поддержке справедливой борьбы арабского народа Палестины. Товарищ министр заверил представителя

менты и другое медицинское оборудование». Погрузка велась под пристальным чешской полицией.

Самолеты садились не только в долине Бекаа, которую со временем облюбовали палестинские боевые отряды, но и на территории самого Израиля.

Директор ЦРУ адмирал Хилленкеттер был чрезвычайно недоволен переброской оружия Израилю. В те времена еще никто не называл США покровителями сионистов. Напротив, Советский Союз поддерживал еврейское государство в пику США и Великобритании, не желавшим раздела Палестины.

В Вашингтоне были готовы выразить Праге официальный протест. Посол Чехословакии объяснил американцам, что его правительство так нуждается в валюте, что будет продавать оружие, не обращая внимания на протесты и запреты.

Летом 1948 года из Чехословакии в Израиль стали летать американские летчики на частных самолетах. Американский военный атташе предложил своему начальству в Ва-

шингтоне предупредить нарушителей, что их будут сбивать истребители-перехватчики, но до этого все-таки не дошло. Чехословакии был заявлен протест, а посредника ООН в Палестине графа Бернадотта поставили в известность о поставках оружия в нарушение эмбарго.

Через месяц Прага ответила, что американские летчики, которые работали по контракту, покинули страну. Но военный атташе узнал от своего агента — офицера чехословацкой армии, что самолеты теперь взлетают с небольшого аэродрома Малацки к северу от Братиславы. Здесь же советские и чехословацкие инструкторы обучали израильских летчиков.

В Куновице — неподалеку от Брно — закупленные израильской армией английские «Спитфайры» и трофейные немецкие «Мессершмитты-109» разбирались на части и загружались в транспортные самолеты панамской авиакомпании. Иногда на этих самолетах закрашивали панамские опознавательные знаки и рисовали американские, чтобы об-

легчить летчикам пролет через американскую зону оккупации Германии.

Осенью американский военный атташе сообщил в Вашингтон, что в Чехословакии идет интенсивная подготовка израильских военнослужащих. Пехотинцев — в Оломоуце, медсестер — в Либереце, электромехаников — в Пардубице, танкистов и десантников — в Ческе-Будевице. Советские инструкторы вели еще и политзанятия. На старых партизанских базах обучали подрывников. На этих же базах через двадцать лет станут учить тому же искусству палестинских боевиков.

Двухтысячный отряд пехотинцев, получивший наименование «Бригада имени Готвальда» — в честь чехословацкого коммунистического лидера, — отправился в Израиль в конце декабря 1948 года. Поставки чехословацких танков, зенитных орудий, противотанковых ружей и боеприпасов для Армии обороны Израиля продолжались.

ООП, что корабельные подрывные заряды и ручные гранаты будут предоставлены в желаемом количестве».

Министр Мильке просил также передать благодарность руководителю ООП Ясиру Арафату за то, что во время советско-американской встречи на высшем уровне в Вене не было предпринято никаких акций против американского президента. Эрих Мильке был признателен Арафату и за то, что ООП согласилась не проводить террористические операции на территории ГДР.

Москва хотела все знать о ближневосточном, исламском терроризме еще и потому, что после вторжения в Афганистан она утратила симпатии исламского мира. Мусульмане повернулись спиной к бывшему другу. Теперь уже следовало позаботиться о том, чтобы жертвами палестинцев не стали граждане социалистического блока.

Но возвращенный совместными усилиями зверь вышел из повиновения. Осенью 1985 года Советский Союз обеднел еще на одну иллюзию. Это произошло в тот момент, когда в Бейруте были похищены три советских дипломата и посольский врач. Трех похитители вернули, одного — атташе по вопросам культуры Аркадия Каткова — убили.

Похищения давно стали стандартным методом борьбы в Ливане, только обычно их жертвами становились американцы, и это называлось борьбой с империализмом... Похищение и убийство было тревожным сигналом для Москвы.

Советские люди утратили свой иммунитет от террористических акций. Помощи пришлось искать не у старых друзей, а у прежних врагов. С началом перестройки это стало возможным. Советские спецслужбы начали консультироваться с коллегами из западных стран.

Так, в 1990 году, когда стало известно, что палестинские террористы готовят акцию против советской сборной по футболу, прилетевшей на чемпионат мира в Италию, КГБ обратился за помощью к итальянской контрразведке СИ-СМИ.

Помощь была оказана, советские футболисты избежали худшего. В Москве в полной мере оценили возможности международного сотрудничества с прежними врагами.

«Подчиняться инструкторам и не спекулировать»

Такие указания получали палестинские боевики перед поездкой в Советский Союз

Одну из самых отвратительных террористических операций последнего времени — захват итальянского судна «Акилле Лаура» — осуществил человек, прошедший выучку в Советском Союзе. Это Абу Аббас, близкий к Арафату человек, возглавляющий Фронт освобождения Палестины, входящий в ООП.

В Дамасском университете он изучал арабскую литературу, заинтересовался марксизмом и таким образом оказался в ООП. Его приметил Ахмед Джебриль, лидер Народного фронта освобождения Палестины — главное командование.

Имя Джебриля стало широко известным, когда его люди захватили жилой дом в маленьком израильском городке и убили там 18 мирных жителей. Джебриль заявил, что создает «новую школу борьбы с применением высшей степени революционного насилия».

В 1973 году Абу Аббас (ему было 25 лет) отправился в Советский Союз получать военную подготовку. Обучение пошло ему на пользу. Он пытался захватывать самолеты и взрывать израильские порты.

Летом 1978-го боевики ФАТХ зафрахтовали греческое судно. В порту Латакия, где проходят обучение палестинские акавангисты-диверсанты, сирийцы загрузили на судно ракетные установки советского производства, в Триполи взяли на борт четыре тонны тринитротолуола.

Цель операции: обстрелять ракетами порт Эйлат, стараясь поджечь нефтеперегонный завод. После чего экипаж намеревался покинуть судно на катере, а судно с грузом взрывчатки, направляемое автоматической системой наведения, должно было врезаться в причал. Взятая на борт взрывчатка хватило бы на то, чтобы почти полностью разрушить Эйлат и уничтожить множество мирных жителей.

Но в сорока милях от Эйлата израильский патрульный катер перехватил судно с палестинцами. Террористов судили и приговорили к различным срокам тюремного заключения. Пойманные палестинцы охотно беседовали с иностранными журналистами.

Заместитель начальника группы Хадир рассказал, что учился на военных курсах под Севастополем: подрывное дело, закладка минных полей, взрывы мостов, ведение боевых действий в условиях применения ядерного, химического и биологического оружия.

— Перед поездкой, — рассказывал Хадир, — в нашем лагере в Шатиле мы одолели подготовительный курс по истории и культуре Советского Союза. Нам внушали, что мы должны привыкнуть беспрекословно выполнять приказы советских инструкторов и не вести дискуссий на политические темы.

Боевики ФАТХ приезжали в Советский Союз с паспортами умерших иорданцев и ливанцев, в которых были переклеены фотографии.

— Каждый получил на дорогу 200 долларов, — продолжал Хадир, — потому что русские старались всеми средствами раздобыть твердую валюту. Нас предупредили, чтобы мы не занимались контрабандой и спекуляцией. Предыдущая группа на этом и погорела.

В 1982 году Абу Аббас поспорил с Джебрилем и его сирийскими друзьями, которые пытались взять под контроль всех палестинцев, и пришел к Арафату.

Захватив итальянское судно с туристами, люди Аббаса убили 69-летнего инвалида только потому, что он был евреем. Президент Рейган был готов применить военную силу, и тогда в ООП дали отбой.

Арафат заявил, ООП не имеет никакого отношения к захвату судна, хотя позднее стало известно, что он объяснял своим помощникам: «Операция была необходима, потому что заставила весь мир дрожать перед палестинскими воинами».

Личная организация Арафата — ФАТХ — старается не принимать участия в одиозных акциях. Остальные группы, входящие в ООП, считают убийства мирных людей нормальным средством борьбы с «сионистским образованием»: «Все израильские граждане рассматриваются как солдаты противника и подлежат уничтожению, поскольку их смерть ослабляет Израиль».

С кем идти в разведку

Командир российских «джеймсбондов» впервые открыто договаривается с бывшим противником о нормах «цивилизованной разведдеятельности».

Господь наш повелел Моисею: «Пошли несколько мужчин высмотреть все в стране Ханан, ибо хочу я отдать ее детям Израиля». С тех пор шпионаж стал неотъемлемой частью международных отношений. СССР был в этой сфере лидером если не по качеству, то по количеству. Теперь, похоже, начались серьезные перемены. Шеф гражданской части российской разведки, скрываемой под аббревиатурой СВР (Служба внешней разведки), был приглашен премьер-министром Швеции в Стокгольм «выяснить отношения».

Разведбоссы традиционно путешествуют инкогнито, но директор СВР на сей раз получил возможность не таясь посещать резиденцию правительства, штаб-квартиру королевской полиции, МИД. Давно обеспокоенные масштабами советского шпионажа, власти Швеции решили попробовать говорить с Москвой языком не высылки персона нон грата, а почти партнерского общения. Результаты не заставили себя ждать.

Мы отмечаем заметное уменьшение как персонала, так и активности СВР в Швеции, — подчеркнул премьер-министр Карл Бильдт после разговора с российским гостем, тут же посетовав, что ГРУ (Главное разведывательное управление генштаба — военная разведка) продолжает свои операции в прежних масштабах.

Евгений Примаков пообещал и впредь следовать «нормам цивилизованной разведдеятельности», дав понять, что они означают не только отказ от шпионажа против Швеции, но и желание начать сотрудничество спецслужб двух стран. Есть основания полагать, что такое взаимодействие СВР уже налаживает с некоторыми партнерами в странах — членах НАТО и государствах Восточной Европы. Шведы считают, что в Москве наметилась линия на отход от бывшего жесткого деления разведок на потенциальных противников («если завтра война») и друзей («лишь бы американцев шпыняли»).

Перефразировав известный афоризм, директор СВР заявил, что у России нет не только постоянных врагов и друзей, но что даже ее национальные

интересы являют собой сумму переменную. Во всяком случае, он и его коллеги — шеф королевской полиции Бьёрн Эрикссон и начальник СЭПО (контрразведки) Матс Бьёрссон — сошлись во мнении, что Москва и Стокгольм заинтересованы в совместных усилиях по борьбе с распространением оружия массового поражения, международным терроризмом, мировым наркобизнесом, контрабандой обычного оружия, незаконной иммиграцией, наиболее опасными формами организованной преступности. Шведские полицейские чины вскоре приедут на детальные переговоры в Москву, хотя и не по приглашению российского премьер-министра.

Тем не менее полного братания в Стокгольме не получилось, ибо, по мнению СЭПО, предварительное условие для сотрудничества с Россией — «прекращение всей нелегальной деятельности русских в Швеции». Очевидно, в Москве потенциальные партнеры обсудят, как они понимают это условие: у российской стороны тоже есть свои претензии к «чрезмерной активности» шведских представителей в С.-Петербурге и Москве. Все же, как мне разъяснили не зависящие друг от друга источники, обмен оперативной информацией уже начался, и пусть «враги трепещут». Особый трепет должны испытывать «горячие головы с южным темпераментом», что вполне понятно: начинать надо с совместных действий против

наиболее опасных общих недругов, постепенно наращивая доверие друг к другу.

Правда, бочку дегтя в ложку доверия подлило сообщение из Финляндии об аресте в аэропорту Хельсинки русской пары, выдававшей себя за англичан и имевшей при себе ручной багаж с пятизначной суммой долларов США и марок ФРГ. В британских паспортах неудачников, которые, как не исключается, работают на одну из разведслужб России, стоят и шведские визы. Это вызвало в Стокгольме синдром шпионского похмелья, но Евгений Примаков поспешил заверить о непричастности СВР к путешествию дилетантов. Столь же улыбочиво отвел он и вопросы о якобы имевшем место бегстве в Россию из шведской тюрьмы агента ГРУ Стига Берлинга: «Мы и Хонеккера-то у себя видеть не хотим...» Развел руками директор и при обсуждении излюбленной темы Стокгольма — «подводилодочной активности» в шведских шхерах. Он сказал, что не располагает данными об участии в ней бывшего СССР. Вероятно, потенциальное сотрудничество с СЭПО покажет со временем, имеются ли у СВР сведения об участии в ней других стран.

Итак, Москва и Стокгольм (а инициатива исходит от него) демонстративно сделали первый шаг в сторону от закулисного противостояния. Смогут ли они действительно «жить дружно»? Стокгольм уживается с Вашингтоном (Карл Бильдт недавно встретился там с директором ЦРУ), Бонном, Тель-Авивом и другими союзниками в области шпионажа и контршпионажа. Раньше острей сотрудничества было направлено против СССР, а Москва в свою очередь рассматривала Швецию в качестве приспешника антисоветского западного блока.

Поворот наметился очень крутой, причем Примаков и Бильдт рулят в одном направлении, но, боюсь, что не всех пассажиров это устраивает. Угроза рецидивов мышления «холодной войны» еще далеко не миновала. В Швеции много противников сближения с Москвой. В России твердых также хватает.

Александр Полюхов,
соб. корр. «Нового времени»
СТОКГОЛЬМ

Рисунок из газеты «Свенска дагбладет» (Швеция)

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

П О Р Т Р Е Т

Рудольф Хачатрян:

«Я приехал завоевать Лондон»

Спор о том, где должен работать художник — «здесь» или «там», — и беднеет ли страна, если картины продаются за рубеж, наконец-то исчерпал себя. Но открылись новые проблемы...

В мастерской Рудольфа Хачатряна все уставлено готовыми работами. Они стоят уже двумя этажами, ожидая, когда художник представит их зрителям. Но ему некогда оторваться от главного — поиска формулы ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Я уже несколько раз садился за машинку, собираясь написать о великом открытии Хачатряна. Но каждый раз, когда я прихожу к Рудольфу в мастерскую, он говорит: «Пойдем покажу. Это с ума можно сойти». И я рву уже почти окончательную статью, потому что не могу угнаться за его творчеством. Однажды Хачатрян показывал издателю, берущемуся за публикацию альбома лондонского периода творчества художника, свою новую серию графики, выполненную изящно и просто методом тиснения на белых листах. Издатель заключил: «Это будет трудно передать на бумаге. На слайдах получится лишь графическая линия. Объемность пропадет». Не прошло и двух недель с того дня, как я вновь услышал знакомое «это с ума можно сойти» и увидел еще одно подтверждение гениальности Рудольфа. Графика ожила...

Если говорить об основном, на мой взгляд, даровании Рудольфа, то это — умение вдохнуть жизнь в образы и формы.

Если говорить об основном его открытии, то это — графическое изображение истории. Ему удалось найти формулу отображения жизни, соединив пространство и время.

«Понимаешь, каждый из нас носит в себе свое детство. Это некий символический образ. Исходя из этого, я допускаю, что можно писать одновременно существование двух состояний одного образа. Показать их единство. В принципе это не просто допуск, символика. Ка-

ждый из нас действительно таит в себе одновременно несколько состояний. Психологически в любом живом ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. На худой конец — выдуманный герой, — Рудольф закуривает очередную сигарету, садится в низкое кресло, стоящее здесь же, в его мастерской. — Адам — это все человечество. Его исток. Соедини всех в единый образ, получишь опять Адама. Но будет он уже не тем библейским персонажем, а неким другим сложным существом, вобравшим в себя всю гамму чувств, форм, противоречий. Это получится сюрреалистический урод, поверь мне, но — Адам. И главное, что заставит его выглядеть так, — это спрессованное в нем время. Знаешь, я упрощаю себе задачу и не стараюсь «собрать Адама назад». Мне достаточно для символической передачи времени в плоскости двуединого состояния одного образа: матери и ребенка. Это объединение прошлого и настоящего. А как еще более органично передать это, если не через соединение в одном образе источника жизни и самой жизни? Условно я назвал своего уродца «маленький-большой». Сначала это был один монументальный образ. Потом, сам знаешь, я стал заселять его другими «маленькими-большими», как бы возник муравейник. Все они на фоне почти неподвижного гиганта живут своей суетливой жизнью. И самое удивительное, что ни монументальной основе, ни муравьиному племени нет дела друг до друга, а порой, и вернее почти всегда, одной половине каждого нет дела до другой, хотя все они гармонически слиты в единый образ. Просто не могут существовать автономно».

Одна из последних работ Хачатряна помещена на обложке этого номера «НВ»

Помню, в один из моих приходов к Рудольфу мы также сидели у него в мастерской, и казалось, что последняя серия работ, где он создал опи-

санный выше муравейник человечества, — апофеоз его творчества. Мне подумалось, что так считает и сам художник, что он достиг критической точки. Но на следующей неделе услышал по телефону: «Приезжай. Это с ума можно сойти». «Ты — гений», — сказал я, когда посмотрел его новую серию. «А ты сомневался! Я приехал, чтобы завоевать Лондон. Вах!»

Еще в шестидесятые годы Рудольф Хачатрян начал создавать удивительный мир людей с вырезанными в их теле отверстиями — «открытую форму в пространстве». «Дырявое» население его мира не понравилось власти имущим. Это чуть не стоило Рудольфу членства в Союзе художников СССР. Но он продолжал творить в своей манере. Уже тогда мастер приходит к идее, ставшей впоследствии делом всей жизни, — поиску пластической передачи времени. Он пишет странное существо: лежащую двухголовую фигуру. Одна голова спит; другая — бодрствует. Два состояния одного образа. То, что будет потом проходить красной нитью через все творчество Рудольфа.

«Но это было еще не открытие. Слишком все пропорционально, — говорит мне он, показывая в альбоме фотографию двухголового монстра. — Нужна была связь между прошлым и настоящим. Нужно было движение в пространстве, но пластическое, а не механическое. — Хачатрян на минуту замолкает. Скрежет косматую, с проседью, бороду. — Я все чаще вспоминаю своего учителя Ерванда Кочара. Он еще в тридцатые годы пытался передать одновременность двух состояний. Для этого ему пришлось придумать новое направление — «живопись в пространстве». Представь себе фигуры, расположенные в разных плоскостях. Вращая эти плоскости, ты увидишь, как одна фигура переходит в другую, одно состояние — в другое. Но, учитывая, что фигуры слиты в единый образ, получается одновременность их присутствия в нем. Кочар, напри-

мер, создал удивительную работу, где женщина и стояла, и сидела одновременно. Но все его произведения были физически пространственные. Меня же мучил вопрос создания такого образа в плоскости».

Рудольф пролистывает несколько страниц самодельного альбома. Мелькают, как в мультипликации, фотографии его работ, заставляя оживать нереальный мир его персонажей. «Вот, — наконец останавливает он стремительный бег страниц. — Нашел. «Материнство». Так называется эта работа. Присмотрись». Я всматриваюсь в фотографию. Мать нежно прижимает ребенка. Извечный образ Мадонны с младенцем. Но вдруг замечаю, что и ребенок, и мать являются единым целым, неразрывным существом. «Заметил? — восклицает Рудольф. — Что, можно с ума сойти?»

Присутствие во всех произведениях «маленького» (ребенка) вносит в работы фактор времени, причем не буквально, как у его учителя Кочара, а фигурально, на языке живописи. Происходит как бы наложение двух эпох, как, скажем, в Библии, составленной из множества написанных в разное время текстов, но создающих конечную гармонию при ее чтении. У Хачатуряна ребенок — знак прошлого, воспоминания. В одной из

работ он изобразил мать («большого»), сидящую на стуле, а ребенка («маленького»), стоящим во весь рост и смотрящим в зеркало. Как и в опыте Кочара, фигура поднялась из сидячего положения, но произошло это на одной плоскости благодаря малости ребенка.

«Думаю, открытие «маленького» и «большого» было ключевым, — продолжает Рудольф. — Посмотри, маленькая рука естественно ложится на подставку. Маленькая нога создает гармонию, которую бы нарушила большая. Сидящая фигура только тогда получает свою монументальную архитектуру, когда в образе возникает мой «маленький». Это как в храме в Гарни, где ступени выложены громадным шагом, вроде бы по ним когда-то восходили неведомые гиганты. А сам-то он крохотный. ...Есть в Армении чудесное место — церковь Рипсиме. Монументальное и величественное сооружение, к которому прилепилась маленькая часовенка. Она дополняет общую гармонию и подчеркивает вечность всего комплекса. Не знаю, может там нужно искать истоки моих идей. А может, это от Бога? Не улыбайся. Откуда ты знаешь?»

Сергей Бабусенко,
 соб. корр. «Нового времени»
 ЛОНДОН

Судьба Рудольфа Хачатуряна была определена еще тогда, когда мальчиком он познакомился с Ервандом Кочаром, известным живописцем, работавшим прежде в Париже и исповедовавшим принципы классического довоенного европейского авангарда. Учеба у мастера в значительной мере сформировала эстетические взгляды художника. С 18 лет он участвует в выставках — сначала в своей родной Армении, затем в других городах Союза и за рубежом. Начав творческий путь как живописец, заявил затем о себе и как серьезный график.

В 70-е годы Хачатурян перебирается в Москву, и очень многие стремятся попасть в его столичную мастерскую, чтобы познакомиться с его работами и, если повезет, заказать художнику свой портрет.

Осенью 1990 года начинается «лондонский период» творчества Рудольфа Хачатуряна. Получив приглашение от «алмазного короля» Опленгеймера, он едет в английскую столицу. С помощью друзей находит мастерскую, где трудится с утра до вечера. За год художник создает до трехсот работ, выполненных в разной технике. Ему предлагают выставить некоторые из них в небольших галереях. Но мастер ждет «настоящего» предложения от одного из крупнейших музеев...

Галереи с художниками, но без покупателей?

При изрядном количестве галерей в Москве купить картину стало непросто. А продать — и того сложнее...

Елена Пивоварова,
арт-директор галереи «Манеж»

Всеобщий пессимизм по поводу отечественного арт-рынка, характерный для недавнего прошлого, начинает отступать под натиском реальности. Уже редко кто говорит на тему: есть рынок искусства у нас или нет его. Проблема все больше перемещается в плоскость технологии: как лучше продать, как лучше купить.

Два года назад галерея «Манеж» стала первой, сориентированной исключительно на внутренний рынок. В условиях, когда все только и говорили об отсутствии внутреннего рынка, мы хорошо понимали, что создавать нужно прежде всего покупателя искусства. Заключили с несколькими отечественными корпо-

рациями договор и стали их агентами на арт-рынке. Судя по тому, насколько модно стало сейчас обращаться к банкам и биржам с просьбами дать денег на культуру, расчет оправдался.

Теперь уже большинство галерей по необходимости обращены к внутреннему рынку. Но обстановка изменилась. Наряду с корпоративным покупателем в рынок искусства все больше втягиваются частные лица. Увы, они редко и неохотно идут в галереи, предпочитая другие пути.

На внутреннем рынке искусства сейчас явно лидируют антиквары, перехватившие инициативу. На фоне в основном некоммерческой жизни большинства галерей антикварные магазины просто процветают.

Газета «Коммерсантъ» наряду с явно ироническим обзором галерейных выставок подробнейшим обра-

зом комментирует результаты всех антикварных аукционов. И дело тут не только в предпочтении старого искусства новому. Преимущество антикваров связано в первую очередь со сложившейся системой торговли, с наличием устойчивой клиентуры, которая нарабатывалась годами и десятилетиями. Ключевая же проблема всех галерей — отсутствие постоянных клиентов. И что еще важнее — отсутствие самой системы отношений «галерея — клиент».

Галереи в массе своей представляют на нашем рынке интересы художников, а не покупателей. Это не только не привлекает потенциальных клиентов, но и отталкивает их.

«Падший ангел» М.Кротарбинского. За рубли...

Действительно, сейчас инициаторами создания галерей, как правило, являются художники, которым стало негде продавать свои картины. Галереи, таким образом, ассоциируются со свободой творчества, вместо того чтобы ассоциироваться с экспертной работой. Это подрывает всякое доверие к галерейному бизнесу как таковому, и многие из потенциальных клиентов решают идти проторенной дорожкой в антикварный магазин. А ведь по идее галерея имеет массу преимуществ перед магазином.

Человек, имеющий деньги и желающий вложить их в искусство, как правило, не знает, как это сделать. Ему нужен специалист, но при этом он не склонен поступаться и собственным вкусом, иначе дело теряет для него всякий смысл.

Самая тяжелая часть работы с клиентом — определить его стратегию поведения на рынке искусства, разработать концепцию будущей коллекции. Подобную экспертную ра-

В галерее «Манеж» — «Рисунок» А.Тышлера...

боту может проделать только галерея, которая становится для клиента персональным агентом на рынке искусства. Магазины же или аукцион в гораздо большей степени приспособлены для нужд опытных коллекционеров и специалистов.

Другое важнейшее преимущество галерейной торговли в том, что по заказу клиента галерея ведет поиск нужного в данном случае искусства. Лучшее искусство у нас по-прежнему не покидает мастерских и частных коллекций и гуляет на черном рынке. Однако при целенаправленном поиске можно купить практически все.

Наша беда в том, что галереи упорно предлагают то, что они хотят продать, а не то, что потенциальный покупатель хотел бы купить. Магазины и аукционы гораздо более гибко реагируют на спрос, чем галереи, связанные, как правило, обязательствами перед определенными художниками. А ведь именно галерист должен работать на личном уровне на вполне конкретного клиента.

Например, клиенту нужен заказной портрет или картина определенного размера в определенное место на стене. Думаю, что привычка делать подобного рода заказы в галереях постепенно укоренится в нашем быту. Пока же галереи с художниками, но без покупателей — это еще не настоящие галереи.

Кроме мучительной проблемы формирования специфической галерейной клиентуры, которая

ищет в галереях не художников, а экспонатов, есть еще одна большая проблема — формирование цен на произведения искусства.

При высоких рыночных ценах на искусство риск для клиента в этой области очень велик. Огромное количество фальшивых произведений старого искусства и некачественных современных произведений заполонило рынок. Многократно завышенные цены соседствуют с многократно заниженными. Этот хаос не может не отталкивать потенциальных покупателей, перориентируя их на товар с более надежной ценой.

Можно выделить, однако, две тенденции в ценообразовании. На достаточно высоком уровне стабилизируется нижняя граница цен на современное искусство: сейчас она измеряется шестизначными числами. Даже в художественных салонах, которые всегда были общедоступными в смысле цен, средняя цена картины сейчас порядка 100 000 рублей. На этом уровне предложения существует огромное количество художественной продукции, namного превышающее существующий спрос, и едва ли цены на нее будут существенно расти.

С другой стороны, разница в цене между дорогим и недорогим искусством у нас на удивление мала. Таким образом, верхние границы цен еще не сложились. И наиболее выгодно сейчас приобре-

тать редкие, дорогие произведения. На антикварном рынке эксперты уже заметили повышение спроса на дорогие предметы. То же ожидает современное искусство.

Однако само существование галереи будет по-настоящему оправданно только тогда, когда купить иным путем дорогую и ценную картину будет просто невозможно. Ждать этого осталось уже недолго, поскольку количество хорошего искусства на рынке крайне ограничено и скоро оно все окажется под контролем наиболее опытных и профессиональных экспертов. Тогда, очевидно, установятся и верхние границы цен на произведения искусства — и будут они на уровне средних мировых.

Цены в галереях будут расти, а количество картин сокращаться. Большинство хороших картин, которые прошли уже через галереи, через какое-то время вернутся на рынок по новым ценам. Плохие же картины навсегда выпадут в осадок. Сформируется достаточно узкий круг имен, представленный на рынке ведущими галереями. Рост цен на галерейное искусство при этом будет многократным.

...Экспорт отечественного искусства практически сошел на нет. И тем не менее можно прогнозировать расцвет галерейного бизнеса. К этому должны быть готовы и галереи, и покупатели...

Вольные художники спасают независимую прессу

Корреспондент «Литературной газеты» в США Эдгар Чепоров доставил на днях в свою редакцию три больших ящика — картины, литографии, рисунки, сериграфии. Это работы известных художников-эмигрантов, подаренные для аукциона в пользу газеты. «Идея возникла в разговоре с Михаилом Шемякиным, — говорит Эдгар. — Он первый сказал: «Я готов дать свои работы, почему не устроить аукцион?» Абсолютное большинство его коллег также согласилось участвовать в аукционе. И сделай это, чтобы поддержать «ЛГ» в критической для нее, как и для всей нашей прессы, финансовой ситуации. Мне, признаться, было просто беседовать с ними на эту тему. Я писал о Шемякине еще в ту пору, когда появление его имени в советских газетах было сенсацией. Я взял первое после его отъезда на Запад интервью у Эрнста Неизвестного. Писал я и о выставках Владимира Янкелевского. Эти материалы, кстати, появились на страницах «Нового времени».

...Свои работы безвозмездно предоставили на аукцион также Эрнст Неизвестный, Владимир Янкелевский, Леонид Пурегин, Александр Косолапов, Александр Шнуров, Александр Захаров,

Леонид Пинчевский, Алексей Сундуков, Григорий Перкель, Виталий Комар и Александр Меламид, Михаил Брукман, Шимон Окштейн, Вагрич Бахчанян. Нью-йоркские галереи «Натан Берман и Э.Н.», а также «Алекс-Эдмунд» подарили «Литературке» работы Игоря Тюльпанова, Юрия Красного, Олега Целкова, Владимира Янкелевского, Леонида Пурегина, Михаила Александрова, Михаила Когана. Принимают в аукционе участие и Эрик Булатов (Париж), а также ряд московских художников, в том числе Борис Жутковский.

Многие из перечисленных имен принадлежат тем, кто эмигрировал или был выпихнут из страны в застойные годы. Им близка нависшая над прессой угроза — когда-то они сами прошли через нечто подобное. Годы без зрителей, полуподпольные экспозиции, бульдозерные атаки на искусство. «Литературная газета» осталась у них в памяти «либеральным» голосом той глухой поры.

Аукцион состоится в Москве. Сколько будет выручено? С таким прогнозом никто пока не спешит, но известно, что картина одного из участников была продана в начале года в Москве за 3,5 миллиона рублей. Организаторы, впрочем, ориентируются на продажу работ за твердую валюту. По сегодняшним западным рыночным ценам стоимость экспозиции может составить десятки тысяч долларов, но, думается, аукцион кроме своего коммерческого смысла имеет и иной — художники протянули руку помощи независимой прессе.

Вардван

ВАРЖАПЕТЯН:

Была ли Армения менее армянской, когда там правила династия еврейского происхождения?

Маркс

ТАРТАКОВСКИЙ:

Не дай Бог, чтобы арабы вспоминали евреев, как евреи немцев...

Диалог еврея и армянина

АРМЯНИН. Я сейчас думаю не только о том, какими лютыми врагами могут стать соседи, которым и дальше жить бок о бок, а о том, что высказал Шота Руставели: «Как вредим себе мы сами, даже врагам не вредит». Не так давно я проезжал один город. Поезд замедлил ход, шел совсем медленно, как похоронная процессия. Коробки унылых домов, дымные трубы, вспученный жарой асфальт, запах нефти, покрашенный серебрянкой памятник Ленину на привокзальной площади. Город как город, только его мостовые, его стены забрызганы несмываемой кровью армян.

ЕВРЕЙ. Сумгаит?

А. Да. Но изгонять азербайджанцев из Армении — зачем? Жгли, резали, насиловали — одни, мстим — другим. Всего-то, наверное, сто тысяч азербайджанцев было в Армении — пахари и чабаны на каменных плато Зангезура. Вспахана ли эта земля сейчас? Пасутся ли по ее склонам овцы? А главное, с чем мы, армяне, идем к миру? С тем, что и мы, выходим, способны карать невинных?

Е. А вот теперь мы укоряем собственные народы. Раньше это позволяли себе, кажется, только русские.

А. А разве мы только гордиться обязаны нашими народами? И никогда не стыдиться за то, что творят армяне и евреи? Года два назад я задумал написать по-

Можно ли договориться, не поняв боли другого народа?

весть о величайшем азербайджанском поэте Низами Гянджеви. Хотел ехать в Гянджу, но жена воспротивилась, испугалась за меня. Да и знакомые армяне осудили мою идею: «Низами — турок, в XII веке азербайджанцев и в помине не было».

Е. В XIII веке путешественники из Китая уйгуры Ябалахи и Саума скитаются, в частности, по «Адорбайгану» — стране к востоку от Армении. Что это как не Азербайджан?

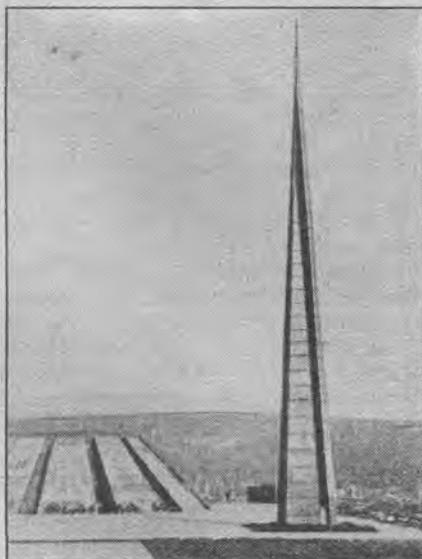
А. Азербайджанцы тоже резко выступили против моей затеи: мол, опять армяне суют нос в наши дела. Тогда я напечатал в «Независимой газете» открытое письмо азербайджанскому писателю: «Брат, вот моя повесть о Григоре Нарекаци — от всего сердца дарю ее тебе. Пусть вместе с твоей книгой о Низами Гянджеви наш труд станет одной книгой — НАШЕЙ...»

Конечно, я понимал, что никакая книга (даже Библия, даже Коран) не способна примирить людей, считающих себя врагами. Но я хотел напомнить армянам и азербайджанцам, как в 1417 году в Алеппо со-

драли кожу с азербайджанского поэта Имадеддина Насими, а спустя несколько десятилетий такой же страшной смерти предали армянского поэта Хачатура Жигрангерца за то, что он читал газели Насими.

Е. А кто из азербайджанских писателей откликнулся на твое письмо?

А. Никто. Но я не считаю напрасной свою затею. Мне было важно сказать азербайджанцам, что убийцы армян не принадлежат к на-

Памятник жертвам геноцида армян в Ереване

Стена плача в Иерусалиме

Окончание. Начало в № 18/92.

роду Низами и Насими. Убийца, а не народ должен отвечать за убийство.

16 декабря 1988 года я с эшеленом московских строителей приехал в Ленинанкан. Ничего более страшного я в своей жизни не видел: развалины и гробы. И трупный смрад. Конечно, землетрясение было ужасным, но город обязан был устоять. «Смотри, даже следов сварки нет», — показывал мне на стыки панелей сварщик Женья. «Сдадим досрочно, с меньшими затратами!» — вот такую эпитафию написали на могилах своих близких те, кто воровал цемент, делал раствор из гравия и песка, поставлял дрянные бетонные плиты, которые можно пробить ударом кувалды. Да, это страшно, немыслимо, чудовищно, но руки армянских строителей по локоть в армянской крови! Многие из них и сами нашли гибель под развалинами. А ведь древний Ширак — колыбель армянского зодчества; здесь испокон веку жили искусные архитекторы, каменотесы, строители, воздвигшие дивный град Ани. В 989 году землетрясение разрушило храм св. Софии в Константинополе, и византийский император пригласил армянских, как мы бы сейчас сказали, реставраторов.

Помню, как люди карабкались по руинам, вытаскивали из-под развалин фотографии, осколки посуды, тапочки — хоть что-то в память о погибших близких. Пожилей мужчину в сломанных очках бережно выбирал раздавленные книги, складывал на крышку гроба. Я никого там ни о чем не расспрашивал, но его, помолодевшего, учителя, все-таки спросил: «Как же случилось, что народ-строитель разучился строить?» Он удивленно посмотрел на меня. «Строить?... Да мы жить разучились. Жить! Вот что самое страшное».

Наверное так, если до сих пор многие пострадавшие от землетрясения все еще живут во временках... А тогда, в Ленинанкане, знаешь, что меня еще поразило? Больше, чем о землетрясении, говорили о Карабахе. Это ужасно, когда люди испытывают потребность в ненависти. И когда я заикнулся, что обстоятельства могут заставить армян уйти из Карабаха, на меня смотрели, как на предателя. А недавно я был в Армянском постпредстве на встрече журналистов с баронессой Каролинной Кокс — заместителем спикера палаты лордов парламента Великобритании, вернувшейся из Карабаха. В пресс-конференции принял участие и Зорий Балаян — журналист, депутат, политик. Я задал ему

Для многих армян Карабах — родина, но нельзя игнорировать интересы противной стороны...

Фото Ю. Гринаса

вопрос: «Думаете ли вы, что Азербайджан когда-нибудь признает независимую Карабахскую республику?» Балаян ответил: «Речь идет вовсе не о том, признает или не признает Азербайджан независимую Карабахскую республику». Да, для многих армян Карабах — родина, но абсолютное игнорирование интересов противной стороны просто исключает саму возможность диалога с Азербайджаном, вскрывает вены Карабаху, вместо того чтобы наложить на рану жгут.

Е. Ультрапатриоты «хороши» всюду. В Израиле они грозят отправить правительство в отставку при малейшем намеке на какую-то уступку палестинцам. Но без уступок друг другу, хотя бы минимальных, вообще не о чем договариваться! Сегодня неуступчивость выгодна, казалось бы, израильтянам: Россия не подпирает больше арабских экстремистов. А завтра? Пусть Израиль не лодчонка в арабском море, сравним его с ракетным катером. Но море — это море... Сколько бы евреев ни иммигрировало в Израиль, демографическая ситуация в пределах исторической Палестины уже через треть века сложится не в их пользу. Рождаемость у евреев в полтора раза ниже, чем у арабов...

В начале века едва ли не весь мир с энтузиазмом повторял слова песни: «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...» — сочувствовали бурам Южной Африки, воевавшим с англичанами-колонизаторами. Сегодня колонизаторами считают самих буров, сочувствуют черному большинству Южной Африки, самому, кстати, сытому среди своих сородичей, но под-

вергшемуся унижительному апартеиду. Даже голландцы, кровные братья буров, выходцев из Нидерландов, равнодушны к их судьбе. Белое правительство меньшинства вынуждено идти на уступки; «в идеале» оно должно бы уступить место правительству большинства — черному, представляющему униженные (пусть в прошлом!) и, значит, озлобленные массы. Уже многие буры с семьями заблаговременно переселяются на северо-запад страны, за реки Оранжевую и Вааль, в пустынные места, где почти нет черного населения.

Куда прикажешь переселяться евреям лет через сто? А ведь народы — не люди, они собираются жить вечно.

Так вот, ультрапатриоты в Израиле предлагают «окончательное решение палестинского вопроса». Это называется «трансфер». Попросту говоря, насильственная депортация палестинцев из страны. Вот строчка из опубликованной «идеологической платформы» ультрапатриотического движения «Моледет» («Родина»): «Необходима наиболее полная репатриация евреев в Израиль, а арабов Иудеи, Самарии и Газы — в арабские страны». Страны эти, разумеется, не спрашивают, согласны ли они. Подпись под карикатурой в ежемесячнике «Моледет»: «Трансфер советских евреев может ускорить трансфер арабов». Изображена качающаяся доска, на которой обычно играют дети. На один ее конец приземляется еврей в шубе и с чехом (за спиной его звезда на кремлевской башне), с другого, внезапно подскокившего, слетает палестинец в мешковатой

галабее и летит куда-то за линию горизонта... Куда? Можно бы ответить, что евреям до этого нет дела...

Но куда лететь арабу с перекидной доски? Можно ли вообще о чем-либо договариваться, если не понять боли другого народа, не пойти ему на уступки?

А. При всех несчастьях Армении огромная удача все же в том, что почти 95 процентов ее населения — армяне и практически все они знают родной язык.

Е. Ладно, рассудим предельно цинично, из расчета «прямой еврейской выгоды». Израиль сегодня способен погрузить всех палестинцев в автобусы и вывезти за пределы страны, скажем, к мостам через реку Иордан. Смог же Сталин в разгар войны отнестись к малыми силами депортировать поволжских немцев в Сибирь, а с десятком кавказских народов — в Казахстан и Среднюю Азию. Тогда мир этого просто не заметил, не до того было. А сейчас? Сегодня бы поднялся крик, последовали бы одна за другой резолюции Совета Безопасности. Ну и что? Мешают ли эти резолюции взаимной резне в Югославии — христианских народов, говорящих к тому же на одном языке? Израиль мигом стал бы мононациональным — как Армения. Выгоды очевидны (мораль мы уговорились вынести за скобки); невыгоды же столь глубоко скрыты, что придется прибегнуть к аналогии. Ты не задумывался, почему японцы, коварно, без объявления войны напавшие на Соединенные Штаты, все же потребовали возвращения своего острова Окинава, который до 1972 года находился под управлением победившей стороны? Почему японцы требуют возвращения Южных Курил, хотя вовсе не так уж безгрешны по отношению к бывшему СССР (не пропускали, например, морские конвои во время войны в Охотское море)?.. И почему Германия до сих пор официально даже не заикается о возвращении ей Силезии, Померании, Восточной Пруссии, наконец, самого Кёнигсберга — «города королей», где родился, жил и умер немецкий гений Иммануил Кант?..

А. В самом деле, не улавливаю разницы...

Е. Потому что японцы развязали на Дальнем Востоке коварную, жестокую, но все-таки «лишь» войну. В октябре 1973 года в Судный день, когда многие израильские солдаты были отпущены на побывку, египетские танки внезапно форсировали Суэцкий канал и буквально раздавили передовые укре-

пления линии Барлева. А спустя несколько лет президента Садата торжественно принимали в Иерусалиме, не без горечи, конечно, но «на войне как на войне». А после войны, как и положено, настал мир. С Германией — иначе.

Сегодня в Германии ультрапатриоты, не желающие «поступаться принципами», вопят: «Не было Освенцима! Это пропагандистская выдумка!» Ладно уж, вероломные нападения на дюжину европейских стран — были, варварские бомбардировки — были, грабеж населения — был, а вот Освенцима, Хатыни, Трешлики, бердичевских ям — не было! Было! Над этими засыпанными рвами до сих пор кажется, будто земля шевелится...

А. Пожалуй, Германия действи-

проскальзывает тенденциозная параллель между трагедией 1915 года и геноцидом, осуществленным нацистами против евреев... Правительством всех современных турецких республик (сам автор говорит лишь о турецком правительстве. — В.В.) с негодованием отвергают армянскую кампанию клеветы — кампанию, оправдания которой не существует и намерения которой являются бесчестными».

Е. Мне кажется, ты о турках говоришь с той же интонацией, с какой я о немцах. Так вот, не дай Бог, чтобы арабы так же вспоминали евреев. Не только потому, что так или иначе жить им вместе, что они по Библии сводные братья, у них один праотец — Авраам. У меня сильное подозрение, что нынешние палес-

Такими методами палестинскую проблему не разрешить, а Израилю — не выжить...

Фото из журнала «Шпигель» (Германия)

тельно не хочет ворошить память народов территориальными претензиями. Но она хотя бы проиграла войну, жертвы хоть как-то отомщены. Армянам в этом отношении куда горше. На гербе республики — снеговая вершина Арарата, она видна из окон ереванских квартир — по ту сторону границы.

И геноцид армян в 1915 году пытаются изобразить фикцией, «выдумкой армянских экстремистов». Для этой цели был привлечен даже современный французский тюрколог Жорж де Малевиль. Он признает: да, случилась трагедия, но спонтанно, армяне сами виноваты, турецкое правительство к этому не причастно. Прочитирую слова, в бакинском издании книжки вынесенные прямо на обложку: «С растущим беспокойством мы наблюдаем, как все чаще

тинцы — те же евреи «по крови», что и я сам; что они-то и есть исчезнувшие когда-то колена (роды) израильтяев, доставляющие по сей час историкам много хлопот.

В вавилонский плен была угнана, как мы бы теперь сказали, интеллигенция, цвет нации. В древнем манускрипте говорится об этом: «И мать царя, и жен царя, и внуков его, и сильных земли отвел (Навуходоносор) на поселение из Иерусалима в Вавилон. И все войско, числом 7000, всех храбрых, ходящих на войну, отвел царь вавилонский на поселение в Вавилон». В Вавилоне же — в изгнании! — и происходит канонизация Пятикнижия, священной Торы. Потому что только так можно было сохранить национальную память. Отсюда и страстное за-

клинивание, прошедшее сквозь тысячелетия и восстановившее нынешнее еврейское государство на земле предков: «Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего...» То есть «при реках Вавилона» пленники не только «сидели и плакали» — дело делало!

Ну а не «сильные», не «ходящие на войну» — земледельцы, пастухи, ремесленники, избегнувшие плена, но напрочь утратившие связь с культурной элитой народа?.. У этих было время эллинизироваться в эпоху Селевкидов — эпигонов (буквально: «родившихся после») Александра Македонского и в составе Римской империи, затем исламизироваться под напором арабов и отчасти христианизироваться под натиском крестоносцев. Не думаю, что так уж радушно приняли они вернувшихся из изгнания единоплеменников с их Торой...

А. Действительно, трансфер наминал бы братоубийство, историю Каина и Авеля.

Е. Скажу проще — словами Махатмы Ганди: «Честность — единственная политика». Или даже так, циничнее: «Гуманность — практична». И худшие враги собственного народа — везде и всегда — ультрапатриоты. Если «наши» придут здесь к власти, Россия погибла.

А. Думаю, что с Россией все же никогда не случится такой беды... Есть на сей счет прекрасное поэтическое размышление Николая Рубцова:

*Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимым,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых.
Вот он мчится с полным напряженьем
Где-то в самых недрах мирозданья,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди явлений без названья...
Вместе с ним и я в просторе мглыстом
Уж не смею мыслить о покое, —
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем,
Мчусь куда-то с полным напряженьем
Я, как есть, загадка мирозданья.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!..»
Но — довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?*

В последних словах этих стихов — все мироощущение русского человека, за которым полтора миллиона его соплеменников. По-иному, полагаю, рассуждают, скажем, карелы: их всего-то полтора миллиона, а собрать карелов — ижорцы, вепсы, манси, ханты — находятся на грани исчезновения с лица земли. Положение армян далеко не столь трагично, но в политике им следует

быть предельно осмотрительными. Армения, по сути, анклав в чужеродном окружении. Даже грузины, тоже христиане, в лингвистическом отношении совершенно другой народ. Нынешняя Турция — современная цивилизованная страна, но армяно-турецкие отношения чрезвычайно эмоционально окрашены; народы разделены не просто пролитой кровью, но невинной кровью — это качественно иная ситуация.

Что же касается азербайджанцев, то тут в игру вступает извечное противостояние христиан и мусульман...

Е. Но азербайджанцы, еще недавно «советские», такие ли уж истовые мусульмане? Вероятно, не больше, чем русские — православные. Странно мне было видеть Ельцина с Поповым, не столь давно правоверных коммунистов, в церкви, держащими смущенно по свечечке и не знающими, что другой рукой надлежит креститься.

А. Как ты думаешь, Дудаев, генерал от авиации, крепко подкован в исламе? Но присягал он на президентство, держа руку на Коране, и уже одним из первых указов запретил практиковать мужчинам-гинекологам. А как быть врачам-дерматологам? А хирургам-онкологам, если обнаружена опухоль груди? Но главное — как быть больным? И далеко ли все это от чадры, а то и чачвана — волосистой сетки, закрывающей лицо? «А что? — вызывающе заявила какая-то таджичка, юрист по профессии. — Надо будет — и чачван надену!» Ислам представляется ей наиболее пригодным для того, чтобы «внедрять мораль», приличествующую восточной женщине...

Все это должны были знать мои сверхпатриотичные соплеменники, когда рьяно принялись за немедленное освобождение Арцаха, немедленное присоединение его к Армении... Ты, помню, как-то произнес слово, довольно необычно звучащее по-русски, — «муниципализация»...

Е. Колониальные державы оставили в Африке государственные границы, нарезанные, так сказать, поперек племен и народностей. Неудивительно! Когда Африка осваивалась европейцами, все негры казались им на одно лицо. Лет тридцать назад, когда африканцы суверенизировались, тут же встал вопрос о границах. Но прежде чем решать этот вопрос, лидеры молодых государств схватились, что называется, за голову. Хорошо, что схватились до, а не в процессе решения этого вопроса, который сулил повсеместные и бесконечные войны. Лидеры были самыми разными: христиане, мусульмане, атеисты и даже язычники; монархисты, либе-

ралы, социалисты и просто диктаторы... Но все они, собравшись вместе в 1963 году на конференцию Организации африканского единства, решили, что границы, какие бы то ни было, трогать не следует. Бог с ней, с прошлой несправедливостью; не наворотить бы нынче куда более ужасных дел! И это было поистине соломоново решение.

Но скажу и о другом. В 1975 году, после свержения тоталитарной диктатуры в португальской метрополии, Мозамбик одним из последних в Африке провозгласил независимость. Спасаясь от «черных социалистов», португальцы покинули бывшую колонию. Мозамбик стал социалистическим и поистине черным. Производство резко упало, начался голод. В соседнем Зимбабве (бывшей Южной Родезии) относительно либеральное правительство черного большинства покровительствует 20 тысячам белых «плантаторов» — и те обеспечивают стабильность сельскохозяйственного производства в стране, выступают гарантами демократического развития этой страны!

А ведь португальцы, сосредоточенные в бывшем Мозамбике на крайнем юге в районе Мапуту (тогда — Лоренсу-Маркиш), в треугольнике между государственной границей и рекой Лимпопо, могли организовать здесь в муниципию с преобладающим белым населением всего на четырех процентах территории страны. Разумеется, это лишь теоретическая возможность. Но от того, что она не была реализована, пострадало прежде всего подавляющее большинство населения страны. Муниципия остается составной частью всего государства, лишь пользуется самоуправлением. Целостность страны, ее суверенитет, которым так принято гордиться, ничуть не задеты...

А. Вот по этому пути могли бы пойти и патриоты Арцаха. Скажу больше: была ли Армения менее армянской тогда, когда там правили Багратиды — династия еврейского происхождения?..

Реальная политика как государств, так и народов должна строиться с учетом реальных этногеографических факторов.

Е. Этим и занимается ГЕОПОЛИТИКА.

А. Реальная политика должна учить также уроки всей мировой истории, ставшие существенным фактором общественного сознания...

Е. А этим уже занимается совершенно новая наука, воспользовавшаяся готовым наименованием, — ИСТОРИОСОФИЯ. СОФИЯ, как известно, означает МУДРОСТЬ.

Сон о карельских озерах

Правильно ли толкует его «Новое время»?

Опубликовав статью Пентти Вирранкоски, журнал «Новое время» предпринял важный шаг на пути установления искренних и открытых взаимоотношений между двумя народами в вопросе тонком и чрезвычайно значительном. Я имею в виду судьбу финских территорий, незаконно отторгнутых от нас сталинским режимом по договору Молотова-Риббентропа.

Однако в комментарии Александра Полохова почти единственным шагом навстречу можно считать признание: новый договор между Россией и Финляндией не исключает возможности мирного пересмотра границ на принципах СБСЕ. А. Полохов утверждает, что лишь незначительная часть финского общества разделяет точку зрения профессора Вирранкоски. Он приходит к такому выводу, ссылаясь на то, что этот вопрос не включен в программу ни одной из партий, представленных в парламенте.

Однако вот данные опроса общественного мнения, проведенного недавно финским телевидением: 54 процента опрошенных считают, что необходимо немедленно поставить перед Россией вопрос о возвращении отторгнутых финских территорий, 7 процентов полагают, что этот вопрос должен быть поднят, но позднее.

В послевоенные десятилетия я пытался анализировать пассивность и покорность финнов в этом и других вопросах отношений с Россией и бывшим Советским Союзом. Я публиковал статьи во многих журналах и газетах, недавно вышла моя книга о развитии и сегодняшнем состоянии финского национального самосознания. За последние несколько лет резко возросло количество газетных публикаций, затрагивающих необходимость восстановления справедливости и возможности для Финляндии вновь представлять собой единое целое, включая территории, в течение более тыся-

челетия населенные исключительно финнами.

С марта 1990 года существует «Тартуское движение за мир», я являюсь одним из его основателей и председателем. Мы обращались к членам финского парламента, организовывали демонстрации во время первого визита президента Горбачева в Финляндию, а также во время его встречи здесь с президентом Бушем.

Утверждение А. Полохова, что карелы, живущие в Финляндии, и финны не один и тот же народ, — грубое смешение понятий. Территории, которые мы признаем как отошедшие к Советскому Союзу по Парижскому договору 1947 года, и Восточная Карелия, примыкавшая к границам нашего государства с 1920 по 1940 год, — это не одно и то же. Мы однозначно заявляем свои права лишь на отторгнутые территории, которые Финляндия уступила под угрозой дальнейшего советского вторжения, но не на Восточную Карелию. Другой вопрос, что там также живут около 100 тысяч человек, говорящих на финском и родственных финскому языках (эти вопросы постоянно путают, особенно в России). Разумеется, мы с большой симпатией относимся к стремлению населения Восточной Карелии достичь элементарных политических и культурных прав. Советская Россия торжественно обещала Карелии автономию по условиям Тартуского мирного договора в 1920 году, но обещание не было выполнено. Таким образом, риторический призыв А. Полохова к финской общественности требовать автономии

карелам в пределах Финляндии абсурден и свидетельствует о полном незнании вопроса. Карелы, живущие в Финляндии, — это финны, одна из финских народностей со своими местными диалектами и другими чертами культурной самобытности. Значительная часть финских карелов рассеялась по всей Финляндии после аннексии финской Карелии Советским Союзом, когда 430 тысяч финнов — финских карелов — были вынуждены покинуть родные места.

А. Полохов высказывает опасение, что постановка вопроса о границах могла бы привести в теперешней ситуации к дальнейшему ослаблению политических и военных позиций России. При более тщательном рассмотрении эти соображения оказываются чрезвычайно спорными: правомерно ли называть «ослаблением» трансформацию СССР в СНГ со всеми вытекающими последствиями? Разве эти перемены не есть переход от диктаторского режима к демократии, к заботе о справедливости и обеспечению равноправия наций? Высказывая свои опасения, А. Полохов забывает, что именно сталинский СССР с его 50-кратным превосходством в численности населения воспользовался «слабостью» Финляндии, напав на нее.

Я призываю читателей «Нового времени»: давайте начнем диалог и не будем торопиться — это могло бы привести к успешным результатам. Говоря торжественно, я убежден: если мы поступим так, мы подадим миру пример.

Я действительно лелею надежду на установление финско-русского диалога. При этом я от всего сердца желаю вам успеха на вашем тернистом пути, лежащем через великие трудности и требующем большого мужества. Когда я пишу эти строки, я ощущаю в груди прилив теплоты к вам — и это чувство приходит ко мне впервые в жизни.

Мартти Сиирала
ХЕЛЬСИНКИ

Рисунок из газеты «Хювюдстадсбладет» (Финляндия)

Один «пузырь» на всех

Борьба за чистый воздух — дело тех, кто все загрязняет

Удручающие картины — «линза» грязного воздуха над крупным городом или полумертвая река — знакомы, увы, жителям многих стран. В Швеции они менее привычны, поскольку жесткие природоохранные правила применяются здесь давно и скрупулезно. Однако сейчас крепнут голоса, призывающие не вязать инструкторами деловой мир по рукам и ногам, а решать проблему экономическими способами, предоставив свободу рыночным силам.

— Необходимо ввести «передаваемые права на выбросы», — утверждает профессор Стокгольмской школы экономики Бенгт Кристрём. — Компания, сократившая свои выбросы в воздушную или водную среду ниже предписанного ей властями уровня, сможет тогда продать высвободившуюся квоту другой фирме, которая планирует увеличить производство на своем заводе или построить новый. Совокупное антропогенное давление на природу останется неизменным или даже снизится в соответствии с национальной или локальной программой... В 1968 году в Канаде родилась гениальная идея: взяли одно озеро, установили совокупный уровень сбросов поглощающих кислород веществ (BOD) и пригласили все прибрежные фабрики совместно искать способы его соблюдения. Из-за юридических споров тогда дело не пошло, но позже в США доработали начин, предложив создавать «пузыри», внутри которых действуют единые правила игры для любых источников какого-то одного вида загрязнения.

«Пузырь» может быть любого размера: от локального, накрывающего, например, водохранилище Диллон в штате Колорадо, до общенационального, включающего крупные электростанции на угле. Скажем, на берегу Диллона есть современный завод, которому дополнительно сократить содержание BOD в сбросах на 10 тонн обойдется дороже, чем сокращение на 100 тонн в стоках окрестных ферм. Владельцам предприятия выгоднее избрать второе решение, оплатив издержки фермеров по все равно неизбежному внедрению щадящей сельхозхимии. Аналогичным образом электрокомпания сама договорится, где и что улучшить в устаревших станциях, а возможно, и закрыть самые «грязные», дабы обеспечить требуемое декретом президента Буша уменьшение выбросов серы в атмо-

феру, не ухудшая энергоснабжение ни страны, ни ее отдельных районов.

— В Европе бизнесмены пока предпочитают действующую систему специальных тарифов на загрязнение и даже штрафов, — продолжает Бенгт Кристрём, — поскольку с коммунальными и национальными властями почти всегда можно договориться полюбовно или при помощи шантажа («будете приставать, закроем завод и уволим рабочих»). Когда компании попадут под «пузырь», договариваться придется с коллегами-предпринимателями, а их вокруг пальца не обведешь.

В Швеции сначала ученые, затем общественность, а теперь и политики пришли к осознанию достоинств нового подхода. Наиболее

Рисунок из газеты «Дagens nyheter» (Швеция)

проработанным вариантом является «пузырь» в Хисингене. В этом индустриальном районе размещаются четыре нефтеперерабатывающих предприятия и автозавод «Вольво», причем все отравляют воздух углеводородами. Для природы и жителей важнее не вклад отдельных источников в общий котел, а сокращение ядовитых испарений. Оно достигается по-разному.

Если от нефтепереработчиков потребуется главным образом уплотнить трубопроводы и емкости, то на «Вольво» придется во многом изменить саму технологию производ-

ственного процесса. Затраты совершенно несоизмеримы. Естественно, напрашиваются совместные действия, чтобы урезать утечку углеводородов при нефтеперегонке, но никто на них не идет, пока власти выдвигают к каждой из фирм индивидуальные требования. Оказавшись «под колпаком», директора обречены найти коллективное, дешевое и эффективное решение.

Не получится ли, что жизнь в «пузыре» окажется дешевле для «грязнуль» — чем больше фабрика отравляла мир раньше, тем проще технически и к тому же за чужой счет очищать ей мутные стоки и дымные шлейфы? Так, вероятно, окажется в начале, считает экономический эколог (или экологический экономист?), но позже каждое урезание совокупного разрешенного объема и увеличение тарифов на загрязнение сделает существование «грязнуль» весьма дорогостоящим или просто нерентабельным. Придется им сворачивать производство или закрываться, а образующаяся квота достанется новым и «чистым» заводам.

Внимание экологов и экономистов направлено не только на промышленность, но также на транспорт, коммунальные и сельскохозяйственные стоки, бытовые виды загрязнения. Кроме углеводородов ученые Стокгольмской школы экономики предлагают «пузыри», накрывающие источники выбросов двуокиси углерода, фреонов, соединений хлора и азота. Они охватывают разные районы: от Стокгольма, где электростанции загрязняют атмосферу CO₂, до зоны Ботнического залива, где шведские и финские целлюлозно-бумажные комбинаты «хлорируют» речную и морскую воду. Самый амбициозный по размаху колпак предлагается опустить на всю Балтику, чтобы за счет финансового и технического содействия Северной Европы снизить загрязнение региона Польшей, Балтией, Россией.

— Начинать лучше с локальных и отраслевых проектов, — уверен Бенгт Кристрём. — Первой «опузырится» Швеция, затем ее соседи — Финляндия и Норвегия. Как пойдет дальше, сказать трудно, но в идеале нужно Землю рассматривать как единый планетарный «пузырь». Кстати, если в нем ввести подушные квоты загрязнения, то самыми «грязнулями» будут выглядеть американцы и россияне. Очевидно, им глобализм в сочетании с эгалитарностью был бы не по вкусу, ведь пришлось бы откупать необходимые квоты у индийцев и китайцев.

Александр Полюхов,
соб. корр. «Нового времени»
СТОКГОЛЬМ

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Публикуемый нами сегодня текст — заметки Марка Вишняка об Учредительном собрании — только по форме кажется свидетельством очевидца. На самом же деле за этой «дневниковой хроникой» из его воспоминаний стоит и размышление о судьбе конституционализма в России, и глубоко человеческое переживание неудачи российской демократии. Переживание, перемешанное с разочарованием в тех политических силах, которые, казалось, могли предотвратить катастрофу, поражение либерально-демократических идеалов, но так и не сумели ввести общественно-политические процессы в русло за-

конности и демократической процедуры.

Марк Вишняк участвовал в левом движении с молодых лет. Общественно-политическая обстановка была такова, что многие свободолюбивые юноши и девушки словно обречены были стать вовлеченными в различные радикальные течения, перемежая образование со ссылкой, земскую службу и просветительскую работу — с тюрьмой, увлечение поэзией — с сочинением листовок. Прошел через эти испытания и Марк Вишняк.

Юрист, скорее даже по духу, чем по образованию, Вишняк стал революционером через осознание неизбежности перемен. У него не было страсти к разрушению, хотя и пришел он в партию, обладавшую как раз высоким уровнем «политической страстности»

— в партию социалистов-революционеров. Главным для Вишняка, однако, было установление конституционного строя; это — цель, революция — только средство.

После февральского переворота Вишняк стал членом комиссии Временного правительства по выборам в Учредительное собрание, интенсивно работал над планом конституции. После октября 1917 года — в тюрьме и освобожден лишь для участия в оказавшемся единственным заседании Учредительного собрания.

Затем несколько лет скитаний, эмиграция, литературная работа, сотрудничество в изданиях русского зарубежья, в западных газетах и журналах. С 1946 года он занял пост консультанта по русским делам журнала

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

«Тайм» — и оставался в этой должности до самой своей кончины в 1977 году. Занятый делами современными, он постоянно памятью и мыслями возвращался назад, обдумывая неосуществившийся проект российской демократической федеративной республики. Учредительное собрание фактически так и не состоялось, думал Марк Вишняк, но, может быть, оно все-таки состоится?..

И тут пришел Железняк...

Марк Вишняк (1883—1977)

Всей фракцией двинулись в зал. В дверях расписались на листах. Зал чисто убран и декорирован. Кресла заново обиты. На покрытых коричневой материей щитах — литеры «У.С.». Наша фракция заняла весь центр и правый от председателя сектор. Правее эсеров заняли места трое энесов (энесы — представители сравнительно небольшой и достаточно умеренной леволиберальной партии «народных социалистов», отпочковавшейся некогда от «социалистов-революционеров», то есть эсеров; энесы сохранили некоторую идейную близость к ним, но со временем немало позаимствовали из кредо христианского социализма. — *Ред.*) и несколько депутатов «буржуазно-национальных групп». Среди них бывший депутат Думы Гольдман, Ю.Д.Бруцкус в форме военного врача, эстонец Сельяма. Слева к эсерам прижимают «национальные» демократы — социалисты-мусульмане и социалисты-украинцы. Еще левее — наши недавние злополучные товарищи, левые эсеры, из которых многие прошли по общим кандидатским спискам с нами. И, наконец, главные «герои дня», они же — главные враги Учредительного собрания и вчерашней России — большевики. Среди них, как и в нашей среде, несколько женщин: среди эсеров — В.Н. Фигнер, А.Н.Слетова, О.А.Матвеевская, у них — А.М.Коллонтай, будущий следователь по политическим делам Е.Ф.Розмирович, будущая чекистка В.Н.Яковлева, левая эсерка М.А.Спиридонова. На эстраде — командующая верхушка и служащие советские люди. Рослый, с цепью на груди, похожий на содержателя бань, «жгучий брюнет» Дыбенко, (а также) Стеклов, Козловский. В левой от председателя ложе Ленин, сначала прислушивающийся, а потом безучастно развалившийся то на кресле, то на ступеньках помоста и вскоре совсем исчезнувший. Ровно в четыре часа из эсеровских рядов поднялся Лордкипанидзе и предложил, чтобы старейший из членов Учредительного собрания открыл (заседание), не дожидаясь появления отсутствующих большевиков. «Старейшим» фактически был Ег.Ег.Лазарев. Но по предварительному соглашению он

уступил свое старейшество С.П.Шведову. Последний, не спеша, поднялся на трибуну, сопровождаемый звериным аккомпанементом, который, раз начавшись, уже продолжался непрерывно — с промежутками только на секунды — в течение всех последующих 12 с лишним часов...

Старейший сквозь шум и неистовство объявляет Учредительное собрание открытым. В тот же момент появляются на трибуне, сзади Шведова и рядом с ним, несколько фигур. Секретарь ЦИКа и будущий чекист Аванесов вырывает звонок из рук Шведова. Борьба за звонок как бы предвосхищает и символизирует последующую борьбу. Из рук Аванесова звонок переходит к Свердлову, и тот вторично объявляет заседание открытым.

Именем Центрального Исполнительного Комитета Свердлов «выражает надежду» на полное признание Учредительным собранием всех декретов и постановлений, изданных Совнаркомом, и на одобрение собраниями деклараций «российской социалистической революции», провозгласившей не индивидуальные права человека и гражданина на «свободную эксплуатацию людей, лишенных орудий и средств производства», а коллективные права «трудящегося и эксплуатируемого народа». Это была та самая нелепая «Декларация», которая вошла целиком в первую конституцию РСФСР 10 июля 1918 года и которая была полностью выброшена самими же большевиками из конституции СССР 6 июля 1923 года, равно как и из знаменитой сталинской конституции 1936 года. Ленин посылает со своего места за председателем креслом записку во фракцию большевиков. И точно по команде поднимается Скворцов-Степанов и предлагает пропеть «Интернационал». Все встанут и поют. У левых и правых свои дирижеры. У эсеров Чернов, сидящий в первом ряду. Время от времени он оборачивается лицом к членам фракции и широкой жестикующей силой ее вдохновить и увлечь... Поют, однако, немногие. На обоих флангах нестерпимо фальшивят... Не только поющие вразброд, по фракциям, фальшивят — самый «Интернационал» в создавшейся обстановке отдает фальшивью.

Устами Свердлова большевики предъявляют категорическое требование — признать «в корне неприемлемым, даже с формальной точки зрения, противопоставление себя советской власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному правительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Задачи же Учредительного собрания исчерпываются «общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества». Яснее нельзя было сказать. Обманувшись в расчете — если выборы в Учредительное собрание будут «делать» они, то и большинство в Учредительном собрании будет «ихнее», — большевики уже приняли решение осуществлять власть, не считаясь с волей Учредительного собрания, без него и в случае нужды против него. Но, прежде чем насильственно упразднить Учредительное собрание, советская власть решила его унизить — предложить добровольно капитулировать, согласиться на превращение в учено-исследовательское учреждение по вопросам социалистического строительства при Совнарком.

Позиции определились. Обстоятельства заставили фракцию эсеров играть первенствующую и руководящую роль. Это вызывалось численным превосходством фракции. Это вызывалось и тем, что члены Учредительного собрания более умеренного толка, избранные в числе 64-х, не рискнули, за единичными исключениями, явиться на заседание. Кадеты были официально признаны «врагами народа», а некоторые из них были заключены в тюрьму.

Кроме беспомощно звеневшего колокольчика, в распоряжении председателя не было никаких других средств воздействия против неистовавших и буянивших. При совмещении в такой аудиторной функции оратора с обязанностями председателя невозможно было выполнить удовлетворительно ни то ни другое. В этом была объективная трудность положения. В том же положении очутился и я, избранный секретарем собрания. Я на опыте познал и ощутил, что значит занимать ответственную должность, не обладая даже минимумом возможностей для осуществления связанных с должностью обязанностей.

Фальшивости внешнего положения председателя суверенного учреждения, располагающего лишь звонком для осуществления верховной власти, соответствовало внутреннее содержание речи Чернова. Она была выдержана в социалистических и интернационалистических тонах и как бы пыталась быть созвучной и левому крылу собрания. Точно оратор в чем-то стремился заверить или переубедить противников, вместо того чтобы возможно резко отмежеваться от них и противопоставить им себя как символ всероссийского народовластия. Это было не то, что могло хоть сколько-нибудь импонировать, задать тон, удовлетворить требованиям и ожиданиям исторического момента. Это была одна из многих обычных речей Чернова — далеко не из лучших.

Он утверждал, что «страна показала небывалое в истории желание социализма»... что, «как только Учредительное собрание постигнет несчастье разойтись с волей народа, оно должно будет сложить с себя полномочия и немедленно назначить перевыборы». Во время этой речи выкрики слева, злобные и кровожадные, — «без пули вам не обойтись!» — стали перемежаться с издевками лично над оратором и содержанием его речи. И на противоположном секторе речь не вызвала энтузиазма. Она не повысила, а, наоборот, понизила настроение. Она вызвала и раздражение против лидера, с которым в общей форме условились о содержании речи и который без предупреждения и не импровизируя, а справляясь с заготовленной записью сказал не то. Мужество и выдержку Чернов проявил огромные, как мужественным и достойным было поведение всей фракции. Но мужества и выдержки было недостаточно...

То, от чего стремился уклониться председатель, поставили ребром представители партии, захватившей власть.

Пока Учредительное собрание пыталось учредить республику, Совдепия учреждала диктатуру с ее главным — чрезвычайным — учреждением

В вызывающей по форме речи Бухарин наметил водораздел, который «сейчас делит все собрание на два непримиримых лагеря»: у нас — «воля к диктатуре трудящихся классов», к «диктаторскому завоеванию власти», которая «сейчас закладывает фундамент жизни человечества на тысячелетия»; у них же «все сводится к воле защитить паршивенькую буржуазную парламентарную республику». «Мы с этой кафедры провозглашаем смертельную войну буржуазной парламентарной республике!»... Большевики остались верными себе. Удивляться их словам и действиям могли только те, кто ждал от них другого. В этом отношении удивительней — и постыдней — была тактика, усвоенная их недавними, незадачливыми и недолгими друзьями-соратниками — «дурачками», как их вскоре стал называть Ленин. Левым эсерам было великодушно предоставлено то, чего большевики сами не сделали...

Один оратор сменял другого. Церетели сумел к концу речи заставить себя слушать даже большевиков. Меншевик Скобелев, недавний министр и будущий смени-

ховец, внес предложение избрать комиссию для расследования обстоятельств расстрела «без всякого предупреждения» прямо в толпу, которая мирно демонстрировала в честь Учредительного собрания и молитвенно пела революционные гимны; агенты власти выхватывали красные знамена, бешено

рвали их на куски и швыряли в огонь уличных костров. Официально большевики зарегистрировали по Петрограду за 5 января — убитых 9 и раненых 22.

Спустившись с помоста, я пошел взглянуть, что делается на хорах. В полукруглом зале по углам сложены гранаты и патронные сумки, составлены ружья. Не зал, а становище. Учредительное собрание окружено врагом, оно во вражеском логове, в самом логовище зверя. Отдельные группы продолжают «митинговать», спорить. Кое-кто из депутатов пытается убедить солдат в правоте собрания и преступности большевиков. Проносится: «И Ленину пуля, если обманет!» С уходом левых эсеров оставшиеся были предоставлены сами себе. Не у всех хватило сил вынести томление. Не вынес маяты, в частности, крестьянин-воложанин. Он сбегал к ранней утретней: «Свечку хочу поставить Николе Угоднику»... Во дворец он не вернулся...

Был пятый час утра. Оглашали и вотировали заготовленный закон о земле. На трибуну поднялся неизвестный матрос — один из многих слонявшихся весь день и ночь в кулуарах и проходах. Приблизившись к креслу председателя, занятого процедурой голосования, матрос постоял некоторое время как бы в раздумье и, видя, что на него не обращают внимания, решил, что настал час «войти в историю». Обладатель прославленного отныне имени Железняков (известный «матрос Железняк») тронул председателя за рукав и заявил, что согласно полученной им от комиссара (Дыбенко) инструкции присутствующие должны покинуть зал.

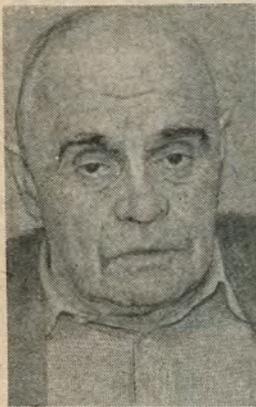
Началось препирательство... Реальная сила была, увы, на стороне «анархиста-коммуниста», и верх одержал не Виктор Чернов, а Анатолий Железняков.

Быстро заслушиваем ряд внеочередных заявлений и в порядке спешности принимаем первых десять статей основного закона о земле, обращение к союзным державам, отвергающее сепаратные переговоры с центральными державами, и постановление о федеративном устройстве российской демократической республики...

...Медленный поток выносит взволнованную толпу из зала. Грызет тоска и возмущение. На душе сумрачно и тревожно. Что готовит грядущий день России? Учредительному собранию? Его членам?..

Если Октябрь расценивать как легкомысленную или безумную авантюру, ликвидация Учредительного собрания была не чем иным, как предумышленным преступлением.

Публикацию подготовил И. Задорожнюк

Обозреватель газеты «Известия» **Юрий Феофанов** ежедневно получает десятки писем, многие из которых адресованы «доктору юридических наук Ю. Феофанову». Мало кто знает, что один из самых известных в стране журналистов-«законников» не имеет не только ученой степени, но даже высшего юридического образования.

Он воевал, в 1946 году вернулся в Москву и подал документы на юрфак МГУ. Провалился, получив «двойку» на... сочинении. Пришлось поступать на редакционно-издательский факультет. Феофанов учился и работал в «Красной звезде». Потом поступил во Всесоюзный заочный юридический институт, но после третьего курса бросил — времени не хватало. В «Известия» он пришел в 1956 году.

Принято считать, что любую газету или журнал делает прежде всего главный редактор. В «Известиях» в ту пору «главным» был Алексей Аджубей. Многие, кто начинал у Аджубея, сейчас сами — авторитеты в журналистике, а их имена на обложке издания — гарантия качества. Это в точности относится и к Юрию Феофанову, создавшему и возглавившему новый журнал «Закон».

— По мере перехода к рыночной экономике в нашей стране коренным образом меняется

отношение к закону. Раньше закон у нас, как правило, только карал за преступления, теперь он становится главным регулятором гражданских отношений, — объясняет Феофанов.

Задуманный как ежемесячное приложение к «Известиям», журнал будет публиковать не только новые законы и подзаконные акты, принятые в странах СНГ и за рубежом, но и комментарии к ним российских и иностранных правоведов, экономистов. Последнее выгодно отличается издание Юрия Феофанова от основного конкурента — журнала «Экономика и законность».

Первый и второй но-

мера «Закона» (они уже разосланы подписчикам) посвящены соответственно приватизации и акционерным обществам. На очереди — тематические номера по внешнеэкономической деятельности, налоговому законодательству, инвестиционной политике.

В городах Италии бум так называемых «эстетических центров», предлагающих различные рода массаж, сауну и «прочие новые методы обслуживания», вынудил руководителей немногочисленных подлинных центров массажа с дипломированным персоналом выступить

против засилья «краснофонарных пунктов разврата». Движение протеста возглавила известный специалист в области медицинского массажа **Габриэла Марцорати**, которая призвала общественность покончить с

порносаунами и прочими псевдомедицинскими учреждениями.

Милан стал центром целой индустрии по обслуживанию клиентов «умельными массажистками», набранными среди представительниц разных стран, в первую очередь из Восточной Европы. Предложения о наборе «привлекательных молодых женщин» периодически появляются, в частности, на страницах польской газеты «Контакт». Лидер «движения протеста против публичных домов под маркой эстетических центров» сеньора Марцорати приводит доказательства того, что в ряде случаев такими центрами руководили уголовники, а сами заведения использовались для встреч преступных шайк и для отмывания грязных денег. В некоторых находили спрос и наркотики.

Время от времени карабинеры устраивают облавы и обыски, опечатывая помещения и привлекая к ответственности владельцев. Однако эти приносящие огромный доход дома «для мужчин» как болезненная сыпь покрывают всю северную Италию, распространяясь все дальше к югу.

Габриэла Марцорати и поддерживающие ее 3500 дипломированных сотрудниц подлинных медицинских центров массажа Ломбардии намерены идти до конца в своей борьбе. «Никакого эротического массажа» — такое добавление к обычной вывеске отныне будет сопровождать все объявление строго медицинских центров. Разработана спецоджда массажисток: никаких мини-юбок и открытых блузок.

В рабочие дни 54-летний **Д.Р. Мехта** занимает кресло началь-

Сердитый «ангел» из Майами

Его прошлое — городские трущобы, мотоциклы и наркотики. Его настоящее — мировая слава суперзвезды Голливуда и миллионы восторженных поклонников.

Однако 37-летний **Филипп Эндрю Рурки** (Микки — это что-то вроде псевдонима) не испытывает большой привязанности к миру кино.

Во всех своих интервью Рурки яростно нападает на Голливуд, язвительно отзываясь о тамошних пороках. По его словам, «фабрика грез» — это названная яма, все актеры заботятся лишь о том, как бы урвать кусок пожирнее. Сам Рурки, как он утверждает, снимается в кино лишь потому, что «это работа», не чувствуя ничего, кроме отвращения.

В своем стремлении создать образ антигероя, эдакого полудикаря, которому наплевать на все и на вся, Микки зачастую перегибает палку. На съемках картины «Сердце Ангела» съемочная группа была вынуждена напомнить небритому «ангелу» о необходимости принять душ, так как работать рядом с ним становилось невозможно.

Микки было 10 лет, когда его родители расстались и мать вышла замуж за полицейского. Семья перебралась из Нью-Йорка в Майами, и Микки, забросив учебу, с головой окунулся в уличную жизнь городских задворков. Он живет в этом городе до сих пор.

С утра его можно встретить в гимнастическом зале, затем он со своей подружкой проводит пару часов на пляже. Частенько Микки забредает в какую-нибудь забегаловку, завсегда там которой приветствуют его, дружески похлопывая по плечу. Для них он просто «хороший парень», с которым приятно посидеть у стойки, пропустить рюмку-другую.

Каждый развлекается как может. Для Микки Рурки таким развлечением и отдыхом служит бокс. Пусть как профессиональный боксер он не состоялся, но бокс все равно остается его маленькой слабостью. Как и мотоциклы.

Л.Костюнина

ника главного управления Индии по контролю за экспортно-импортными операциями. А каждое воскресное утро вот уже несколько лет он в самом буквальном смысле проводит на тротуаре одной из центральных улиц Дели. По воскресеньям несколько десятков инвалидов собираются здесь в надежде получить «гуманитарную» помощь от Мехты и нескольких его помощников-добровольцев.

Процесс распределения идет тут же, на тротуаре. На средства, собранные Мехтой (это добровольные пожертвования частных лиц и организаций), инвалидам приобретают протезы, инвалидные коляски. Распределяются швейные машинки, весы, оборудование для маленькой чайной или табачного киоска. «Физическая реабилитация инвалидов, — объясняет Мехта, — лишь половина дела. Не менее важна и экономическая реабилитация, в результате которой они смогут зарабатывать себе на хлеб».

Начало столь редко встречающейся у высших чиновников госаппарата благотворительной деятельности Мехты положил происшедший в 1968 году с ним, тогда окружным начальником города Джайсалмера (штат Раджастхан), несчастный случай. За долгие месяцы на больничной койке и полтора года хождений по ортопе-

дическим кабинетам он вдоволь насмотрелся на страдания тех, кому сегодня помогает.

Начал он с того, что создал в столице штата Раджастхан Джайпуре центр по изготовлению протезов. Кроме тысяч индийцев-инвалидов современные протезы получили тогда и семь наших соотечественников. После перевода Мехты в Дели его филантропическая деятельность переме-

стилась на тротуары индийской столицы.

С.Иродов,
соб. корр. «НВ»
Дели

Буря возмущения пронеслась по Франции после решения Парижского апелляционного суда, высказавшегося против судебного процесса над одним из наиболее одиозных коллаборационистов — вишистского режима — начальником разведки лионской милиции 77-

летним **Полю Тувье**. Этот нацистский преступник остается символом наиболее мрачного периода Франции: он участвовал в захвате и убийстве многих бойцов Сопротивления, организовывал массовую отправку евреев в «лагерь смерти», убивал лично.

Осужденный заочно к смертной казни в 1947 году, Тувье скрывался в монастырях, ему протезировали достаточно влиятельные католические круги Лиона. Когда же в 70-е годы его «извлекли на свет», дело до суда так и не дошло: президент Жорж Помпиду помиловал палача, сославшись на «давность совершенных преступлений» и необходимость «национального примирения».

В 80-е годы ему снова предъявили обвинения в преступлениях против человечества, но он опять избежал ареста благодаря вмешательству сторонников, которые помогли ему укрыться за стенами одного из монастырей. Оттуда его удалось вытащить лишь в 1989 году. Наконец Тувье отказался за решеткой. Однако нашлись судьи, склонные простить ему прошлые грехи. В 1991 году он был выпущен на свободу до начала процесса, который Парижский апелляционный суд, как теперь стало известно, решил все же не проводить. То, что вменили в вину Кляусу Барбье, осужденному лионским судом и умершему в тюрьме, почему-то не может быть предъявлено, несмотря на полную схожесть преступлений. Полю Тувье, который, если только не будет иного решения кассационного суда, останется на свободе.

Н.Шмырева

«Эхо» под новой «крышей»

Когда директор созданного при президенте Российского агентства интеллектуальной собственности (РАИС) Михаил Федотов пригласил 38-летнего **Андрея Черкизова** политическим советником, последний согласился с одним условием: зарплату на новом месте он получать не будет. Для независимого журналиста это был, пожалуй, единственный способ сохранить независимость в государственной структуре. Его трудовая книжка так и лежит на радиостанции «Эхо Москвы», где он до последнего времени работал и где продолжает — теперь уже по совместительству — работать и сейчас.

Андрей пришел в журналистику 17 лет назад. Все эти годы оставался «свободным художником». Несколько лет работал секретарем у Юлиана Семенова, но потом их пути разошлись. Был одним из создателей советско-британского издательства «Интер-Версо», первым выпустившего книгу воспоминаний Андрея Сахарова. С лета прошлого года — на «Эхо Москвы».

РАИС было образовано на месте пресловутого Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП), функции которого, по убеждению многих, в основном сводились к ограблению отечественной творческой интеллигенции, чьи литературные или музыкальные произведения имели «несчастье» хорошо продаваться на Западе, и предоставлении собственной «крыши» для сотрудников другой, более могущественной структуры.

На сегодня, утверждает Андрей, в штате РАИС нет ни одного «прикрепленного» сотрудника: «В этом отношении мы чисты».

Перед новыми руководителями РАИС стоит нелегкая задача — придется заново формировать имидж и стиль работы этой организации.

Рассказывают, будто последний директор ВААП Николай Четвериков («сгоревший» резидент КГБ во Франции) прославился тем, что в первый же день на новом месте решил устроить инспекцию в женском туалете: застав там врасплох несколько мирно курящих сотрудниц, он приказал кому-то из помощников «всех их переписать и уволить». После этого стены особняка на Большой Бронной заперестали табличками «Не курить!». Услышав эту историю, Черкизов первым делом прошелся с отверткой по этажам и лично эти таблички открутил. Через некоторое время во всех присутственных местах здания РАИС появились кресла и пепельницы. Рождается новый стиль работы?

Черкизов, недавно выступивший в телепрограмме «Да!» на фоне камина, признается в любви к комфорту и уюту. Он вообще хочет сделать из РАИС своего рода «тихую гавань», где российская творческая интеллигенция «не будет бить друг друга морду», а сможет нормально общаться.

Легион ничего не забывает

Скандал с доносами и прослушиванием телефонов, который закончился отставкой министра и его помощников

Агнеш Геробен,
венгерская журналистка

Во всей Восточной Европе прежняя власть сдала свои позиции с невероятной быстротой. Мы можем только догадываться о том, как, видимо, уже с 1985 года старые восточноевропейские лидеры, получив первые пощечины, начали понимать, что стоят перед пропастью. Они пытались — кто уступками, кто, наоборот, «закручиванием гаек» — удержаться у власти. Какое-то время они еще могли рассчитывать на поддержку репрессивных органов — армии и полиции.

Именно с полицией связан самый громкий в Восточной Европе политический скандал переходного периода от социализма к демократии, скандал, получивший название «Дунагейт», или «венгерский Уотергейт».

«Черный ящик» показывает

Январским утром 1990 года Союз свободных демократов, партия оппозиционеров, начавших свою политическую деятельность еще при Кадаре, созвал пресс-конференцию в одном из популярных частных кинотеатров Будапешта — «Граффити». Подготовка пресс-конференции велась в глубокой тайне. Мне, например, позвонили лишь накануне и без лишних слов велели обязательно прийти.

В самом начале пресс-конференции без каких-либо комментариев нам показали восьмиминутный фильм съемочной группы «Черный ящик».

Сначала под шорох осторожных шагов и взволнованный шепот на экране метался мерцающий свет карманного фонарика. Но вот его луч упал на какие-то бумаги. В гробовом молчании мы читали появлявшиеся один за другим на экране доносы, сделанные для службы внутренней безопасности, так называемого седьмого отдела министерства внутренних дел Венгрии.

В этих доносах довольно подробно излагались публичные выступления лидеров легальной функционирующей в Венгерской Республике политических партий. Агенты докладывали, кого эти партии собираются выдвинуть в парламент, о чем гово-

рят их лидеры, с кем встречаются, что и кому пишут. И это происходило за два месяца до первых свободных выборов в министерстве, которым руководил Иштван Хорват — бывший первый секретарь венгерского комсомола, бывший секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, член Социалистической партии, преемницы ВСРП.

После демонстрации всех этих документов, полученных от одного из сотрудников службы безопасности (как выяснилось позже, в тихую рождественскую ночь он впустил съемочную группу в здание министерства), на пресс-конференции выступил руководитель партии свободных демократов Ференц Кесеги — один из основных «объектов» слежки. Только что мы прочитали на экране подробный донос о том, как Кесеги предлагал одному немецкому журналисту писать статьи о политической ситуации в ГДР для некогда подпольного, а теперь вполне легального журнала «Бесега» и, мало того, даже имел наглость, что особо подчеркива-

лось в «оперативной сводке», обещать ему за это гонорар!

Сорокалетний историк Ференц Кесеги рассказал, что упомянутый в сводке разговор с немецким журналистом-оппозиционером состоялся по телефону. Узнать содержание беседы во всех подробностях можно было, только прослушав его телефон.

Кесеги не привыкать: он числился в «неблагонадежных» еще при Кадаре. Но ведь разговор с немецким журналистом состоялся 12 ноября 1989 года, в это время демократическая оппозиция в Венгрии уже вышла из подполья и получила возможность

Ференц Кесеги (слева) числился «неблагонадежным» еще при Кадаре. За ним следили и при Немете (справа)

действовать легально, в соответствии с конституцией и законами страны.

Более того, за десять дней до той беседы руководитель внутренней службы госбезопасности генерал-майор Йожеф Хорват в студии венгерского телевидения, честно глядя в глаза тому же Кесеги, торжественно заявил, что все формы слежки за ним прекращены...

Премьер изменился в лице...

Сразу после пресс-конференции Ференц Кесеги вместе с другими потерпевшими вручил генеральному прокурору города Будапешта требование рассмотреть факты нарушения закона министерством внутренних дел.

Тем временем другая делегация отправилась в парламент и вручила дубликаты документов премьер-министру страны Миклошу Немету. Популярный политик, которому прощают его коммунистическое прошлое не столько за то, что 25 марта он без колебаний передал оппозиции бразды правления, сколько за обаяние и искреннюю религиозность, Немет изменился в лице. Делегаты от оппозиции поспешили его успокоить: они не настаивают на отставке правительства, поскольку это

лишило бы страну возможности мирного перехода к многопартийной системе. Однако оппозиция решительно требует, чтобы правительство заявило о своей непричастности к этой истории, а также отправило в отставку министра внутренних дел, назначив на его место человека беспартийного и поставив деятельность внутренней службы госбезопасности под контроль парламента.

Премьер-министр осознал серьезность положения. Случись все это лет десять назад, власти не только скрыли бы инцидент от общественности, но и заставили бы молчать всех — как виновников, так и потерпевших. Но в 1989—1990 годах, когда социалистический строй в Венгрии постепенно сменялся многопартийной системой, истинная власть в стране принадлежала прессе. От журналистов нельзя было утаить ничего: ведь у нас в отличие от Советского Союза была в те годы не «гласность», а просто свободная печать.

Через два часа после окончания пресс-конференции, ровно в час дня, разгневанный премьер-министр объявил по национальному радио о своей непричастности к незаконной слежке за руководителями оппозиционных политических партий. Генеральный прокурор столицы передал дело военному прокурору, который немедленно поехал в службу внутренней безопасности и лично опечатал ее архивы.

Провод о двух концах

События разворачивались на удивление быстро. Вечером того же дня руководителю внутренней службы генерал-майору Хорвату пришлось явиться в телестудию и в прямом эфире ответить на вопросы журналистов. Обливаясь потом и заикаясь, он лепетал что-то о росте преступности, наркобизнеса и в свете этого жизненной важности деятельности его организации. Он даже попытался — без особого, правда, успеха — уклониться от ответственности за прослушивание телефонов. «У провода ведь два конца», — заявил он присутствовавшему в студии Ференцу Кесегу, глядя ему в глаза так же честно, как и в ноябре, когда уверял, что никакой слежки за ним не ведется.

Кесег кивнул: «Вполне возможно, что сведения о моем разговоре были получены вами от берлинских коллег: говоря по телефону, я неправильно назвал имя журналиста, а в сводке оно с чисто немецкой педантичностью исправлено. Но как тогда быть с остальными доносами? Неужели секретные службы ГДР вскрывают личные письма и собирают информацию о

закрытых заседаниях легально функционирующих венгерских политических партий?»

Лишь через несколько недель, в начале февраля, решился предстать перед общественностью сотрудник, который помог группе «Черный ящик» разоблачить противозаконную деятельность внутренней службы.

48-летний майор Йозеф Вегвари выглядел лет на 20 старше своего возраста. Йозеф рассказывал, как бунтовала его совесть. Он принял окончательное решение 16 июня 1989 года, в день торжественного перезахоронения премьер-министра Венгрии Имре Надя и других жертв 1956 года: «При виде стотысячной скорбящей толпы я понял, что мы — вовсе не выразители воли народа. Мы работаем против него...»

После телевыступления майор Вегвари надел парик, облачился в лохмотья и ушел в подполье, не поверив даже премьер-министру, который лично ручался за его жизнь.

На очередной сессии парламента перед началом обсуждения повестки дня попросил слова министр внутренних дел Иштван Хорват. В этот момент я ехала в такси, и водитель, с ехидной улыбкой кивнув на радиоприемник — шла прямая трансляция, — сказал: «Сейчас подаст в отставку, собака...»

Так и произошло. Отказавшись признать за собой вину, министр сложил свои полномочия со словами: «Я поступаю так, потому что при демократии так принято...» Подали в отставку и руководитель службы госбезопасности, и первый заместитель министра внутренних дел.

Агентам просто платят

Но история «Дунагейта» на этом не закончилась. Появился еще один разоблачитель — на сей раз из центрального полицейского управления Будапешта. Старший лейтенант Байчи, который отвечал за вербовку студентов столичных университетов, под щелканье фотоаппаратов, в сопровождении лидеров оппозиции прошел от здания полиции до военной прокуратуры, куда передал ком-

прометирующие министерство внутренних дел документы. Парик он не надевал, в подполье не уходил, о системе создания «сети» рассказывал бодро и весело. «Имею честь доложить вам, — говорил по радио Иштван Байчи, — что в эту систему входят: а) секретные сотрудники, б) осведомители, в) агенты. Секретный сотрудник дает нам информацию, потому что он «предан коммунистическим идеалам». Для него доносы — выражение политических убеждений, внутренняя потребность. Осведомители тоже лояльны к строю, но их лояльность составляет лишь политическую основу сотрудничества, за которым всегда стоят и личные интересы. Какие именно? Ну, скажем, определенная помощь в продвижении по службе, внеочередное получение квартиры или машины — что-нибудь в этом роде. Но осведомителей не следует путать с третьей категорией — с агентами, которым просто платят за информацию».

После этих разоблачений мы не сомневались, что вслед за внутренней службой министерства будет ликвидировано и соответствующее подразделение полиции. Но наивно прасно будущие историки будут разыскивать в архивах документы о деятельности репрессивных органов. В дни румынской революции 1989 года, когда буквально вся Венгрия сдала кровь, собирала одежду для трансильванских венгров и румын, в Будапеште венгерская полиция сжигала десятки тонн доносов и тому подобно компромата. Происходило это недалеко от моего дома, в главном полицейском управлении венгерской столицы.

Два первых венгерских «разоблачителя» выпустили джинна из бутылки. История внутренней слежки продолжалась без них: оба они были уволены. В результате майор Вегвари пал жертвой мании преследования и страстился к алкоголю, а старший лейтенант Байчи уехал работать учителем в деревню. Но вряд ли он может рассчитывать на спокойную жизнь: подписывая приказ об увольнении, его начальник зловец процитировал строку из устава Иностранного легиона: «Легион все помнит — 25 лет...»

Рисунок Аркадия Гурского

Почему вопит кошка

Постепенное отрубание хвоста экономически нерентабельно

В номере «Правды» от 9 апреля журналист Владимир Герасимов в статье «Кошке будет больно» выступил в защиту следующих объектов: России, СССР, газеты «Правда», себя, кошки — и медленной, ползучей реформы.

Я люблю «Правду». Я ее всегда любил, сколько себя помню. И ее неожиданные гениальные открытия в области животноводства и живности. Я плакал и рыдал, когда вычитал, что, «как показали последние исследования, совсем не обязательно кормить скот соломой. Если скосить дикорастущие травы, высушить, то получится сено, которое КРС поедает не менее охотно, чем солому».

Итак я любил, люблю и буду любить «Правду». Непременно буду любить и автора статьи, потому что он, «сколосив себя помнит», защищал рынок и, видимо, кошек. Так как обычно люди себя помнят лет с трех-четырех, то стаж защиты рынка и кошек вызывает уважение.

Должен признаться, что я с детства не только правдолюб, но еще и кошкофил. Я с детских лет сплю с кошками. Честно и прямо говорю, что кошек знаю лучше автора. Он утверждает, что отрубать кошке хвост за один раз, как это делают габровцы, есть «живодерская мето-

дика». И он знает точно, что кошке куда приятнее, когда хвост рубят по частям. Отрубят кусок, дадут ране зажить, потом еще кусок отрубят. Таким образом растягивают эту глубоко кошкострашную операцию лет на 15, то есть на всю кошачью жизнь.

Утверждаю честно, открыто, прямо: это глубокое теоретическое заблуждение известного кошководы, проистекающее из слабой подготовленности в области практики. Опираясь на свои наблюдения и многовековой опыт города Габрова и его сельских окрестностей, утверждаю, что кошки этого не любят. Осмелюсь даже высказать радикальнейшее положение: кошки вообще не любят даже разового отрубания хвоста.

Я провел репрезентативный социологический опрос, охвативший кошек всех социальных слоев и географических групп: домашних и диких, подвальных и подушечных, аристократов и плебеев, дальневосточных и северо-западных, городских и сельских. Ни одна, ни одна (!) кошка не выказала мазохистских наклонностей. Все не любят отрубать себе хвосты.

При опросе габровцев выяснилось, что постепенное отрубание хвоста и экономически нерентабельно. Во-первых, из-

лишне тупятся топоры, а на их заточку тратятся дефицитные и дорогостоящие энергоносители. Во-вторых, много уходит на социальную защиту кошек в виде бинтов, йода и молока. В третьих, больные кошки в период заживления хвостовых ран плохо ловят мышей, а мыши в этот период размножаются и поедают больше габровского сыра.

Вывод. Если установлено, что кошке необходимо отрубать хвост, то надо это делать быстро и за один раз.

Кошковод Герасимов еще и экономист. Поэтому от кошек он с изящной неприужденностью переходит к экономическим реформам в России и СНГ. «Выдь на Волгу, чей стон раздастся...» Стонет Бабуринов, стонет Аксютин и стонет Руцкой. О чем стонет, о чем вопит правдинская кошка? О том, что к рынку надо идти постепенно, лет 25–30. Что рынок должен быть социальным. И о том, что продали родной подвал буржуйским кошкам, которые будут здесь только мышей выращивать на сырье, а кошачьи консервы у себя в буржуинских странах выпускать.

Думаю, что мне известны скрытые причины вопля этой кошки. Катя, так зовут мою любимицу с необыкновенно блестящим черным мехом, родилась в деревне. Как только вошла в силу, стала ежедневно ловить мышей и крыс. Когда мне случилось наказать ее, она часа через 3–4 приносила ко мне в кабинет добытую на охоте в школьном подвале крысу и смо-

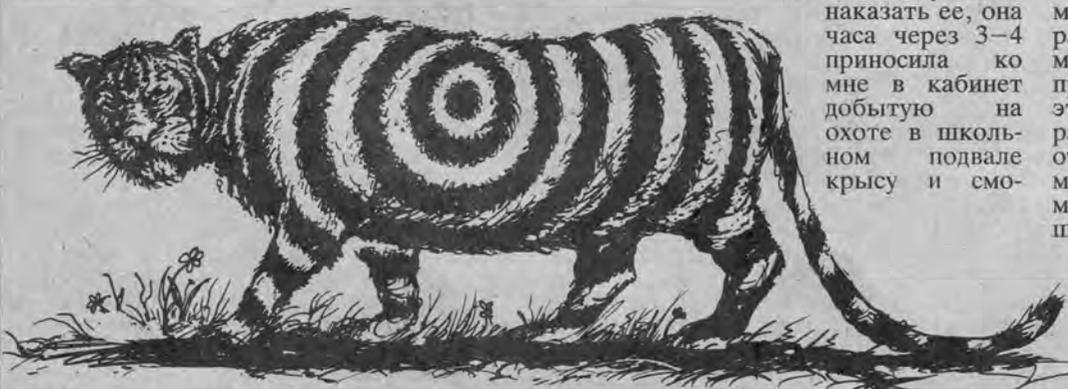
трела с глубокой и искренней укоризной: «Смотри, на кого ты руку поднимал». Работала она честно и добросовестно. На трудодни получала иногда молоко, а иногда, по моей занятости, «палочки». Но вот мы с ней переехали в город. Выпускать ее в городские подвалы, полные лихачных животных, не хотелось. Пришлось взять ее на полное довольствие. Постепенно исчезла в магазинах рыба. Пришлось Кате есть макароны, картошку и прочее. Совсем не кошачья еда, да и скудная. Но Катя привыкла. Обнаружила, что хоть и мало, но еда дармовая, работать не надо. И теперь ее силой на охоту не выгонишь. Мяукает, требует своей «средней по стране» зарплату, согласна на минимальный прожиточный уровень, лишь бы не работать. То есть стала нормальной социалистической кошкой.

Когда Бабуринов, Слободкин и иже с ними вопят о защите социализма, они просто боятся, что их выгонят с блистательных трибун и заставят самих «в поте лица» зарабатывать себе масло и колбасу. Когда колхозники говорят новоявленному фермеру: «Мы весь век в нищете жили, а ты хочешь богатым быть, не дадим земли!» — они борются за «социальный рынок». Я убедился в развращающем влиянии уравнилительной нищеты на примере своей собственной кошки.

Не думайте, что я удачливый бизнесмен. Я рядовой советский интеллигент, родившийся и составившийся при социализме. Я совок и таковым помру. Но я та кошка, которая осознала необходимость отрубания хвоста, и прошу не растягивать этого удовольствия. Герасимовская кошка вопит от страха перед необходимостью ловить мышей самостоятельно. Не слушайте ее! Рубите хвост!

Владислав
Вишнепольский
НИЖНИЙ НОВГОРОД

Рисунок Владимира Ненашева

У ВАС ЕСТЬ ПРОБЛЕМЫ?
ОБРАЩАЙТЕСЬ НА МОСКОВСКУЮ
МЕЖДУНАРОДНУЮ АГРОПРОМБИРЖУ
(ММА)

ММА – это надежные хозяйственные связи, услуги по транспортировке, хранению, переработке и реализации Вашей продукции

ММА – это оперативная коммерческая информация на базе новейших компьютерных технологий

ММА – это доступные кредиты, страхование коммерческого риска при реализации финансируемых Агропромбиржей проектов

АГРОПРОМБИРЖА ОТКРЫТА К СОТРУДНИЧЕСТВУ!

INTERNATIONAL
ELECTROTECHNICAL
COMMODITY
STOCK
EXCHANGE

Международная
электротехническая
товарно-фондовая
биржа в
Новосибирске стала
центром притяжения
производителей
электротехники.

Ее учредители –
предприятия от Балтики
до Камчатки.

*У нас работают
брокерские конторы
из городов:*

Москва
Калининград
Минск
Нижний Новгород
Киев
Санкт-Петербург
Екатеринбург
Псков
Тюмень
Томск
Ленинск-
Кузнецкий
Омск
Алма-Ата
Бишкек
Красноярск
Ангарск
Черновцы

*Для посредников биржа
предлагает аренду
брокерских мест на год
(стоимостью 50 тысяч
рублей) и разовое
участие в торгах
(стоимостью 500 рублей)
с правом заключения
сделок.*

Часовня
Николая
Угодника

Наш адрес: 630099, Новосибирск, ул. Ленина, д. 3, комн. 238.
Телефоны: (3832) 22-78-14, 22-68-50, 22-13-25; факс 22-13-25.